

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО
ОБЩЕСТВА**

Сборник научных статей кафедры политических наук

ВЫПУСК 18

Издательский центр «Наука»

2012

УДК 32.01 (082)
ББК 66.3 я 43
П 50

П 50 Политические проблемы современного общества: сборник научных статей кафедры политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Саратов: Издательский центр «Наука», 2012 – Вып. 18. С. 169

ISBN 978-5-91272-395-7

В восемнадцатый выпуск сборника научных трудов «Политические проблемы современного общества» вошли доклады учёных кафедры, сделанные на VI Конгрессе политологов России, статьи, в которых отражаются результаты научного поиска преподавателей, аспирантов, соискателей, студентов, бакалавров и магистрантов кафедры политических наук университета и политологов других вузов. Научные исследования, посвящены как прикладным, так и теоретическим вопросам по наиболее актуальным проблемам современности.

Для политологов, социологов, юристов, экономистов, всех интересующихся политической ситуацией в современной России, а также проблемами современной политологии.

Редакционная коллегия:

доктор политических наук, профессор А.А. Вилков,
доктор политических наук, профессор Н.И. Шестов,
доктор исторических наук, профессор Ю.П. Суслов.

УДК 32.01(082)
ББК 66.3 я 43
П 50

Работа издана в авторской редакции

ISBN 976-5-9172-395-7

© Издательский центр «Наука», 2012

VI конгресс политологов России (22 – 24 ноября 2012 г.)

Тема конгресса была посвящена изучению российских и зарубежных политических институтов и стратегий взаимодействия в условиях современного глобального мира. Акцент на институциональных факторах и эффективных стратегиях взаимодействия поставлен не случайно. Именно они, как полагают организаторы конгресса, во многом определяют успешную внутреннюю и внешнюю политику. И именно недостаточность их развития отмечается во многих мировых рейтингах, оценивающих политический процесс в России. Отсюда десять основных тем, которые были предложены к обсуждению на конгрессе:

1. Стратегические ресурсы политической конкурентоспособности в глобальном мире;
2. Образ России и его влияние на внутреннюю и внешнюю политику;
3. Россия и глобальное политическое управление;
4. Терроризм и глобальное сотрудничество в вопросах безопасности
5. Государство в современном мире;
6. Проект модернизации России как гражданская инициатива;
7. Социокультурное многообразие в современном мире и возможности политического управления;
8. Модернизация и развитие в условиях демократии и авторитаризма;
9. Финансовый кризис, взаимозависимость и политика;
10. Неравенство и борьба за справедливость: национальные и международные политические стратегии.

Помимо этих основных тем проблематика конгресса группировалась в соответствии с суботраслями политической науки, предложенными исследовательскими комитетами РАПН, со специальными заседаниями и «круглыми столами».

О своем участие во Всероссийском конгрессе политологов заявили около 700 политических исследователей, преподавателей, технологов, политиков, специалистов смежных областей научного знания. Среди них – российские участники (из более чем 60 городов РФ) и зарубежные ученые, представляющие более 30 стран мира.

Представители юридического факультета СГУ им. Н.Г. Чернышевского приняли самое активное и непосредственное участие в конгрессе:

1. Вилков Александр Алексеевич, докладчик и ведущий, заседание «Политические идеологии в современном мире», тема выступления «Специфика и перспективы политического пространства социал-демократии в современной России»;
2. Шестов Николай Игоревич, докладчик, заседание «Политическая теория», тема выступления «Перемены в мифе государства»;
3. Барашков Григорий Михайлович, докладчик и дискуссионный партнер, заседание «Политическая теория», тема выступления «Институты и функциональные особенности гражданского общества в современной России»;

4. Митрохин Владимир Алексеевич, докладчик, заседание «Политическая философия», тема выступления «Н.Е. Муров и его «Плоды народовластия»»;

5. Вестов Федор Александрович, докладчик, заседание «Государство в современном мире», тема выступления «Проблема системности научных представлений о правовом государстве в политологии»;

6. Данилов Михаил Викторович, докладчик, заседание «Выборы и электоральный процесс», тема выступления «Неполитическая детерминация избирательного процесса в России: корреляции социально-экономических показателей и уровня явки на выборах 1990-2011 годов»;

7. Попонов Денис Вячеславович, докладчик, заседание «Политическая регионалистика», тема выступления «Трансформация губернаторского корпуса: эффекты контрактной системы»;

8. Казаков Александр Александрович, докладчик и дискусант, заседание «Политическая лингвистика», тема выступления «Манипуляционные механизмы политических медиа-текстов: вариант ранжирования», заседание «Международные отношения», тема выступления «Информационная «повестка дня» в контексте «перезагрузки» российско-американских отношений»;

9. Богданов Артём Владимирович, докладчик, заседание «Политическая социология и психология», тема выступления «Особенности политической культуры молодежи в современной России (региональный аспект: на материале Саратовской области)»;

10. Калинин Вячеслав Андреевич, докладчик, заседание «Теория политики», тема выступления «Идентификация национализма в идеологическом пространстве современности».

Раздел I Доклады на конгрессе

Барашков Г.М.,
кандидат политических наук,
доцент Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского

Институты и функциональные особенности гражданского общества в современной России

Идея гражданского общества обрела особую актуальность в условиях посткоммунистического пространства, где радикальные преобразования привели к активному поиску ценностных ориентиров. Идея гражданского общества должна была прийти на смену коммунистической идеологии, как некая ценность, ориентир, которая бы заложила бы некую парадигму взаимоотношений и взаимодействий власти и общества. И, собственно

говоря, здесь начинаются определенные проблемы, имеющие как теоретическую, так и практическую плоскость.

Во-первых, идея гражданского общества не имеет надлежащего концептуального оформления, поэтому не сложился тот уровень метатеории, который бы обеспечивал аксиоматический подход к рассматриваемой проблеме. Вероятно, этим объясняются утверждения, что идея гражданского общества была всего лишь регулятивной нормой в канун буржуазных революций и не больше, а само гражданское общество оформляется только в эпоху раннеиндустриального этапа, чтобы уже во второй половине XIX века трансформироваться в массовое общество и прекратить свое существование¹.

Другие авторы полагают, что идея гражданского общества никогда не обретала своего опредмеченного состояния. Она никогда не выходила за рамки некоего идеала².

Третьи – пытаются рассматривать феномен гражданского общества в абсолютном отрыве от института государства, определяя гражданское общество как «ту ткань нашей совместной с другими жизни, которая для своего поддержания не нуждается в государстве, поскольку создается за счет низовых инициатив», опираясь на рынок и общественность³.

Есть и те, кто высказывает мысль о том, что феномен гражданского общества, являясь творчеством и продуктом эпохи Нового времени, продолжает существовать и ныне, претерпевая исторические модификации⁴.

Исследование феномена гражданского общества и многообразие взглядов на его сущность и перспективу сопряжено с попыткой решить проблему взаимосвязи и взаимодействия государства и гражданского общества, выявить правовое пространство этой взаимосвязи, определив статус государства и гражданского общества в системе общества.

Нет единого ответа и на вопрос, что есть гражданское общество в условиях XXI века, времени постмодерна, формирования постиндустриального общества и поиска новой модели развития в условиях глобальных кризисов.

Возникает вопрос, относительно того, применительно ли понятие «гражданское общество» к России? Одни видят основания российского гражданского общества в крестьянской общине, православной идеологии, соборности дооктябрьского периода. Другие считают, что гражданского общества в пространствах Российской империи и СССР никогда не существовало, для этого не существовало никаких предпосылок, и его нужно создавать впервые. Если же создавать впервые, то либо используя опыт Запада, либо опираясь на традиции с учетом российских условий.

Вместе с тем из множества дискуссионных моментов, встречающихся в трактовке содержания гражданского общества, диапазон

¹ См.: Селигман А. Проблема доверия. М., 2002. С.71.

² Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С.65.

³ Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. М., 1998. С. 89.

⁴ См.: Голенкова З.Т. Гражданское общество в России. //Социс. 1997.С. 26.

которых колеблется от полного отрицания его эффективности в качестве конкретной модели социально-политической практики до некоторых частных моментов его понимания, для современной России, по нашему мнению, особый интерес представляют вопросы, связанные со способностью российского общества к самоорганизации и автономизации от государства, с выявлением субъектов, формирующих гражданское общество, с применимостью западной модели гражданского общества для воплощения в России, с выяснением характеристик современного типа гражданского общества, т. е. всего того круга проблем, которые имеют огромное политическое значение для будущего страны.

Иными словами, проблематика гражданского общества в ином социокультурном контексте предполагает анализ фундаментальных вопросов, фиксирующих специфику российской цивилизации, обращающихся к институциональным основаниям гражданского общества в современной России и, наконец, актуализирующих проблемы «разрыва-преемственности» между дореволюционной Россией и Советским Союзом, Советским Союзом и постсоциалистической Россией. Без их анализа вряд ли возможно продуктивное рассмотрение ключевых вопросов состояния российского общества в настоящий момент, поскольку элементы гражданского общества всегда вырастают на базе тех институтов и принципов общежития, которые складываются в традиционных сообществах и имеют многовековую историю. Именно культурно-цивилизационное своеобразие обществ, определяемое той или иной устойчивой доминантой ценностей, непосредственно влияет на весь смысл жизнедеятельности человека и отражается в повседневной деятельности масс.

При таком подходе перспективу гражданского общества в России следует рассматривать не с позиций западничества, а иначе. Она должна быть содержательно увязана с конкретной ситуацией и вместе с тем с национальными культурно-историческими традициями, в которых государство, эгалитаризм, предпочтение коллективу всегда были определяющими для национальной самоидентификации. И здесь можно согласиться с теми авторами, которые считают, что на протяжении всей своей истории Россия развивалась в целом по «европейскому пути», хотя в этом процессе с самого начала проявились качественные особенности, связанные со спецификой русской культуры⁵. Гражданское общество тем самым не является для нас чем-то чуждым, скорее, оно естественно и органично, но его конкретные формы, вне всякого сомнения, были иными, чем на Западе.

Обращение к своеобразию России является обращением не ради только самого своеобразия, а скорее это попытка расширения возможных альтернатив выхода из системного кризиса сегодняшнего дня. Необходимо это также и для восстановления связи с национальным духом народа, его образом и строем жизни, вековыми социальными и политическими

⁵ См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2т. Т.2. СПб. 2000. С.287.

традициями. Нельзя пренебрегать базовыми, первичными структурами массового национального сознания, формирующими характер народа. Новая государственность в любом случае будет опираться на традиционные социокультурные и политические ценности общества. В каких формах это произойдет, будет зависеть от всей совокупности разнопорядковых факторов как прошлого, так и настоящего.

Политическое развитие современной России показывает, что механическое перенесение западных экономических и политических структур на иную социокультурную почву ведет лишь к деградации социальных отношений, дезорганизации социальных субъектов, резкому обострению существующих и порождению новых социальных противоречий и, в конечном счете, к снижению качества мотивации любой человеческой деятельности. Всегда существует прямая зависимость развития общества от совокупности социальных институтов, сформировавшихся в ходе его многовековой эволюции и придающих той или иной стране неподражаемое своеобразие. В связи с этим перспектива гражданского общества в России должна рассматриваться не с позиций теоретического монизма, как это обычно происходит сейчас, а совершенно иначе. Она должна быть содержательно увязана с конкретной ситуацией и вместе с тем с цивилизационной органикой России, а не проявляться в попытках массовой инфильтрации западных институтов гражданского общества, да к тому же еще во многом и в их иллюзорно-утопическом варианте.

Вместе с тем в настоящее время основная задача заключается в формировании такого типа гражданского общества, который был бы адекватен и современной эпохе. Именно этим должны определяться способы преобразования России. На наш взгляд, реалистический учет объективных тенденций мирового развития не требует разрушения собственных цивилизационных основ, скорее, наоборот, в них на институциональном уровне должны быть проведены преобразования, соответствующие современным техническим и организационным достижениям Запада. И это вполне возможно, поскольку опыт ряда государств (Японии, Китая, Индии, стран Латинской Америки и другие), которые отвергли вестернизацию, но, тем не менее, модернизируясь, превратились в современные общества, свидетельствует о том, что сохранение своей цивилизационной самобытности не препятствует эффективному экономическому развитию⁶. А в нашем случае сложившаяся критическая ситуация во многом обусловлена именно нашим неумением или нежеланием совместить необходимую модернизацию основополагающих факторов социальной жизни с национальными особенностями российской культурно-исторической традиции.

Условия зарождения гражданского общества в России отличались от аналогичных процессов на Западе. На формирование гражданского общества

⁶ См.: Шестов Н.И., Барашков Г.М. Гражданское общество и его аналоговые формы. //Известия СГУ, 2011. С. 71-78.

в России, на ее культурно-цивилизационное многообразие влияли следующие факторы.

Во-первых, большие географические пространства, экстенсивный способ их освоения в неблагоприятных климатических и природных условиях предопределили низкий уровень цивилизованности и социокультурного мироустройства⁷. Во-вторых, социальная эволюция осуществлялась по принципу «сильное государство – слабое общество», общество оказалось не в состоянии ограничить политическую власть. Доминантной формой социальной организации стала государственность, что изначально формировало соответствующее нормативно-ценностное пространство. В-третьих, это наличие института «власть – собственность», когда власть над людьми сочетается с властью над собственностью, что сближало Россию с восточным социально-политическим устройством. В четвертых, это неразвитая городская культура и неоформленный городской образ жизни, соответственно, большой удельный вес субкультуры простолюдинов, то есть людей, лишенных индивидуально-субъективного начала, не способных и не желающих отвечать на вызов меняющихся обстоятельств. Их отличительный признак – неприятие таких проявлений личности, как свобода, достоинство, собственность⁸. В пятых, неразвитость рынка в условиях господства крестьянской общины и подавляющей доли крестьян в составе населения и, соответственно, недостаточное развитие частной собственности, стимулов сельскохозяйственного труда, предпринимательства. Даже с отменой крепостного права при несомненном оживлении хозяйственной жизни община продолжала сковывать инициативу подавляющего большинства населения.

Эти российские особенности следует сопоставлять с цивилизационными и упущенными альтернативами, в том числе с возможностями формирования гражданского общества. На наш взгляд, эти возможности относились в большей степени к XX веку, чем веку XIX, в котором был проделан путь, вполне адекватный ситуации пореформенной России. А уже с 17 октября 1905 года появилась принципиальная возможность для России стать конституционной монархией, но эта альтернатива не реализовалась. Реформы П.А. Столыпина заложили возможность «размывания» общины, препятствовавшей становлению гражданского общества, но и им не суждено было реализоваться в полной мере.

После Октябрьской революции в политической сфере стала доминировать большевистская партия, а затем советское государство во всех сферах общественного бытия. Этатизм и идея классовой борьбы вытеснили идею гражданского общества, а формализация общественной жизни и

⁷ Соловьев В.Н. Условия формирования гражданского общества в России. М., 2008. С. 18.

⁸ Там же. С. 19.

отсутствие гарантий личных прав и свобод нанесли ощутимый удар по идее гражданского общества.

Кризис коммунистических режимов в конце 80—90-х годов XX века привела к обновленному интересу к возможностям гражданского общества противостоять тоталитаризму сначала у диссидентов, затем у политиков и теоретиков из числа разочаровавшихся марксистов. Для одних – это был рецидив индивидуалистического и конституционного либерализма, для других – признание превосходства свободного рынка над централизованной плановой экономикой. Популярность идеи в странах бывшего коммунистического мира способствовала ее общему ренессансу во всех странах либеральной демократии или движущихся в ее направлении.

Ситуацию в странах Центральной и Восточной Европы, с точки зрения идеи гражданского общества наиболее полно выразил Е. Шацкий. По его мнению, отрицание коммунизма и поиск альтернативной позиции явились естественным источником симпатий к либерализму, который в странах реального социализма появился сначала как своего рода коммунизм наоборот, иначе говоря, как своеобразный свод принципов, противоположных официальной идеологии и бывших, по сути дела, негативами коммунистических реалий. Свобода понималась как противоположность повсеместным запретам и ограничениям, права человека и гражданина как противоположность господствующему этатизму, рынок как противоположность плановой экономике и так далее⁹. Ключевыми в оппозиционных ценностях были две идеи – автономия личности и гражданское общество.

Интерпретация идеи автономии личности была связана не с оппозицией личности к обществу, а с оппозицией личности к государству, поскольку считалось, что в условиях социализма индивид подвергается нажиму в первую очередь со стороны государства. Поэтому индивид стремился найти поддержку в обществе, которое, по его мнению, также находилось в оппозиции к государству. Но этот подход весьма серьезно отличался от западного понимания свободы личности, где ее уверенно связывали последние сто лет с расширением частной сферы¹⁰.

Обращение к идее гражданского общества также было вполне естественным, поскольку либерализм основывается на различении государства и общества, различении, которое и отражает большинство современных концепций гражданского общества. По мнению Е. Шацкого, понятие гражданского общества далеко не случайно стало главным оппозиционным лозунгом и приобрело популярность именно в 80-е года XX века, когда оно распространилось под самыми разными названиями: «независимая культура», «параллельные структуры», «альтернативное общество» и другое.

⁹ См.: *Шацкий Е.* Протототализм: автономия личности и гражданское общество // Политические исследования. 1997. № 5. С.69.

¹⁰ Там же. С. 78.

Таким образом, понятие гражданского общества было введено в обращение как само собой разумеющееся, и им стали пользоваться, по мнению Е. Шацкого, как определением не то цели, к которой следовало стремиться, не то наиболее ощутимых результатов оппозиционной деятельности, не то любых, сохранивших независимость от государства отношений и структур. Иногда подчеркивалось, что пока коммунисты находятся у власти, «гражданское общество неизбежно обречено оставаться реальностью для меньшинства, иногда проявлялась тенденция к отождествлению его с обществом как таковым...»¹¹.

Данная смысловая неоднозначность была связана с использованием понятия прежде всего в пропагандистских, а не аналитических целях. Это имело своим следствием значительную неопределенность термина, что проявлялось в отсутствии четкой границы между описательным и нормативным аспектами. В конечном итоге, как пишет Е. Шацкий, понятие гражданского общества, получившее признание в Восточной Европе, опиралось на какие-либо классические теории либерализма только в той их части, в которой слово «civil», в отличие от своего первоначального значения, получает принципиально «общественное» содержание и перестает быть синонимом слова «political». То есть в данном случае речь идет не только о различении гражданского общества и государства, но и о весьма решительном их противопоставлении¹². И более того, «идея гражданского общества появилась в Восточной Европе прежде всего как идея антигосударственная», и в этом ее принципиальное отличие от западной ситуации, где возврат к идее гражданского общества также имел антиэтатический характер, но не включал в себя восприятие государства как по сути своей враждебное и чуждое обществу. По мнению Е. Шацкого, без понятия «оппозиция» такого рода обществу вообще невозможно дать определение, поскольку мерой его развития является степень выраженности и многогранности этой оппозиции¹³.

Таким образом, теоретические представления, которые получили распространение в бывших социалистических странах, имели принципиальные особенности, касающиеся понимания самой сущности гражданского общества, его взаимодействия с государством и тем самым серьезно отличались от западноевропейских концепций гражданского общества. Противопоставление гражданского общества и государства основывалось на вытекающем из теории тоталитаризма убеждении, что социалистическое государство проникает во все сферы жизни и тем самым уничтожает гражданское общество, а поэтому борьба за возрождение гражданского общества является борьбой с тоталитаризмом.

В конечном итоге все это оформилось как принципиальные различия между западно - и восточноевропейскими идеями гражданского общества.

¹¹ Шацкий Е. Указ. соч. С. 83.

¹² См.: Там же. С. 84.

¹³ См.: Там же. С. 84.

Во-первых, еще до появления концепции гражданского общества на Западе произошла Реформация, которая привила индивидам «контрольные механизмы» и сформировала основу эмансипации личности. Во-вторых, на Западе гражданское общество, по мнению большинства специалистов, было уже в течение нескольких веков некоей данностью, естественной средой социального взаимодействия. В Восточной Европе гражданское общество появилось как идеологическая конструкция, в которой речь шла о создании нового морального и общественного порядка, но экономическая база которого тем не менее оставалась в высшей степени туманной. Поэтому можно говорить о причинах ограниченности идеи гражданского общества в этом регионе, которых, по мнению Е. Шацкого, было три: во-первых, недопонимание характера отношений между гражданским обществом и государством; во-вторых, недостаточное развитие взглядов на экономическую базу гражданского общества; в-третьих, чрезвычайная расплывчатость представлений о более справедливом обществе, а также весьма условные представления по проблемам представительства и согласования разнородных интересов, неизбежно существующих в обществе с развитой социальной дифференциацией¹⁴.

Данные обстоятельства не позволяют классифицировать идею гражданского общества в Восточной Европе как либеральную и без каких-либо оговорок отнести к тому или иному теоретическому западному образцу, хотя, конечно, эти взгляды вполне укладываются в рамки западной либеральной традиции, но одновременно во многом и не совпадают с ней.

Своеобразие восточноевропейской идеи гражданского общества последней четверти двадцатого века отмечается и в более широком контексте теорий «демократического транзита» с их ключевыми понятиями «переход к демократии» и «закрепление демократии». В рамках этого подхода происходящее в постсоциалистических странах трактуется как одно из проявлений современной общемировой тенденции к демократизации.

Становление гражданского общества в современной России происходило в уникальной исторической ситуации: исчерпанность советской модели организации социума выражалась в процессах его самораспада. Облик гражданского общества складывался в начале 1990-х годов под воздействием адаптировавшихся к новым реалиям старых советских структур, выпадения из социальных отношений большого количества людей и разного рода тенденций, структурирующих новый тип социума. В этой связи анализ функциональных особенностей институтов гражданского общества в России предполагает рассмотрение развития и современного состояния политических партий и групп интересов, а также общей эволюции принципов взаимодействия данных институтов и государства в процессах выработки публичной политики.

В своем развитии современные политические партии в России прошли три основных этапа:

¹⁴ См.: Там же. С. 85.

1. становление политического плюрализма в СССР и соответственно России до развала СССР (1986 – 1991 гг.);
2. формирование политических партий в процессе электоральной борьбы (1992 – 1999 гг.);
3. превращение политических партий в политико-административных агентов государства (с 2003 г.).

Становление политического плюрализма в СССР началось в период Перестройки с середины 1980-х годов, которая позволила возникнуть ряду групп, сыгравших впоследствии существенную роль в формировании политических партий. На этом этапе можно выделить четыре основных тенденций.

Во - первых, диссидентские группы не сыграли той роли, которую подобные группы имели в Центральной и Восточной Европе периода третьей волны демократизации. На формирование политического плюрализма в СССР большее влияние оказали так называемые «неформальные группы», активная деятельность которых пришлась на вторую половину 80-х гг. В 1986 г. в Москве и Ленинграде возникли первые неформальные клубы, еще провозглашавшие социалистические лозунги, но уже противостоявшие официальной коммунистической идеологии. Объединение ряда клубов в региональные народные фронты, а затем — в Народный фронт РСФСР, создало условия для активной оппозиционной деятельности на выборах в Советы в 1989 и 1990 гг. По новому Закону о выборах объединения избирателей, основу которых зачастую составляли эти клубы, получили право выдвигать в избирательных округах своих кандидатов, соперничавших с кандидатами от «блока коммунистов и беспартийных».

Во - вторых, консолидация демократических сил происходила и в рамках Съезда народных депутатов СССР, избранного в 1989 г. Здесь сформировалась влиятельная и активная межрегиональная депутатская группа, лидером которой стал главный оппозиционер и будущий президент России Б. Ельцин.

В - третьих, в конце 1980-х возникли первые политические организации, которые называли себя партиями, такие как Христианско-демократический союз, Союз конституционных демократов, Конфедерация анархо-синдикалистов (1989), Демократическая партия России, Социал-демократическая партия РФ (1990) и другие. Возможность легальной деятельности этих организаций как партий возникла после отмены статьи 6 Конституции СССР в марте 1990 г.

В – четвертых, процессы дифференциации происходили и в правящей еще КПСС. В 1990 году в ней было сформировано объединение под названием Демократическая платформа в КПСС, деятельность которой привела к образованию ряда партий, например, Республиканской партии.

После принятия новой Конституции в 1993 году, и связанными в связи с этим изменениями в политической системе, стала формироваться российская политическая система с множеством партий, различной идеологической окраски, с доминированием левых сил.

Избирательный цикл 2003 – 2007 годов существенно изменили партийно – политический спектр России. Роль доминирующей партии стала выполнять «Единая Россия», которая стала называться партией власти. Левые партии были значительно потеснены, а правым либеральным партиям СПС и «Яблоку» не удалось пройти в парламент.

Превращение партий в политико-административных агентов государства является характерной чертой современного этапа партийного строительства. Стоит согласиться с немецким исследователем Э. Шнайдером, который считает, что «было бы неправильно автоматически делать вывод о недемократичности Государственной Думы только на основании того факта, что две трети парламента поддерживают правительство... Тем не менее, с учетом того, что к президентскому лагерю следует отнести по сути все партии, кроме разве что КПРФ, да при этом принять во внимание, что «Единая Россия»...захватила должности председателей всех 29 комитетов (нередко также и первых заместителей председателя), оставив все остальные фракции без единого председательского кресла, то можно действительно задаться вопросом, является ли еще Госдума местом политического противоборства»¹⁵, или «местом для дискуссий». Хотя этот процесс неравномерен и в разной степени касается всех партий, тем не менее ряд существенных характеристик отрыва партий от исходных интересов формирующегося гражданского общества заставляет говорить о том, что партийно – политическое общество в России все ближе смыкается с государством.

Одним из факторов подтверждающим данный тезис является образование в канун выборов 2011 года народных фронтов, прежде всего, конечно, ОНФ, как наиболее многочисленного и созданного под патронажем власти. Это событие показывает, что власть ищет новые формы взаимодействия с обществом. Это объясняется тем, что старая модель построения гражданского общества в целом не вписывается в концепцию «вертикали власти», и вызывает лишние проблемы для власти. Но провозглашенные с высоких трибун заявления о необходимости построения в России гражданского общества и демократизации страны должны подкрепляться на практике, что собственно говоря, и подталкивает власть на поиск модели гражданского общества в России, отвечающей текущему моменту. Создание таких объединенных фронтов должно создать определенную иллюзию тесного взаимодействия власти и общества, соучастия, взаимного интереса на благо общей цели. И именно через такие фронты власть может контролировать и управлять ситуацией, а общественные организации превратятся в филиал «Единой России». Таким образом, гражданское развитие происходит не через участие граждан в равноправном диалоге с органами государственной власти, а через процессы задаваемые и управляемые «сверху».

¹⁵ Шнайдер Э. Россия после выборов //Вестник аналитики. 2004. №2. С. 10.

Более того, создание подобного рода объединений является признанием недееспособности или ограниченной дееспособности российских политических партий. Российская партийная система, а, следовательно, и политическая система переживает серьезный кризис. Партии либо создаются по велению администрации Президента, либо не могут быть зарегистрированными. Действующие же партии даже те, которые заявляют о своей оппозиционности, находятся под давлением властей, что, безусловно, сковывает их инициативу. Возможно, что новый закон о политических партиях¹⁶ переломит данную негативную тенденцию.

Исследуя группы интересов в современной России, следует отметить, что данные группы, так же как и партии, прошли три основных этапа:

1. возникновение и функционирование групп интересов в СССР (середина 1950-х – начало 1990-х годов);

2. признание групп интересов в качестве легитимных субъектов политики и возникновение открытой межгрупповой конкурентной борьбы (начало 1990-х – 1999 год);

3. ограничение группового плюрализма и превращение наиболее значительных групп интересов в политико-административных и социальных агентов государства (с 2000 года).

Возникновение в СССР групп интересов относится к середине 1950-х – середине 1960-х годов и связано с либерализацией политического режима, в результате чего внутри властно-управленческого аппарата, вокруг различных его элементов (ведомств, отраслей, предприятий и так далее) начали формироваться многочисленные партикулярные группы интересов.

Исследователь Г. Скиллинг полагал весьма важным изучение процессов артикуляции и агрегации интересов в условиях, когда советская политика уже не была направлена на революционное преобразование общества, однако автономная политическая мобилизация, свобода слова и свобода организации отсутствовали. Он утверждал, что «индустриализация породила в Советском Союзе разнообразные организованные и не организованные интересы, взаимодействие которых на политической арене необходимо принимать во внимание при объяснении политической борьбы и ее исходов»¹⁷.

Другой зарубежный исследователь Дж. Хог подчеркивал, что в центре советского политического процесса лежал «бюрократический конфликт», участниками которого выступали специфические группы интересов – «комплексы», состоявшие из «специализированного партийного, государственного, общественного и научного персонала, работавшего в пределах соответствующих областей политики». К этим «комплексам» он причислял ведущие министерства и ведомства, полагая, что те в большинстве случаев действовали совместно с их «естественными союзниками» -

¹⁶ ФЗ от 2 апреля 2012 года №28 – ФЗ // Российская газета, №73. 04.04.2012.

¹⁷ Цит. по: *Бреслауэр Дж.* В защиту советологии // Современная сравнительная политология: хрестоматия. М., 1997. С. 267.

подразделениями аппарата ЦК, контролировавшими их работу. Дж. Хог признавал, что «окончательная власть была сконцентрирована в высших органах Коммунистической партии». Тем не менее, он считал, что партийные лидеры не действовали «волонтаристски», а в целом вынуждены были следовать советам специализированных комплексов в соответствующих их профилю областях политики. Ограничивая себя «посредничеством в конфликтах», которые возникали между данными комплексами, они практически делегировали комплексам полномочия в выработке политических решений, оставляя за высшими органами партии лишь роль «заключительных арбитров»¹⁸.

В целом, можно сказать, что в СССР группы интересов оказывали существенное воздействие на процессы выработки государственной политики и формировались вокруг ведомственных и региональных административно-бюрократических структур. Среди наиболее влиятельных групп интересов в СССР исследователи выделяют как ряд отраслевых комплексов (военно-промышленный, строительный, горно-металлургический, топливно-энергетический, химический, аграрный, машиностроительный), так и несколько наиболее значимых региональных партийно - государственных групп (московская, ленинградская, украинская)¹⁹.

Признание групп интересов в качестве легитимных субъектов политики и возникновение открытой межгрупповой конкурентной борьбы происходит в начале 1990-х годов и связано с политической (демократизация политической системы) и экономической (введение рыночных институтов) трансформацией российского общества.

Наиболее заметными в этот период становятся группы интересов, связанные с так называемыми «олигархами», интегрированными финансово-промышленными группами, крупнейшими банками и различными частями бюрократического аппарата²⁰. Социально-экономической основой для появления указанных групп интересов послужили особенности экономической реформы в современной России. В первую очередь, - это номенклатурный характер отечественной приватизации, которая не только не размыла систему номенклатурно-бюрократического «рынка власти», но и закрепила взаимоотношения государства и вновь возникшего бизнеса на основе принципов бюрократического рынка с неразделенностью экономической и политической власти, и перманентной конверсией власти в

¹⁸ См.: Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной. – СПб. 2006. С. 196.

¹⁹ См.: Лепехин В. Лоббизм. М., 1995. С. 3—24; Лоббизм в России: Этапы большого пути. М., 1995. С. 10-14.

²⁰ См.: Гаман-Голутвина О. В. Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 162—172; Кива А. В. Российская олигархия: общее и особенное // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 18 - 28;

Лепехин В. А. От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии // Общественные науки и современность. 1999. №1 С.66 – 82.

собственность и собственность во власть²¹. Данная система, будучи модифицированным вариантом советского административного рынка, привела к формированию привилегированных групп интересов, обладающих доминирующим влиянием на принятие важнейших политических решений. Такие группы возникли на основе экономической олигархии, сконцентрировавшей в своих руках весомую долю национального богатства, и наиболее организованных частей бюрократического аппарата, «приватизировавших» значительный административный ресурс государства²².

Доминирующее положение указанных групп интересов объяснялось как характерной для того периода десубъективизацией государства, так и слабым развитием массовых, не связанных с олигархическими и бюрократическими структурами, групп интересов.

Анализируя в этой связи степень общественно-политической активности граждан и уровень развития институтов гражданского общества в России в 1990-х годов, можно сказать, что, несмотря на сопоставимые с общеевропейскими показатели интереса к политике, количество россиян, участвовавших в общественно-политической деятельности было крайне мало²³.

Исходя из вышесказанного, не вызывает удивление и низкие показатели развития третьего сектора в России в 1990-х годов. Несмотря на высокие цифры официальной статистики относительно негосударственных и некоммерческих организаций, реально вели активную деятельность небольшой процент этих организаций²⁴.

Большое количество партий, некоммерческих организаций в России в этот период не может считаться истинным индикатором состояния институтов гражданского общества. Большинство из них не обладало чертами подлинно гражданских ассоциаций и было отчуждено от основной массы граждан и формально представляемых ими социальных групп, не доверяющих им и не видящих в них защитников своих интересов²⁵.

Таким образом, слабость институтов гражданского общества, низкая социально-политическая активность граждан, отсутствие гражданской компетентности, неготовность большей части населения к продуктивному

²¹ См.: Павроз А.В. Генезис российской экономической олигархии (начало – середина 90-х годов) //Современные аспекты экономики. 2004. №3 (54). С. 197 – 202.

²² См.: Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2000. С. 45.; Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма //Погружение в трясину: (Анатомия застоя). М., 1991. С. 31 – 62.

²³ См.: Российское общество и радикальные реформы: Мониторинг социальных и политических индикаторов. М., 2001. С. 153-156.

²⁴ Якимов В. Создание работающих механизмов социального взаимодействия – шанс для возрождения России //Профессионалы и сотрудничество. М., 2000. Вып.4. С. 155 – 156.

²⁵ См.: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. В 2т. М., 2000; Дилигенский Г.Г. Существует ли в России гражданское общество? //Поговорим о гражданском обществе. М., 2001.

освоению демократических институтов и эффективным коллективным действиям с целью отстаивания своих интересов с неизбежностью способствовали доминированию наиболее организованных, привилегированных групп интересов, представляющих верхние страты российского общества в системе социально-политического взаимодействия. Стоит согласиться с выводом Р. Саквы о том, что Россия того периода «сложная система элит подменила собой развитие гражданского общества»²⁶.

Современный этап развития групп интересов в России берет начало в 2000 году и связан с реформами президента В.В. Путина, характеризуясь в превращение наиболее значительных групп интересов в политико-административных и социальных групп государства. Он определяется тремя основными тенденциями.

Во-первых, становятся заметными укрепление российской государственности и ограничение возможностей функционирования и влияния бюрократических групп интересов. Данная тенденция нашла отражение в целом ряде политико-административных преобразований (консолидация центральных политико-государственных институтов, реформа федеративных отношений, административной реформы и т.п.) и ознаменовала собой отказ от прежнего типа лидерства, основанного на слабоструктурированном, внеинституциональном характере политического господства. Президент признавался в качестве центра принятия политических решений лишь благодаря роли арбитра в перманентном конфликте различных властных группировок. Конфликт генерировался постоянным противопоставлением различных политических институтов. В такой форме воплощался принцип «сдержек и противовесов».

Путиным В.В. была принята новая модель политико-административного правления, в центре которой находился уже не столько «управляемый конфликт» различных частей государственного аппарата, сколько система иерархического подчинения основных политико-административных институтов президентской власти. Таким образом, указанная тенденция привела к интеграции на корпоративистских началах подавляющего большинства бюрократических групп интересов в единую властно-управленческую вертикаль во главе с президентом страны.

Во-вторых, влияние групп интересов крупного российского бизнеса на государственную политику претерпело ограничения и изменения. Данная тенденция проявилась в формулировании новых, неформальных правил взаимодействия бизнеса и государства, в соответствии с которыми большой бизнес должен:

- быть лояльным по отношению к государству;
- спонсировать экономические, социальные и политические проекты власти;

²⁶ Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России //Полис. 1997. №1. С. 79.

- принять на себя социальную ответственность за отрасли и регионы, где он доминирует;

- не поддерживать оппозицию²⁷.

Таким образом, в результате принятия данных правил произошло не только сокращение политического влияния групп интересов крупного бизнеса, но и фактическое включение данных групп на основе корпоративистских механизмов в действующую политико-административную вертикаль власти.

В-третьих, власть пытается включить в управленческую вертикаль массовые, не элитные группы интересов. Данная тенденция выразилась в создании сверху целого ряда институтов социально-политического взаимодействия (гражданские форумы, общественная палата и так далее), цель которых состоит в инкорпорации наиболее влиятельных общественных организаций для их использования в качестве медиаторов государства в диалоге с обществом. Таким образом, предполагается, что все наиболее значительные массовые группы интересов будут интегрированы в сформированную в России политико-административную вертикаль власти.

Таким образом, современный политический режим России предполагает отход от плюралистической и возвращение к корпоративистской модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества. И хотя принципы социально – политического взаимодействия за последнее время существенно трансформировались, качественное состояние институтов гражданского общества не претерпело значительных изменений. На настоящий момент уровень развития указанных институтов в России все еще остается крайне низким по сравнению с ведущими демократическими странами мира. Данное обстоятельство определяется такими фундаментальными факторами, присущими российскому обществу, как низкий уровень социального доверия и отсутствие эффективных навыков социальной самоорганизации²⁸.

Следует отметить крайне низкий уровень институционализированных форм социально-политического участия граждан в деятельности политических партий, профсоюзах, общественных и религиозных организациях, органах местного самоуправления. Среди основных причин общественной и политической пассивности россиян доминируют такие как занятость своими делами и уверенность в том, что их общественная деятельность не будет результативной. К негативным факторам влияющим на гражданскую активность граждан можно отнести разобщенность, отсутствие взаимопомощи и сопричастности.

В заключение можно констатировать, что уровень развития институтов гражданского общества и их функциональность в современной России

²⁷ Мухин А.А. Новые правила игры для большого бизнеса, продиктованные логикой правления В.В. Путина. – М., 2002. С. 4.

²⁸ См.: Власть и народ в России: Обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М., 2003. С. 13 – 18.

является явно недостаточным. Не имеет однозначного ответа вопрос, каким образом может сказаться ограничение политического плюрализма, характерное для современного политического режима, на развитии институтов гражданского общества в России. С одной стороны, пресечение чрезмерного влияния привилегированных элитарных групп интересов создает некоторый простор для самоорганизации не элитных групп общества, что делает систему социально-политического взаимодействия более сбалансированной. С другой – все более закрытый, властноцентрический характер данной системы не способствует деятельному включению различных социально-политических сил в процессы выработки государственной политики и сокращает возможности эффективного социально-политического взаимодействия.

Казаков А.А.,
доцент Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г.Чернышевского

Манипуляционные механизмы политических медиа-текстов: вариант ранжирования

Разнообразные способы воздействия средств массовой информации на общественное сознание традиционно привлекают к себе большое внимание ученых. При этом необходимо заметить, что данная проблематика волнует представителей самых разных наук: социологии, философии, психологии, лингвистики, журналистики и т.д. Собственный ракурс рассмотрения этой предметной области, разумеется, есть и у политологии, в рамках которой особую актуальность приобретают различные аспекты политического потенциала масс медиа. Более того, можно даже сказать, что в настоящий момент связанные с этим сюжеты занимают одно из центральных мест во всем современном политологическом дискурсе.

Принимая во внимание постоянно возрастающую роль средств массовой информации, исследователи все чаще обращаются к анализу не только природы и основных характеристик самих СМИ, но и их возможностей манипулировать общественным сознанием в политических целях. Вместе с тем, в посвященных этому работах²⁹, как правило,

²⁹ См., напр.: *Беляева И.* Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: Автореферат дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.19 – теория языка. Ростов-на-Дону, 2009; *Вепринцев В., Манойло А., Петренко А., Фролов Д.* Операции информационно-психологической войны: методы, средства, технологии: Краткий энциклопедический словарь. М., 2003; *Вилков А.* Обзор современной российской научной литературы по проблемам имиджевых информационно-коммуникационных технологий // Пресс-служба. 2007. Ноябрь; *Грачев Г., Мельник И.* Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 1999; *Казаков А.* Манипулятивная составляющая деятельности печатных СМИ в период избирательных кампаний / Избирательные процессы в современной России: теория и

рассматриваются лишь отдельные механизмы и приемы воздействия на реципиентов информации. Попытки же определенным образом типологизировать многочисленные методы речевого влияния на адресата встречаются значительно реже³⁰.

В рамках данной статьи мы попытались разработать собственный вариант смысловой группировки уже выявленных учеными информационных технологий воздействия и снабдить их конкретными примерами из публикаций региональной прессы. При этом в первую очередь мы исходили из наличия во всех этих технологиях сугубо политической, а не лингвистической, составляющей. Именно поэтому в основу предложенного варианта ранжирования нами были положены основания, имеющие большее отношение не столько к филологической, сколько к политической науке.

Эмпирической базой проведенного исследования стали статьи регионального еженедельника «Саратовский Взгляд», опубликованные в период с 5 августа 2010 года по 29 декабря 2011. Всего за это время вышло 76 номеров данной газеты. В результате сплошного просмотра каждого из них для анализа была отобрана 361 статья. Селекция материалов осуществлялась по критерию их соответствия интересовавшей нас теме оценки газетой деятельности муниципальной власти Саратова. Поясним, что с августа 2010 года данное издание, прежде весьма лояльно настроенное к городской власти, кардинально изменило свое отношение к руководству муниципалитета. Председатель городской думы Саратова Олег Грищенко и бывший в то время исполняющим обязанности главы администрации областного центра Алексей Прокопенко начали подвергаться постоянной и последовательной критике журналистов «Саратовского Взгляда». Именно это обстоятельство и побудило нас выбрать в качестве источника материалов для исследования публикации данного еженедельника. Ведь, как всем хорошо известно, в условиях ведения «информационной войны» частота и интенсивность применения различного рода манипулятивных политических медиа-технологий чаще всего значительно выше, чем обычно.

Принято считать, что наиболее эффективными средствами аналитической обработки большого объема несистематизированной текстовой информации являются контент-, ивент- и дискурс-анализ³¹.

практика. Саратов, 2008; *Почепцов Г.* Информационно-политические технологии. М., 2003.

³⁰ *Данилова А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации. М., 2009; *Зверев А.* Манипуляционное управление СМИ политическим массовым сознанием в современной России / Актуальные проблемы современной политической психологии. М., 2010; *Мартынова Ю.* Анализ коммуникативных стратегий в общественно-политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». Выпуск 2. 2009. Том 9.

³¹ *Алтунян А.* Анализ политических текстов: Учебное пособие. – М., 2006; *Добросклонская Т.* Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М., 2010; *Мартынова Ю.* Комбинирование различных подходов при эмпирическом исследовании политического дискурса / Политико-правовые проблемы взаимодействия власти и бизнеса в условиях кризиса. Саратов, 2009.

Обладая широким спектром применения, эти методы могут как выступать в качестве самостоятельного научного инструментария, так и органично «встраиваться» в рамки других исследований.

Отталкиваясь от задач данной работы, мы считаем целесообразным использовать лишь часть из указанной триады методов. А именно – качественную разновидность контент-анализа и дискурс-анализ. Применяя названные исследовательские механизмы, мы проанализировали комплекс отобранных статей на предмет наличия в них технологий воздействия на читателя. Надо отметить, что при этом за основу нами брались уже известные манипулятивные приемы, подробно описанные в соответствующей литературе. Однако в ходе «препарирования» найденных статей мы обнаружили ряд журналистских приемов, которые также вполне могли бы претендовать на то, чтобы считаться медиа-технологиями политического влияния.

Итак, все многообразие методов информационного воздействия по своему масштабу, на наш взгляд, условно может быть разделено на три относительно самостоятельных уровня: микро, мезо и макро. К самому нижнему из них, микро-уровню, нам представляется логичным отнести такие средства, как

- метафора – задействует, в первую очередь, механизм ассоциативного мышления реципиента и тем самым позволяет достичь значительной экономии интеллектуальных усилий. В качестве примеров метафор, обнаруженных в текстах «Саратовского Взгляда», можно назвать такие выражения, как *первая ласточка, послушная марионетка, лояльные Грищенко мандарины*³²;

- синонимы – называя что-то, авторы манипуляционного текста часто выбирают из семантического поля слово, наиболее удаленное по смыслу от обозначаемого объекта, либо же многозначное слово, одно из значений которого лишь с натяжкой можно отнести к обозначению номинируемого объекта – например: *полный бардак* (а не, скажем, *беспорядок, проблемы, непростая ситуация* и т.п.) *в ЖКХ, тандем выметает* (вместо возможных *убирает, увольняет, устраняет* и т.п.) *из муниципальных предприятий ненадежных людей, городские власти взялись крушить* (другие варианты: *ликвидировать, устранять, убирать* и т.п.) *ларьки*³³;

- эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов и выражений, представляющихся автору текста неприличными, грубыми или нетактичными, и дисфемизмы (наоборот): *фигурант* (а не *участник истории*)³⁴;

³² Федоров В. Подайте на... // Саратовский взгляд. 6 ноября 2010 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3519].

³³ Соколов А. Твердые бытовые отношения // Саратовский взгляд. 8 сентября 2011 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=4239].

³⁴ Белобородов А. Земельный общак // Саратовский взгляд. 30 сентября 2010 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3444].

- штампы или универсальные истины – суждения, утверждающие определенное положение как соответствующее действительности, в то время как в его основе может быть ложь: *Деньги, тем более бюджетные, нуждаются в тишине; воспоминания о выброшенных на ветер деньгах*³⁵;

- наклеивание ярлыков: Грищенко – *байкер, обуза партии*³⁶;

- овеществление – люди и события, которые должны быть представлены в отрицательном свете, приравниваются к неодушевленным предметам: *плодовитая бюрократия, тандем*³⁷;

- употребление абстрактных денотативно свободных слов – лексических единиц, внутренняя форма которых значительно отделилась от изначального смысла, а доминирующим значением стало эмоционально оценочное: *абсолютизм и авторитаризм Грищенко, борьба с коррупцией*³⁸.

Объединяющей указанные технологии чертой является то, что все они за редким исключением так или иначе реализуются в рамках одного или нескольких слов. Иными словами, «радиус их действия» весьма невелик, и потому при не самом внимательном прочтении медиа-текста есть риск вообще не придать особого значения тому, каким словом или словосочетанием что-либо названо. С другой стороны, по нашему мнению, именно подобная «точечность» механизмов микроуровня делает их в сравнении с большинством прочих приемов особенно трудно различимыми. Поэтому, если допустить, что данные лексические механизмы все-таки произвели на адресата транслируемой информации определенный эффект, то в таком случае читатель невольно попадает под влияние авторского замысла и, что самое важное, вряд ли осознает это.

Куда более технологически насыщенной является группа приемов, отнесенных нами к т.н. мезо-уровню. В его рамках нам кажется возможным выделить два блока манипулятивных механизмов. Первый из них условно может быть назван «логическим». Его составляют методы, при помощи которых осуществляется воздействие на разум читателя в требуемом автору текста направлении. Таковы, в частности:

- подмена аргумента или его отсутствие в принципе – логико-риторический прием, чаще всего предполагающий использование в качестве основания доказательства положения, которое само нуждается в обосновании³⁹;

³⁵ *Зернаков А.* Профессия – должник // Саратовский взгляд. 21 октября 2010 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3487].

³⁶ *Бойко В.* Линия партийного фронта // Саратовский взгляд. 12 мая 2011 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3961].

³⁷ *Неверов Р.* Предательская гибкость // Саратовский взгляд. 30 сентября 2010 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3441].

³⁸ *Бойко В.* Никто не сомневался // Саратовский взгляд. 7 июля 2011 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=4097].

³⁹ См., напр.: *Балаян Е.* Кризис в головах // Саратовский взгляд. 9 сентября 2010 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3398]; *Соколов А.* Благоустройство без следа // Саратовский взгляд. 13 января 2011 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3666].

- упрощение или примитивизация информации – когда сложная и противоречивая проблема представляется односторонне просто, так, что фальсификация фактов и умолчание о существенных подробностях принимают вид лаконичного и беспристрастного повествования⁴⁰;

- перенос смыслового акцента – имеет место, когда обосновывается и аргументируется очевидное, не требующее доказательств положение, а момент, нуждающийся в доказательстве, наоборот, выступает в роли аксиомы⁴¹;

- использование большого количества цифр, статистики или данных социологических опросов, что призвано создать видимость большей убедительности и солидности излагаемого текста; при этом у читателя, как правило, не бывает возможности (да и желания) проверить эту фактуру⁴²;

- публикация точек зрения экспертов, «лидеров мнений» и «людей из народа» – преследует ту же цель, что и предыдущий механизм, однако различие в характере привлекаемых для этого «средств» позволяет считать это отдельной манипулятивной технологией⁴³;

- проведение выгодных автору аналогий – используя наиболее значимые события прошлого или проводя параллели с «нужными» персонажами, автор текста распространяет закрепленные за ними ассоциации и коннотации на объект своего внимания⁴⁴;

- обсуждение слухов – для наиболее впечатлительных читателей этот прием может быть достаточно эффективным⁴⁵;

- использование стереотипов и мифов – устойчивых вербальных конструкций, основанных на ложных или нуждающихся в обосновании положениях и претендующих на статус истинного суждения⁴⁶;

- применение субъективной модальности – выражает отношение журналиста к сообщаемому им факту путем использования модальных частиц (*вроде, якобы, разве что, ну и*), междометий, специальных интонационных средств и при помощи изменения порядка слов⁴⁷;

⁴⁰ См., напр.: *Ветрова П.* Дорогие цветы // Саратовский взгляд. 9 сентября 2010 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3397].

⁴¹ См., напр.: *Зернаков А. О.* Грищенко: «Я – не черный маг» // Саратовский взгляд. 27 января 2011 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3704].

⁴² См., напр.: *Ференц Е.* Обесточка // Саратовский взгляд. 10 ноября 2011 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=4399].

⁴³ См., напр.: *Соколов А.* Московская не по-московски // Саратовский взгляд. 15 марта 2011 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=4671].

⁴⁴ См., напр.: *Неверов Р.* Саратовский Ассанж // Саратовский взгляд. 3 февраля 2011 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3717].

⁴⁵ См., напр.: *Ференц Е.* Непростительное равнодушие // Саратовский взгляд. 26 августа 2010 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3364].

⁴⁶ См., напр.: *Неверов Р.* «Парацельс как диагноз» // Саратовский взгляд. 14 октября 2010 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3475].

⁴⁷ См., напр.: *Налимова Е.* Подземелье // Саратовский взгляд. 21 октября 2010 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3486]; *Соколов А., Таллэу Е.* Тупик

- опущение экспериенцера или пассивизация перформативов – когда частное мнение автора с помощью безличной конструкции (*считается...*, *представляется...* и т.п.) и других приемов выдается за общепризнанную истину⁴⁸;

- «притягивание за уши» – таким образом мы считаем возможным назвать отдельную технологию, предполагающую освещение самых незначительных и порой даже не имеющих никакого отношения к существу проблемы сюжетов⁴⁹.

Второй блок технологий мезо-уровня мы условно определяем как «эмоциональный»: составляющие его приемы в первую очередь предназначены для воздействия на не связанные с разумом каналы восприятия информации. Сюда относятся:

- использование повторов и параллельных конструкций – необходимы для создания требуемых ассоциаций и стереотипов⁵⁰;

- введение в текст элементов юмора – от тонкой иронии до сарказма и откровенного осмеяния человека⁵¹;

- градация – развертывание слова или словосочетания в синонимический ряд таким образом, чтобы интенсивность значения каждого последующего члена шла по нарастающей⁵²;

- применение невербальных способов воздействия – прежде всего здесь имеются в виду сопровождающие текст фотографии, иллюстрации и карикатуры. Статьи о Грищенко нередко сопровождались снимками, на которых он был запечатлен в неудобный момент или с не самым удачным выражением лица⁵³.

Как мы полагаем, в отличие от приемов микроуровня, мезо-технологии, как правило, имеют больший «радиус действия», более эффективны, но, вместе с тем, они и легче распознаются, а, следовательно, существует большая вероятность того, что читатель идентифицирует применяемые в отношении него механизмы. Стало быть, в сравнении с методами микроуровня, мезо-технологии, с одной стороны, чаще всего более результативны, но и более уязвимы в плане их обнаружения – с другой.

безответственности // Саратовский взгляд. 11 августа 2011 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=4181].

⁴⁸ См., напр.: *Соколов А.* Шутка, повторенная дважды // Саратовский взгляд. 23 декабря 2010 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3631].

⁴⁹ См., напр.: *Халин К.* Мусорная блокада // Саратовский взгляд. 6 ноября 2010 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3518].

⁵⁰ См., напр.: *Соколов А.* Благоустройство без следа // Саратовский взгляд. 13 января 2011 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3666].

⁵¹ См., напр.: *Талтэу Е.* Вы еще курите? Тогда «Саратов, вперед!» идет к вам // Саратовский взгляд. 2 июня 2011 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=4005].

⁵² См., напр.: *Бойко В.* Саратовцев разгорячили // Саратовский взгляд. 20 октября 2011 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=4339].

⁵³ См., напр.: *Халин К.* Цинизм под маской наивности // Саратовский взгляд. 23 декабря 2010 г. [Режим доступа: http://sarvzglyad.ru/?news_id=3632].

Наконец, к приемам макро-уровня мы отнесли наиболее масштабные рычаги воздействия на аудиторию. Самый распространенный механизм подобного рода – это отбор информации для освещения. Выбирая к публикации лишь те факты, которые способствуют решению стоящей перед ним задачи, создатель текста уже так или иначе влияет на свою аудиторию. Так, например, желая дискредитировать городскую власть, «Саратовский Взгляд» особенно часто обращался к наиболее острым проблемам областного центра и пытался найти хоть какой-то мало-мальски значимый компромат на руководство муниципалитета. Успехи же властного тандема чаще всего просто игнорировались.

В этом смысле нам представляется, что именно на макро-уровне, по аналогии с градацией технологий паблик рилейшнз на «белые», «серые» и «черные», автор коммуникационного сообщения определяет для себя пределы допустимых масштабов манипуляции: будет ли он воздействовать на реципиента информации более или менее допустимыми методами, либо же «опустится» до уровня ничем не прикрытой лжи и дезинформации.

Еще одной технологией макро-уровня вполне можно считать и способ организации информации в рамках отдельного газетного номера. Скажем, на протяжении рассматриваемого периода «обличительные» статьи о муниципальной власти Саратова почти всегда занимали наиболее читаемые страницы издания и анонсировались на первой, полноцветной, полосе. Тем самым данным материалам практически автоматически обеспечивалось повышенное внимание со стороны читателя.

Кроме названных, к группе макро-механизмов также могут быть отнесены средний размер статьи, место ее расположения на газетной полосе, частота появления затрагивающих определенный сюжет публикаций и характер информационных поводов. Однако анализ данных моментов требует использования методов не качественного, а количественного контент-анализа, а потому при подготовке настоящей статьи это осталось вне зоны нашего внимания.

Но в любом случае, нам представляется, что именно на этом уровне механизмы влияния на читателя окончательно переходят из сферы лингвистики в сферу политологии. Иначе говоря, здесь уже на первый план выходят не лексические, а сугубо политические моменты, и решения об оправданности применения подобных приемов принимаются не корректорами или литературными редакторами, а владельцами того или иного СМИ, либо же заказчиком конкретной публикации.

В завершении хотелось бы вернуться к предложенной типологии. Разбив известные технологии речевого воздействия на три уровня или типа, мы задались вопросом об эффективности каждого из них и пришли к выводу, что, скорее всего, с увеличением политического потенциала конкретных манипуляционных средств растет и эффективность их воздействия на аудиторию. Разумеется, пока данный тезис можно рассматривать всего лишь как гипотезу, для подтверждения или опровержения которой необходимо

проводить отдельные исследования. Однако на данный момент нам представляется, что дело обстоит именно так.

Однако, если предположить, что выдвинутая гипотеза верна, то в таком случае наиболее результативной технологией можно считать определение информационной политики издания как таковой. Принимая решение о том, о чем писать, а о чем – нет, каким образом расставлять акценты и какой стиль подачи информации использовать, руководство газеты автоматически осуществляет серьезное влияние на собственную аудиторию. Ведь та в таком случае получает лишь ту информацию, которую посчитал важной автор статьи, редактор или владелец конкретного СМИ.

Иначе говоря, можно сказать, что каждое издание, таким образом, формирует свою собственную повестку дня – набор тем и сюжетов, являющихся для него приоритетными. В своей совокупности повестки дня различных СМИ образуют чрезвычайно пеструю и неоднородную медийную повестку, отдельные сегменты которой способны оказывать воздействие на разные части социума. В этой связи изучение различных аспектов медийной повестки дня представляется нам особенно актуальным прежде всего в плане расширения знаний о технологиях воздействия СМИ на массовое сознание.

В целом же, можно признать, что в конечном итоге все перечисленные технологии, вне зависимости от их уровня, нацелены на изменение ассоциативного поля вокруг объекта журналистского внимания. В нашем случае таким объектом было руководство Саратова в лице Олега Грищенко и Алексея Прокопенко. Используя в отношении них самый широкий спектр разнообразных манипулятивных приемов, журналисты «Саратовского Взгляда» наверняка сумели добиться существенного ухудшения отношения к муниципальной власти как минимум части своей постоянной читательской аудитории.

Раздел II

Статьи сборника

Базаев К.В.,
*аспирант Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского*

Телекратия как политико-культурный феномен информационного общества

В отечественной науке феномен кинематографа в целом, а также отдельные особенности кино и телевидения изучают в основном представители культурологических, искусствоведческих и педагогических дисциплин, реже – социологами, историками и филологами. Активность политологов в данном исследовательском пространстве значительно ниже. Это обусловлено прежде всего, сложностью междисциплинарных исследований как методологически так и практически. Однако, актуальности из-за этого данное направление потерять не может. Поэтому появляется необходимость рассмотрения феномена телекратии с политологического ракурса. Что такое телекратия? Как она соотносится с понятием "медиакратия", имеет ли общее с определением "четвертая власть"? Какое влияние оказывает телевидение на массы в процессе политической социализации? В чём опасность телекратии?

Телекратия – термин, предпологаемо введенный американским социологом Элвином Тоффлером, означает «слепую», безотчетную веру любой телеинформации в результате чрезмерного времяпрепровождения у телевизора, т.н. "клипкультура". Телекратия – слово, которое можно перевести как господство телевидения, объединившегося с политикой и бизнесом, как попытку управления обществом посредством электронных масс-медиа⁵⁴. О «телекратии» как явлении западной массовой культуры ещё в 1970-е годы упоминал советский социолог А.В. Кукаркин в своей книге «По ту сторону расцвета»⁵⁵. Широко распространенный термин «медиакратия» имеет схожие черты с телекратией, но не является полноценным её синонимом.

Медиакратия – буквально означает влияние, власть СМИ. Термин до сих пор остается спорным, поскольку трактуется разными авторами по-разному. Наиболее близко по сущностному содержанию понятие "четвертая власть". Согласно историческому факту, оно принадлежит английскому философу Эдмонду Бёрку, который однажды произнес в английском парламенте: «Вот здесь сидят представители духовенства, аристократии и общин. А вы, журналисты, – это четвертая власть», после чего фраза стала крылатой. Четвертая власть – словосочетание, определяющее и саму прессу, и её влияние в социуме.

Джеймс Карлсон считает, что роль телевидения в современном обществе состоит в развитии ориентаций, адекватных в отношении политической системы. Влияние телевидения оказывается более скрытым, нежели это может казаться многим. Тем не менее, это средство коммуникации остается важным агентом политической социализации.

⁵⁴ Марков Б. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – Спб., 1999. С. 188.

⁵⁵ Кукаркин А.В. По ту сторону расцвета. – М., 1974. С. 282-284.

Телевидение оказывает проникающее влияние как на детей, так и на взрослых, и поэтому заслуживает большего внимания исследователей.

На основе исследований наиболее влиятельным среди различных телевизионных жанров являются развлекательные программы. Аудитория их является наибольшей. Исследователи зачастую оставляют без внимания вопросы политического влияния этих программ, чем серьёзно обедняют результаты своих исследований. В противоположность представлениям многих критиков и рядовых граждан телевидение скорее способствует усилению социальных и политических норм системы, нежели способствует деструктивным проявлениям. Неудивительно, что те, кто контролируют электронные средства массовой коммуникации, имеют большую роль и влияние в сложившемся статус-кво⁵⁶.

Неотъемлемой частью современных политических технологий является создание и внедрение в массовое сознание определенных политических стереотипов. Создание политических стереотипов преследует различные цели, среди которых не последнее место занимает легитимация тех или иных политических решений, в том числе и решений о начале военного конфликта. Информационные кампании, сопровождающие все вооруженные конфликты в современном мире, включают в себя комплекс политических стереотипов, долженствующих разъяснить общественности не только причины, по которым правительство обязано начать военные действия, но и доказать правильность такого решения. Кратчайшим путем, ведущим к достижению данных целей, является создание достаточно убедительного в глазах общественности «образа врага» – негативного политического и этнического стереотипа того государства или этноса, против которого развязаны военные действия.

По мнению современных исследователей существуют два основных источника формирования стереотипов: 1) ограниченный индивидуальный и групповой опыт; 2) целенаправленная деятельность СМИ и политической пропаганды⁵⁷. «Телевидение и кино задают нормированное поведение и нормированные мысли»⁵⁸; соответственно, одним из простейших способов обработки самых разнообразных сегментов общества в нужном направлении и формирования необходимого общественного мнения является создание серии долговременных информационных продуктов, объединенных общей темой и идеологическими установками.

Следует также заметить, что их использование открывает более широкие перспективы для манипулирования общественным мнением, ибо, во-первых, «если газетная статья умирает на следующий день, то кино

⁵⁶ Карлсон Дж. Телевизионное развлечение и политическая социализация / Массовая коммуникация и общество под ред. Назарова. – М., 2003., С. 365.

⁵⁷ Бушев А.Б. Семантика социально-политического дискурса: автоматизация, стереотипии и штампы// Интернет-конференция «Рефлексия. Смысл. Герменевтика» <http://humanities.edu.ru/db/msg/45806>

⁵⁸ Почетцов Г.Г. Информационно-аналитические технологии. – М., 2003. С. 194.

практически не умирает»⁵⁹, а, во-вторых, кино смотрят и те категории населения, которые газет не читают.

На главенствующее место в информационную эпоху выходит «аудиовизуальная культура» как оплот СМК (средства массовой коммуникации). Под влиянием кино, видео, но в особенности телевидения, начинает формироваться так называемое «экранное поколение». Немыслимой власти кино, ТВ, видео над умами и душами сотен миллионов людей К. Разлогов дал ёмкое название: «Экран как мясорубка культурного дискурса»⁶⁰. Не случайно социологи и педагоги в последние десятилетия склонны считать именно ТВ «главным учителем жизни». В определенной степени можно согласиться с мнением известного российского социолога культуры, главного редактора журнала «Искусство кино» Д. Дондурей: «В ситуации, когда 95 процентов населения не понимает и не может понимать в искусстве, кинематограф или телевидение предлагают главное – модели развития жизни, движения. Люди смотрят какой-нибудь сериал... и получают психологически ценностный допинг в понимании: как они живут, будут жить дальше»⁶¹.

Информационная эпоха связана, прежде всего, с глобальной медиасредой, созданием единого мирового информационного пространства. Речь идет, по сути, о новой, информационной цивилизации, связанной с колоссальным, невиданным ранее влиянием современной «индустрии информации» буквально на все стороны общественной жизни и сознания. Однако, как справедливо отметил американский социолог М. Кастельс, «информационная эпоха началась не с компьютеризации и Интернета, а с «массовой» культуры, основу которой в послевоенный период образовали аудиовизуальные СМК: кино, ТВ, реклама, чуть позже видео.

На рубеже XX – XXI веков стало очевидно, что аудиовизуальная коммуникация серьезно потеснила печатное слово, а экранные формы творчества постепенно сменили традиционные искусства либо служат новыми средствами их тиражирования. Взаимодействуя со сложными и противоречивыми социальными процессами, экран сыграл решающую роль в демократизации культуры и в появлении её новых форм. В результате изменилась социально-культурная ситуация в целом, трансформировалась медиасреда – сначала на Западе, а затем и в России.

Последствия информатизации общества, как и последствия предшествовавших великих социотехнологических революций, являются различными для разных регионов, стран и народов. Свободное движение и производство информации и информационных услуг, неограниченный доступ к информации и использование её для стремительного научно-технологического и социального прогресса, для научных инноваций,

⁵⁹ Почепцов Г.Г. Информационно-аналитические технологии. – М., 2003. С. 203.

⁶⁰ Разлогов К. Экран как мясорубка культурного дискурса // Языки культур: Взаимодействия. – М., 2002. С. 273.

⁶¹ Дондурей Д. Местоблюстители // 90-е. Кино, которое мы потеряли / сост. Л. Малюкова. М. 2007. С. 8.

развития знаний, решения экологических и демографических проблем возможны лишь в демократических обществах, в обществах, где признают свободу и права человека, где открыты возможности для социальной и экономической инициативы.

Опасность заключается именно в способности телевидения симулировать, а не репрезентировать реальность, и невозможности для зрителя провести различие: "эффект размытого пятна", более всего шокировавший Т. Адорно и М. Хоркхаймера в "Диалектике Просвещения", продолжает сегодня привлекать внимание медиакритиков.

Как отмечает А. Росс, подъём живого телевидения и тот вызов, который оно бросает печатным СМИ, тысячекратно увеличивает возможности ложного отождествления телевидения с "реальной вещью". Вместе с ними выросли и возможности "ложного сознания", уже приписанного интеллектуалами⁶².

Индивиды приобщаются к своим ценностям и установкам в процессе, который принято называть социализацией. В фокусе внимания специалистов по политической социализации обычно находится содержание политических ориентаций, источники, посредством которых происходит научение этим ориентациям, а также его специфические процессы. Почему так удивительно мало внимания уделяется изучению роли телевидения и печатных СМИ в пропаганде политических знаний? Одна из причин этого состоит в слишком узкой интерпретации «политического». Это, в свою очередь, уводило из поля зрения один из наиболее важных источников политических сообщений – телевизионные развлечения.

Изучение политической социализации базируется на двух основных принципах. Первым из них является «принцип первичности в соответствии с которым лучше всего научаются тому, чему научаются первому. Вторым является «структурирующий принцип». Суть его состоит в том, что первичное знание структурирует знание последующее. Исходя из этого, вовсе не удивительным является то, что основное внимание исследователей сосредотачивается на семье и школе, выступающих в качестве агентов политической системы или на учителях, научающих политическим ориентациям. Не удивительно и то, что фокус внимания концентрируется на том, чему научаются в детстве. Однако в последние годы усиливается внимание и к таким агентам социализации, как группы сверстников, религиозные организации и средства массовой коммуникации.

Вывод правомерно о значительных возможностях телевидения в процессе социализации правомерно сделать уже в связи с той долей внимания, которое уделяется людьми телевизионным сообщениям. Некоторые могут сказать, что, несмотря на большое время, уделяемое телевидению, политическое влияние последнего оказывается проблематичным, поскольку сами телевизионные сообщения содержат не так

⁶² Лора Гриндстафф "Реальное Телевидение" и политика социального контроля / Массовая культура: современные западные исследования. - М., 2005. С. 81.

много собственно политических материалов. Многие исследователи, изучающие телевидение и политическую социализацию, сделали акцент на программах новостей. Подобный ракурс рассмотрения является неадекватным в силу ряда обстоятельств. Во-первых, более половины телевизионной публики просто не смотрит передачи новостей. Это касается и детской аудитории – лишь немногие дети обращаются к программам новостей или общественно-политическим передачам. Во-вторых, очевидно следующее противоречие. Если по мнению исследователей, только новости имеют политическое содержание, то непонятно, почему лишь очень немногие исследования фиксируют «вклад» телевизионных новостей в процессы политической социализации. Те, кто активно включен в просмотр новостей, имеют относительно высокий уровень образования и чёткие, сформировавшиеся политические взгляды.

Хорошо известно, что как дети, так и взрослые смотрят больше количество развлекательных телепередач. Однако, есть ли что-либо «политическое» в сообщениях развлекательного плана? Известный специалист в области коммуникаций Джорж Гербнер и его коллеги утверждают следующее. «История показывает, что с установлением господствующим классом своего правления, первичной функцией культурных средств становится легитимация и поддержание властей. Сказки и другие драматические научающие истории всегда способствуют укреплению установленного порядка. Их содержание утверждает идею, что нарушение сложившихся в обществе правил повлечёт за собой неотвратимое наказание. Указание на важность существующего порядка всегда имплицитно присутствует в таких повествованиях»⁶³.

Сегодня средством, которое передает содержание «сказок и других традиционных драматических историй», является телевидение. Если посмотреть сообщения, непосредственно касающихся институтов американского правительства и гражданского общества то обнаруживается следующее. Телевизионное развлечение играет роль обучающих историй, направленных на поддержание политической системы. Исследователи, разделяющие точку зрения о незначительной роли телевидения в политической системе, исходят из слишком узкой трактовки политического. При этом забывают о структурирующем принципе научения. Практически все телевизионные развлекательные программы держат в себе что-то, что может научить ценностям. Комедии семейных ситуаций учат в отношении семейных ролей и индивидуальных достижений. Игровые шоу учат материализму и соревновательности. Спортивные трансляции делают акцент на состязательности и важности соблюдения правил игры. Мыльные оперы содержат модели приемлемого и неприемлемого человеческого поведения. Детективным историям свойственно содержание, в наибольшей степени ориентированное на поддержание существующей системы. Таким образом,

⁶³ Карлсон Дж. Телевизионное развлечение и политическая социализация / Массовая коммуникация и общество под ред. Назарова. – М., 2003., С. 366.

мы имеем достаточное число примеров того, как телевизионное развлечение может социализировать.

Телевидение как средство массовой информации с наибольшей сферой охвата имеет высокий уровень доверия и поэтому таит в себе опасность превращения демократии в телекратию. Телекратия вместо демократии может появиться там, где главным в журналистской деятельности является агитация и пропаганда собственных политических убеждений становятся целью и главным смыслом журналистской деятельности. Особая проблематичность появляется именно там, где на первый план выходит манипулирование вместо информирования. Однако, не только из такой журналистики вырастают проблемы реального отображения политических процессов, а также из особенных черт журналистского ремесла, когда преимущество отдается репортажам о необычном и отличном от нормальных будней.

Из повседневной жизни известно: человек, узнаваемый внешне по его частым появлениям на телеэкране, неизбежно воспринимается простыми людьми как «начальник». Даже затратив значительные усилия, обычную аудиторию бывает просто невозможно переубедить в этом. Причина такого восприятия заключается в том, что массовая коммуникация действительно является массовой не только в чисто количественном, но и в качественном смысле.

Средства массовой информации для массового сознания как раз и оказываются новыми божествами, даже обладающими собственными нимбами. Соответственно, пресловутая «четвертая власть» оказывается основанной далеко не только на вполне рациональных претензиях «телекратии». На деле эта власть обладает глубинной природой. Действие тех самых контрсуггестивных механизмов, которые превращают разрозненных индивидов в однородную массу телезрителей очередного сериала, активизирует и в современных людях глубоко архивированную психику первобытной массы. Развертываясь же, эта психика сама, независимо от сознания этих людей, начинает требовать вождя, шамана, божество. Очевидно, что простое поклонение деревянному или пластиковому ящику было бы предельно нелепым – не ящик же порождает массу. И тогда возникает автоматический перенос требований-ожиданий вождя, шамана или божества на тех уже конкретных, живых людей, которые чаще всего появляются в «ящике», которые с ним «на ты», т. е. являются приближенными к нему лицами.

Нет смысла повторять банальные истины: не люди выбирают депутатов и президентов. Вначале их выбирает этот самый «ящик». После этого у «избранных» и «приобщенных» возникает «эффект голубого ореола». И только потом, уже почти автоматически, реальные избиратели выполняют волю современного божества, всплывающую из их подсознания⁶⁴.

⁶⁴ *Ольшанский Д.В.* Психология Масс. – Спб., 2002. С. 307.

Барашков Г.М.
*доцент кафедры политических наук Национального
исследовательского Саратовского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского*

Гражданские добродетели как необходимое условие функционирования гражданского общества

Анализируя проблемы формирования и функционирования гражданского общества в том или ином регионе мира, исследователи зачастую ставят во главу угла политические и экономические условия его зарождения и дальнейшего функционирования. Безусловно, это так. Вместе с тем, исследование гражданского общества выглядит неполным без выяснения уровня политической и общей культуры членов данного общества. Более того, в эпоху постмодерна, в обществе господствует плюрализм во всех его проявлениях и толерантность к любой неоднозначности в новизне. Исследователь Ю.М. Резник определяет такой тип гражданского общества как «плюральный»⁶⁵.

В одной из своих работ Дж. Роулз обращает внимание на то, что построение гражданского общества предполагает определенные добродетели. Их он называет политическими. К таковым Дж. Роулз относит добродетели справедливого социального сотрудничества, такие, как вежливость, терпимость, благоразумие и чувство справедливости. Из них складывается идеал добродетельного гражданина демократического государства, ибо его обязанности определяются политическими институтами этого государства⁶⁶.

Неоклассическая теория процедурной справедливости Дж. Роулза интересна подобными рассуждениями, которые отличают ее от теорий классического либерализма. Большинство представителей классического либерализма верили в то, что либеральная демократия может функционировать эффективно даже при отсутствии особых добродетельных граждан, а сама по себе, с помощью системы сдержек и противовесов, а также таких институциональных и процедурных изобретений, как система разделение властей продуманное законодательство, федерализм.

В дальнейшем стало очевидно, что одних процедурно-институциональных механизмов для согласования противоположных интересов людей стало недостаточным, точнее, они показали неполноту подхода, который основывался только на признании их достаточности. Во многих странах западной демократии в середине XX в., стало очевидным, что без определенного уровня гражданских добродетелей и развитости

⁶⁵ Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Часть II. Теоретико-методологические аспекты исследования. М., 1998. С. 230.

⁶⁶ Роулз Дж. Идеи блага и приоритет права. //Современный либерализм. М., 1998. С. 91.

общественного духа гражданственности существование самой демократии, реализация ее принципов и функционирование ее институтов невозможны.

В настоящее время добродетели гражданина признаются как необходимые составляющие для построения гражданского общества представителями всех течений, школ, направлений общественной мысли. Так, например, А. Селигман отмечает, что гражданское общество идентифицируется с рядом вещей, начиная с многопартийной системы и гражданских прав и завершая волюнтаризмом индивидов и духом гражданственности⁶⁷.

Теоретик коммунитарного либерализма, одного из основных направлений современного либерализма, У. Кимлика считает, что существуют определенные гражданские добродетели, которые присущи либеральной демократии и соотнесены с базовыми принципами, на которых покоятся либеральные режимы. Таких добродетелей четыре: публичная духовность, включающая в себя способность оценивать поведение людей и готовность быть вовлеченным в публичное обсуждение; чувство справедливости, способность распознавать и уважать права других, в соответствии с которыми вырабатывать свои собственные требования; цивилизованность и толерантность; разделяемое с другими чувство солидарности или лояльности⁶⁸.

У. Кимлика подчеркивает, что по поводу лояльности ведутся теоретические споры, в которых противная сторона отрицает необходимость ее включения в список гражданских добродетелей. Сам же У. Кимлика полагает, что чувство лояльности включает в себя приверженность принципам толерантности, справедливости и демократии.

Публичная духовность, дух публичной приобщенности – главная, по его мнению, гражданская добродетель. Это и есть дух гражданственности, выражающийся в вовлеченности в общественные дела, в общественный дискурс о проблемах публичной политики, в процесс контроля над властью. Дух гражданственности составляет сердцевину гражданства как феномена в либеральных демократиях. Это тот признак, по которому можно отличить демократические и недемократические режимы. У. Кимлика отмечает, что такая вовлеченность в мониторинг состояния официальной власти, оценка способов управления, которыми она пользуется, отражает наивысшую ответственность граждан. Причем это не просто желание участвовать в политике или демонстрировать свои взгляды. Добродетель публичного дискурса включает готовность выслушивать различные доводы, которые в условиях разнообразия либеральных обществ включают идеи, которые кажутся странными, или даже неприемлемыми. Добродетель политического дискурса также включает готовность продвигать свои взгляды в качестве основы для политики убеждения, нежели манипулирования и насилия.

⁶⁷ Селигман А. Проблема доверия. М., 2002. С. 13.

⁶⁸ Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М., 2010. С. 389.

С. Македо этот вид гражданской добродетели называется «публичной разумностью»⁶⁹. Суть идеи заключается в том, что либеральные граждане должны объяснять свои политические требования, обладая силой убеждения других людей, являющихся представителями различных вероисповеданий и национальностей. Конечно, добродетель публичной разумности значима только для активных людей.

Тема проблемы активности граждан достаточно обсуждаемая в политической науке. В процессе этого обсуждения возникла еще одна позиция – разделение «минимального» и «максимального» гражданства. Эту идею вводит в дискурс о гражданстве и гражданских добродетелях Т. Маклаунин⁷⁰. Согласно его позиции, минимальное гражданство предполагает просто пассивное уважение к законам без активной реализации гражданами своих политических прав. Максимальное гражданство, напротив, основывается на демократической теории, предполагающей широчайшее гражданское участие.

У. Кимлика, анализирует вторую гражданскую добродетель – чувство справедливости, уже с точки зрения либерального коммунитаризма. Справедливость, по его мнению, требует того, чтобы каждый имел возможность стать активным гражданином, что подразумевает уничтожение всяких экономических и социальных барьеров для гражданского участия групп. Следовательно, чтобы стать активным гражданином, необходимо обладать чувством справедливости, которое выражается не только в том, чтобы не эксплуатировать других, а в том, чтобы предупреждать несправедливость, создавая и поддерживая справедливые институты.

Третья гражданская добродетель – это цивилизность, порядочность, благопристойность. Данная добродетель относится к числу тех, которыми должно обладать большинство граждан, независимо от того, каким видом деятельности они занимаются. Цивилизность выступает здесь синонимом отсутствия дискриминации. Так, У. Кимлика отмечает, что распространение принципа отсутствия дискриминации от правительственной сферы в сферу гражданского общества является не просто поворотом в масштабе либеральных норм, оно включает радикальное расширение обязанностей либеральных граждан⁷¹. Автор отстаивает идею цивилизности во всем пространстве гражданского общества – от бизнеса до манер поведения граждан в организациях.

Цивилизность приобретает в процессе взаимодействий в гражданском обществе, при кооперации граждан, их участия в различных ассоциациях, тесном взаимодействии. Однако не следует забывать, что гражданское общество возникает не столько для обучения цивилизности, сколько для решения проблем ассоциативной жизни.

⁶⁹ См.: Гражданское общество: истоки и современность /Науч. ред. И.И. Кальной. СПб., 2006. С. 386.

⁷⁰ Там же. С. 387.

⁷¹ Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М., 2010. С. 127.

От цивильности как гражданской добродетели неотделима такая добродетель как толерантность. Для западной политической мысли тема толерантности является популярной, хорошо разработанной и привлекающей к себе внимание все новых исследователей. Одним из признанных авторитетов этого направления считается американский исследователь М. Уолцер. В своих исследованиях, он отмечает, что демократическое государство базируется и зависит от гражданского общества, в котором плюрализм и толерантность являются правилами, так как ассоциативный мир является «домом» для оппозиционных тенденций и гарантией того, что всегда имеется альтернатива любому политическому истеблишменту⁷². Ученый поясняет, что все различные группы по интересам, которые, по сути, не принимают никакого участия в повседневных политических дебатах, служат источником идей и способов поведения для возможных будущих политиков. Без этого источника, полагает М. Уолцер, демократия являлась бы просто некой оболочкой, приемлемой в той или иной степени, но не более того, без глубины и содержания.

М. Уолцер в рассмотрении темы терпимости отвергает процедурный подход. Говоря о толерантности в отношении, прежде всего, культурно-религиозных различий, исследователь выделяет пять модификаций толерантности: отстраненность, то есть смиренное отношение к различиям во имя сохранения мира; пассивность, расслабленность, безразличие к различиям; принципиальное признание того, что «другие» также обладают правами, даже если их способ пользоваться этими правами вызывает неприязнь; открытость, уважение в отношении других; восторженное одобрение различий, как эстетическое, при котором различие воспринимается как культурная ипостась огромности и многообразия творений Божьих или природы, так и функциональное, где различия трактуются как условия расцвета человечества⁷³.

Определив модификации терпимости, он выделяет типы толерантных режимов, которые существовали в истории. Их тоже пять: многонациональные империи (объект толерантности – группа или суверенное государство); международное сообщество (объект толерантности – суверенные государства); консоциативное (сообщественное) устройство: Бельгия, Ливан, Нидерланды (объект толерантности – группа, сообщество, имеющая тоже гражданство); национальные государства (объект толерантности – индивиды); иммигрантские сообщества (объект толерантности – индивид).

Наибольший интерес у самого М. Уолцера вызывает такой тип толерантного режима, как национальное государство. По мнению М. Уолцера, толерантность национальных государств направлена, в первую очередь, не на группы, а на их членов, которых оно, как правило, воспринимает стереотипно, прежде всего как граждан, а уже затем как

⁷² Уолцер М. О терпимости М., 2000. С. 18.

⁷³ Там же. С. 25-26.

членов того или иного меньшинства⁷⁴. Автор отмечает, что принадлежность к меньшинству становится личным делом каждого.

В отличие от других типов толерантных режимов, в национальных государствах, даже либеральных, имеется меньше простора для национально-культурных различий, от чего страдают, прежде всего, национальные меньшинства, отсюда и защита прав меньшинств, например, разработка и принятие Организацией Объединенных Наций в 1966 г. Конвенции о гражданских и политических правах⁷⁵.

Интересны наблюдения М. Уолцера относительно социального ресурса толерантности. Рассуждая о причинах религиозной веротерпимости в США, исследователь объясняет отсутствие больших разногласий между церквями в их похожести друг на друга, возникающей в результате компромисса со стороны протестантских сект. Толерантность, считает он, сглаживает различия⁷⁶.

Способом воспроизводства самого толерантного режима является образование. Демократически организованное государство нуждается в настоящих гражданах – ответственных, лояльных, компетентных. Соответственно, целью школ должно быть воспитание именно таких граждан. Гражданские добродетели, по мнению М. Уолцера, необходимо воспитывать, формировать, направлять, возвращать. Гражданские добродетели – это те ценности гражданского действия, эмоционально-оценочные отношения к обществу, его гражданам, социального восприятия себя в социальной среде, особенно менталитета, которые формируются посредством самого гражданского общества и его разнообразных институтов. Помимо институционализированных структур, таких как, религиозные организации, некоммерческие объединения и другие, в гражданском обществе имеется еще один институт, который можно назвать гражданской культурой. Гражданская культура цементирует гражданское общество и аккумулирует в себе гражданские добродетели.

Другой американский исследователь толерантности, уже упомянутый выше С. Македо, обращает внимание на то, что проблема толерантности и сам принцип толерантности произошли из религиозной толерантности прошлого, но утвердились в современных либеральных демократиях. Ученый отмечает, что впервые о толерантности как принципе и значимом явлении духовной жизни заговорил Дж. Локк⁷⁷. Идеи Дж. Локка сводились к тому, чтобы отделить церковь от государства, показать важность корректировки взглядов через посредство мирного публичного обсуждения, показать, что спасение души – личное дело каждого, а не забота государства. Следующим звеном в разработке проблемы толерантности, по мнению

⁷⁴ Там же. С. 41.

⁷⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеей от 16 декабря 1966 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 08.09.2012).

⁷⁶ Уолцер М. О терпимости М., 2000. С. 83.

⁷⁷ Локк Дж. Послание о веротерпимости // Сочинения в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 93.

С. Македо, стали исследования Д. Милля, приветствовавшего свободу и разнообразие, которые в свою очередь, стимулируют экспериментирование, критическое мышление и публичное обсуждение, что вносит вклад в прогресс и человеческое ощущение счастья. Идеи Дж. Локка и Д. Милля являются выражением атомистического либерализма. Желая избежать атомистического подхода, современные либералы (Б. Аккерман, Р. Дворкин, С. Лармор, Р.Е. Гудин А. Рив) размышляя о терпимости, говорят о нейтральности государства по отношению к конкурирующим концепциям хорошей жизни, отождествляя нейтральность и терпимость⁷⁸.

Большое внимание уделяет теме толерантности Д. Грей, в чьих суждениях просматривается постмодернистская составляющая⁷⁹. Д. Грей отмечает, что толерантность враждебна либерализму Дж. Роулза, Р. Дворкина и Б. Аккермана, так как она требует не нейтрального отношения к вопросам блага. Получается, что благо уже известно толерантности, а неолиберализм, напротив, настаивает на соблюдении нейтральности по отношению к конкурирующим концепциям блага. Дж. Грей справедливо замечает, что для представителей процедурного либерализма Дж. Роулза, Р. Дворкина и других неприемлема политика социального обеспечения, налогообложения и судебных запретов, поскольку может привести к поддержке того или иного образа жизни за счет других. Дж. Грей вообще считает, что новый либерализм исключает политику толерантности, предлагая политику нейтральности, приводящую общество к освобождению от морали.

Дж. Грей связывает ультрасовременное американское отношение к проблеме терпимости, выражаемое в теориях либерального коммунитаризма, с доведением до абсурда неолиберальных идей и политического воплощения их в жизнь не только в гражданском обществе, но и в правовом государстве. Так, например, в США появились феномены так называемой позитивной дискриминации. Она проявляется в том, что по настоянию культурных меньшинств, которым не нужна политика толерантности, подчеркивающая их неравноправность и отверженность, а нужны привилегии по сравнению с большинством, проводится политика дискриминации большинства. Именно членство или принадлежность к определенной группе обеспечивает сегодня многие права. Сегодня групповые права при столкновении с индивидуальными зачастую одерживают вверх над последними⁸⁰. Практика о которой говорит Дж. Грей, оформилась в США законодательно и получила название «Affirmative action» (утвердительное действие). Исследователь обеспокоен, что отклонение от старомодного идеала толерантности может привести в обществе к распространению старомодной нетерпимости.

⁷⁸ См.: *Макаренко В.П.* Политическая концептология: обзор повестки дня. М., 2005. С. 154-164.

⁷⁹ *Грей Дж.* Поминки по Просвещению. М., 2003. С.46-47.

⁸⁰ Там же. С. 50.

Таким образом, стабильность и процветание демократического устройства зависит не только от базовых демократических институтов, но и определяются качествами, которыми обладают граждане, а также их отношениями к тем или иным социальным вопросам. Важным стало наличие чувства идентичности, толерантности, желание участвовать в политическом процессе в интересах достижения общего блага. С конца 1940-х до 1990-х гг. прошлого столетия в западной научной литературе доминировала концепция Т.Х. Маршала, согласно которой особое значение придавалось поддержанию в обществе стабильного отношения к каждому как равному, что отождествлялось автором с понятием гражданства. Полная реализация гражданства требовала либерально-демократического государства всеобщего благоденствия. Лишь в последние десятилетия заговорили о гражданской ответственности и гражданских добродетелях. Началось активное обсуждение того, какие гражданские добродетели будут способствовать процветанию и развитию демократии.

Вместе с тем, проблема гражданских добродетелей на сегодняшний день стоит достаточно остро, так как в последнее время наметился спад участия граждан в общественных делах, распространилось критическое отношение к органам власти, происходит массовое отчуждение от политики, что ведет к исчезновению в обществе духа гражданственности. Так, Ю. Хабермас называет это явление «гражданской приватностью»⁸¹ и предлагает его преодолеть с помощью так называемого гражданского республиканизма.

Возникает закономерный вопрос, где и как обучаться гражданским добродетелям? Существует два ответа на этот вопрос. Во-первых, такую миссию должны на себя взять сами организации и институты гражданского общества; во-вторых, через систему образования.

Борисова М.К.,

аспирант кафедры политических наук
Национального исследовательского Саратовского
государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского

Циклические концепции социально-исторического процесса в творчестве П.А. Сорокина: политологическая интерпретация.

Одним из наиболее известных представителей циклической концепции социально-исторического процесса является русско-американский социолог П. А. Сорокин (1889 – 1968 гг.) - создатель интегральной парадигмы, на основании которой им были созданы теории социокультурных систем, социальной стратификации и социальной мобильности, революции и реформ и многие другие. Творческое наследие П.А. Сорокина в последние два

⁸¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 133.

десятилетия справедливо стали объектом самого пристального внимания российских социологов, его труды постоянно переиздаются на русском языке⁸², его творчество анализируется многими исследователями, ему посвящены конференции и международные симпозиумы⁸³. Однако, как представляется, многие аспекты его концепции актуальны также и в контексте современного политологического прочтения и интерпретации.

Опираясь на свое видение исторического процесса, П.А. Сорокин обосновал «основной закон истории», согласно которому все общественное развитие представляет собой перманентную флуктуацию (колебание от средних параметров) как социокультурных суперсистем, так и отдельных конкретных обществ. Различные сферы общества, политические режимы, идеологии, институты также не являются постоянными и не развиваются однолинейно по восходящей линии, а непрерывно «качаются» между полюсами тоталитаризма и строго свободных режимов.

Для нас особенно важно, что он стремился выявить явления повторяемости и периодичности во взаимосвязи различных сфер общественной жизни и, прежде всего, политики, экономики и культуры. Исходя из этого, социолог прогнозировал, что неизбежно произойдет переход к новому интегральному циклу, который позволит преодолеть кризисное состояние XX столетия, при котором расцвет науки, технологий, образованности сочетается с социальными катастрофами в виде мировых войн и революций, а гуманизм сочетается с межчеловеческими раздорами и обесцениванием человеческой жизни.

В концентрированном виде свои взгляды на проблемы цикличности он представил в статье «Циклические концепции социально-исторического процесса», написанной в 1927 г., в которой предпринял первую попытку рассмотреть данную проблему применительно к широким областям научного знания.

Вначале П.А. Сорокин критически оценивает широко распространенный со времени "закона трех стадий" Огюста Конта линейный подход, в соответствии с которым «общественный процесс рисовался как нечто движущееся к определенной цели, процесс истории подавался в виде некоего университетского курса: все народы начинают историю с одного класса как первокурсники (у Конта "теологическая стадия"), затем все

⁸² *Сорокин П.* Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги).// Вопросы социологии. 1993. № 3; *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд.-во политической литературы, 1992; *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗХГИ, 2000; *Сорокин П. А.* Главные тенденции нашего времени. М: Директ-Медиа, 2007; *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006; и др.

⁸³ См., например: Возвращение Питирима Сорокина. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения Питирима Александровича Сорокина. Под редакцией Ю.В. Яковца. М: Московский общественный научный фонд; МФК. 2000.

переходят на второй курс ("метафизическая стадия" Конта), пройдя выпускной класс, все общества должны закончить на "стадии позитивизма", или "социализма", или "анархии", или "демократии", или "вырождения" и т.п. Так линейная концепция приобрела характер эсхатологической интерпретации социально-исторического процесса»⁸⁴. В результате это привело социологов к забвению циклической концепции социальных перемен и исторического процесса, к тому, что они не могли уделять должного внимания циклам, ритмам и повторениям в социальных переменных.

По мнению ученого, наступил поворот в развитии методологии науки, вызванный переменами в общественной и научной жизни и крахом эсхатологических концепций истории, попыток открыть единые для всех обществ "тенденции истории". Он представляет сжатый исторический обзор циклических теорий, проходящих через всю историю социальной мысли.

Циклическая концепция социальных перемен — старейшая в истории социальной мысли. Ее четкая формула дана уже в "Экклезиасте", где мы читаем: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Что было, то и будет, и что делалось то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает и нечто, о чем говорят: "Смотри, вот это новое", но [это] было уже в веках, бывших прежде нас»⁸⁵.

Еще одно древнее выражение веры в циклический характер социальных перемен — древняя астрология. Периодичность появления определенных звезд и вера в их влияние на судьбы людей привели к вере в то, что многие общественные явления периодически повторяются с течением времени.

Сорокин дает развернутую классификацию выделяемым эмпирическим путем циклам или ритмам. Он выделяет периодические циклы или ритмы, которые регулярно через определенные промежутки времени повторяются, и непериодические, происходящими в неопределенные и различные промежутки времени.

К числу периодических Сорокин относит также и политические циклы. Он отмечает, что «каждые шестнадцать лет происходят заметные изменения в политических мнениях, составе правительства и его действиях (Ж. Дромель)». В отличие от политических периодические исторические циклы имеют более широкий временной интервал: «многие исторические процессы проходят столетние циклы как некий "естественный" исторический период. Великие социальные перевороты, подобные крупной Французской революции и наполеоновским войнам, мировая война и современные революции. Ренессанс и Реформация происходят периодами примерно в сто лет (О. Лоренц, К. Ясель, Ад. Бартельс, Фр. Куммер)». Еще большую протяженность во времени имеют «примерные периоды роста и упадка

⁸⁴ Сорокин П. А. Циклические концепции социально-исторического процесса // <http://libbabr.com/?book=2828> Дата обращения 16.12. 2012 г.

⁸⁵ Там же.

некоторых культур и государств (Персия, Греция) или целой эпохи в истории народа» - 500 лет, «после чего начинается новая и совсем иная эпоха второго или третьего пятисотлетнего периода».

К неперiodичным, в числе прочих, он относит «циклы в жизни догмы, веры или идеологии: возникновение, борьба против других догм или идеологий, рост, догматизация и упадок». В рамках этих циклов имеет место также и «циклическое колебание популярности и непопулярности многих догм (В. Парето, Гиньбер, Сорокин); Ритм увеличения и уменьшения государственного вмешательства (Г. Спенсер, В. Парето, П. Сорокин). Ритм роста и сокращения экономической дифференциации и неравенства (Г. Шмоллер). Ритм периодов процветания и бедности в жизни нации (Д'Авнелль). Цикл подъема и падения интеллектуальных, политических и финансовых аристократий (П. Жакоби и др.). Цикл в ходе революции: период “освобождения” и период “обуздания” (П. Сорокин)».

В заключении своей статьи П. Сорокин определяет ряд закономерностей циклической динамики. Констатируя влияние, так называемых, циклических трендов, он отмечает, «что можно говорить лишь о временном и условном тренде (или тенденции), который, будучи трендом в течение сравнительно короткого периода времени, может уступить место противоположному тренду и таким образом может оказаться частью долгосрочного цикла». Помимо выделения циклических трендов, он также констатирует факт «наложения множественных циклов друг на друга»⁸⁶.

В 60-е гг. П. Сорокин обобщил рассмотренные концепции в своей работе «Главные тенденции нашего времени»⁸⁷, где он дает еще более развернутую классификацию циклов, в частности, выделяя: 1) постоянно повторяющиеся идентичные циклы: - линейные или спиральные направленные (стремящиеся к определенной цели); - периодичные регрессивные и прогрессивные; 2) неидентичные циклы и ритмы, которые могут быть периодичными и неперiodичными.

Как считал П.А. Сорокин, флуктуация от одного типа культуры к другому носит весьма сложный характер и предполагает прохождение ряда последовательных этапов: дезинтеграция социокультурного порядка – кризис – или гибель общества, или мобилизация сил – новый социокультурный порядок.

Для обоснования теорем флуктуаций культур и природы кризиса Сорокин использовал весьма сложный теоретико-методологический инструментарий, предполагавший интегральное применение ряда принципов. К ним относится, прежде всего, учет как больших, так и малых флуктуаций, долговременных и краткосрочных волн, разнообразия моделей флуктуации. Социолог подчеркивал, что «в некоторых случаях флуктуация происходит резко; в других – и это более распространенная модель – волны подъема и

⁸⁶ Сорокин П. А. Циклические концепции...

⁸⁷ См.: Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.

упадка носят относительно спокойный характер, но даже в этих случаях наблюдается значительное разнообразие»⁸⁸.

Ученый постоянно делал акцент на необходимости признания отсутствия устойчивой линейной тенденции и механистической периодичности общественно-политического развития. Обусловлено это разнообразием ритмов, фаз и тактов в каждой волне и «творчески беспорядочном» характером исторического процесса⁸⁹. На наш взгляд, именно такой подход наиболее адекватен для оценки тех процессов, которые происходили и происходят в политической и социально-экономической истории России. В этом случае возможно понимание сущности развития отдельных направлений и отдельных институтов, как процессов, осуществляющихся с различной скоростью и с различными результатами.

Представляется значимым для методологии политической науки в современной России представление П. А.Сорокиным о том, какую роль играют кризисы и бедствия в социально-политическом развитии общества: «бедствия не являются исключительным злом: наряду с их разрушительными и вредными действиями они играют также конструктивную и положительную роль в истории культуры и творческой деятельности человека. Для человечества катастрофы имеют великое обучающее значение»⁹⁰. Тем самым социолог одним из первых обосновал концепцию динамического, неопредетерминистского научного анализа, объективно востребованного в постсоветской России для изучения противоречивых и кризисных процессов адаптации общества к условиям переходного периода.

Еще один важнейший методологический аспект в концепции П.А. Сорокина связан с его пониманием значимости детерминистской и неопредетерминистской причинности социально-политических процессов и соответственно их цикличности. В этой связи он подчеркивал, что «Любая социокультурная система, пока она существует и функционирует, непрерывно порождает последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы... Одной из специфических форм этого имманентного порождения последствий является непрерывное изменение самой системы, происходящее благодаря ее существованию и активности»⁹¹. В современной России использование данного принципа имеет особое значение, т.к. дает возможность проводить преобразования, исходя из внутренних предпосылок и имеющихся возможностей.

«История, – писал П. Сорокин, – показывает только бесцельные флуктуации... вопреки моему желанию увидеть в истории этапы поступательного, прогрессивного развития, я неизбежно терплю неудачу, пытаюсь как-то подкрепить такую теорию фактами. В силу этих

⁸⁸ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... С. 338-339.

⁸⁹ Там же. С. 340.

⁹⁰ Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги).// Вопросы социологии. 1993. № 3. С. 53.

⁹¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... С. 741.

обстоятельств я вынужден удовлетвориться менее чарующей, хотя, возможно, более корректной концепцией бесцельных исторических флуктуаций»⁹²

Кроме того, социолог выделял принцип имманентного самоопределения системой своей собственной судьбы: «Как только социокультурная система появляется на свет, ее неотъемлемый и «привычный» способ существования, формы, стадии, жизненная активность или судьба обусловлены главным образом самой системой, присущим ей характером и совокупностью ее свойств»⁹³.

Опираясь на свое видение социальной и культурной динамики человеческой цивилизации, П.А. Сорокин в начале 60-х годов прошлого столетия обосновал достаточно долговременные тенденции, суть которых можно свести к следующим: «во-первых, перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей; в-третьих возникновение и постепенный рост первых компонентов нового – интегрального – социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности»⁹⁴. Подчеркнем, что последняя тенденция была выявлена П.А. Сорокиным в разгар «холодной войны» и противостояния двух систем, возглавляемых США и СССР с их союзниками по военно-политическим и социально-экономическим блокам.

Социолог подчеркивал, что настоящая и будущая история человечества «уже представлена на гораздо более обширной сцене азиатско-африкано-американо-европейского космополитического театра. И звездами следующих актов великой исторической драмы готовятся стать – помимо Европы, Америк и России – возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира»⁹⁵.

Главную причину перемещения он обосновывал наличием масштабного кризиса, который стал результатом дезинтеграции чувственной культуры, ее моральных и правовых ценностей, когда «сила становится правом», а господствующими ценностями становятся такие чувственные ценности, как благосостояние, телесный комфорт, наслаждение, популярность, жажда власти и славы⁹⁶. Все эти ценности сформировали преобладающий тип личности и соответствующий характер институтов, регулирующих поведение людей. Ценностная дезинтеграция привела к тому, что индивиды начинают, главным образом, руководствоваться своими биологическими побуждениями, страстями и вожделениями. Это ведет к

⁹² Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 310.

⁹³ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... С. 741.

⁹⁴ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 11.

⁹⁵ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени ... С. 14.

⁹⁶ Там же. С. 19, 19.

структурно-функциональной дезинтеграции, к «старению» целого ряда институтов западного мира и к всеобщему «эпохальному» и величайшему из всех кризисов в истории западного мира⁹⁷.

Этот кризис реализуется двумя путями: «(а) путем вырождения его свободных, договорных институтов, ценностей и идеологии в принудительных и мошеннических монстров, рожденных от договорных родителей; и (б) путем растущего обесценивания и устаревания этих родительских институтов, ценностей и идеологий»⁹⁸. В качестве примера он приводит принцип всеобщего избирательного права, который реализуется «в своей выхолощенной форме... Ценность голосования упала так сильно, что в ряде штатов граждан заставляют голосовать под страхом судебного наказания; неучастие в голосовании оказывается наказуемым преступлением. Один этот факт свидетельствует о чудовищном вырождении принципа избирательного права. Некогда великая привилегия стала бременем, навязанным гражданам, причем неучастие в голосовании грозило им наказанием»⁹⁹.

В качестве альтернативы П.А. Сорокин предложил новый интегральный социокультурный порядок, который характеризует следующим образом: «В основании нового социополитического строя будет лежать современное научное знание и аккумулированная мудрость человечества; этот строй воодушевляется не “борьбой за существование и взаимным соперничеством”..., но духом всеобщей дружбы, симпатии и неэгоистической любви с взаимной помощью, подразумевающей такие отношения»¹⁰⁰.

Естественно, что новый социополитический строй предполагает и новые тенденции в деятельности властных организаций самого разного толка – правительств, деловых корпораций, профсоюзов и иных организаций. Особо следует отметить, что социолог обосновывал возрастание роли ученых в планировании, развитии, политике, управлении правительственной деятельностью, создании «правительств ученых и экспертов». Одновременно такому правительству потребуются «моральные лидеры, чтобы направлять их на служение исключительно целям добра, а не зла»¹⁰¹.

Таким образом, несмотря на явно идеализированные характеристики будущего общественно-политического устройства, ученый, на основе своей циклической методологии, тем не менее, сумел разглядеть зарождающиеся тенденции, которые на рубеже второго и третьего тысячелетия находили все большее публичное признание в демократических странах и занимали все более прочные позиции в их политическом дискурсе.

Для современной политической науки особое значение имеет сквозной тезис, пронизывающий всю методологию выдающегося ученого, о том, что

⁹⁷ Там же. С. 17.

⁹⁸ Там же. С. 64.

⁹⁹ Там же. С. 73.

¹⁰⁰ Там же. С. 75.

¹⁰¹ *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени... С. 80-81.

характер научного познания не может быть универсальным, и раз и навсегда установленным, т.к. изменяется вместе с развитием самого общества и изменением его культурного пространства.

В исследовании различных социально-политических циклов важнейшее значение имеет выявление многофакторности их причинно-следственных связей, изучение пространственно-временных границ каждого конкретного цикла, изучение и оценка верифицируемых параметров его отдельных фаз, отражающих характер и направленность доминирующих процессов.

Жедь Б.А.,

аспирант кафедры политологии
Ульяновского государственного университета

Некоторые теоретические подходы к функциональности политической конкуренции в условиях демократии: к историографии проблемы

Одним из важнейших и обязательных условий демократической общественной системы является наличие института политической конкуренции. Однако само его включение и нормативное закрепление на конституционном уровне в качестве ключевого элемента и принципа политической системы какой-либо страны автоматически еще не гарантирует эффективное функционирование данного института. Обусловлено это тем, что сама демократия, как институт представляет собой не готовый рецепт решения всех накопившихся общественных проблем, а является скорее таким инструментом, эффективное применение которого требует постоянного внимания и совершенствования с учетом особенностей конкретных стран. Рассмотрим в рамках данной статьи некоторые теоретические подходы к данной проблеме, которые представлены в современной политической науке.

Понятие «конкуренция»¹⁰² пришло в экономику, а затем и в политическую науку из биологии как «борьба за существование»¹⁰³, однако достаточно быстро наполнилось в политологии иным смыслом. Его суть определяется пониманием политической конкуренции, как борьбы за власть на законодательно закрепленной основе, по определенным единым правилам и на равных условиях.

Еще в 60-х годах XX века политолог Ю. Хабермас сравнил конкурентную борьбу кандидатов избирательной компании с рыночной деятельностью¹⁰⁴. По его мнению, к системе производства и распределения политических товаров и услуг (политическая платформа, имидж, репутация),

¹⁰² Конкуренция (от лат.: concurrere - сталкиваться)

¹⁰³ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 683.

¹⁰⁴ Habermas J., Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Was leistet die Systemforschung? Frankfurt a. M. Suhrkamp, 1971. – S.114, 115.

обеспечивающих согласованные взаимодействия продавцов (партий, депутатов, политиков, элит) и покупателей (электората), применим термин «политический рынок». Имидж кандидата во власть или политическое решение с комплексом мер по его осуществлению и есть основной товар политического рынка, обмениваемый на голоса электората, общественное признание. А участие в избирательной компании – редкая, но регулярная «покупка», то есть модель товарного рынка очень напоминает особенности рынка политического¹⁰⁵.

Ю. Хабермас одним из первых подверг критике капиталистическое процветающее государство, которое, по его мнению, разрушает сущность демократического процесса посредством бюрократических процедур и коммуникаций. С одной стороны, они привлекают огромное количество людей в общественную сферу, но, с другой, истощают эту сферу через ослабление реального, фактического участия. Капиталистическое общество, по утверждению философа, подавляет «возможности формирования независимого мнения и логически последовательно выстроенного процесса формирования воли через умаление роли избирателя, через соревнование элиты за лидерство, через вертикальное формирование мнения в заржавевших бюрократических аппаратах, через самодостаточные структуры парламента и т.д.»¹⁰⁶

Для очистки демократии от накопившихся искажений Хабермас впоследствии предложил модель «делиберативной демократии», опирающейся на идеал сообщества свободных и равных индивидов, которые в политической коммуникации постоянно определяют формы своей совместной жизни. В качестве критерия для оценки демократичности реального политического процесса Хабермас использует идеально-типическое понятие коллективной процедуры обсуждения политических вопросов и принятия политических решений. Т.е. демократическая самоорганизация мыслится им как конкурентный процесс, как постоянная процедура формирования мнений и воли народа: «Легитимно не то решение, которое выражает якобы уже сформированную волю народа (по формуле некоторых политиков: «Я знаю, чего хочет народ»), но то, в обсуждении которого приняло участие наибольшее количество граждан»¹⁰⁷.

Еще одну экономическую трактовку политического рынка представил Д. Норт: «в демократических государствах законодатели обменивают предвыборные обещания на голоса избирателей. Избиратель не особенно стремится к приобретению точной информации, поскольку вероятность того, что его голос на что-то повлияет, близка к нулю, а сложность политической проблематики делает для него ситуацию

¹⁰⁵ Цит. по: *Нежданов Д. В.* Политический маркетинг/ Д. В. Нежданов. - СПб.: Питер, 2004. С. 5.

¹⁰⁶ Цит. по: *Shalin D.N.* Critical theory and the pragmatist challenge// *Amer. J. of sociology* . – Chicago. 1992. – Vol.98. – №2. – P. 264.

¹⁰⁷ *Хабермас Ю.* Демократия, разум, нравственность: Пер. с нем. – М.: Наука, 1992. – С. 194, 195.

принципиально неопределенной. Контроль за выполнением политических соглашений затруднен, конкуренция гораздо менее эффективна, чем на экономических рынках. Избиратели могут быть хорошо информированы о наглядных, легко поддающихся оценке сторонах политики, так или иначе связанных с их благосостоянием, но в остальном заменой информации выступают идеологические стереотипы, от которых зависит дальнейшее развитие экономики»¹⁰⁸.

П.Бурдые, обогативший политологию понятием «политического поля», определил его как «место, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция: проблемы, программы, анализы, комментарии, концепция, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения «потребителей» и тем более рискующие попасть впросак, чем более удалены они от места производства».¹⁰⁹

То есть политическая конкуренция характеризуется терминами, используемыми для определения рыночных отношений. Й. Шумпетер, опираясь на терминологию политического рынка, выявил в политическом процессе элементы обмена и характеризовал его участников как потребителей, «столь подверженных рекламе и другим методам убеждения, что производители чаще диктуют условия вместо того, чтобы самим руководствоваться желаниями потребителей».¹¹⁰

Основными видами борьбы за покупателя на цивилизованных рынках являются ценовая и неценовая конкуренция. Ценовая конкуренция – это конкуренция, при которой борьба за покупателя осуществляется за счет понижения цены. Неценовая – это конкуренция, осуществляемая путем улучшения качества товаров и услуг без изменения цены.

«Чистой конкуренцией» называют конкуренцию, осуществляемую в соответствии с нормами, установленными законом и принятыми на рынке правилами взаимодействия, в результате чего выявляются наиболее эффективно действующие участники рынка. Такая конкуренция, как в экономике, так и в политике ведет к экономии ресурсов и, соответственно, законодательным и общественным нормам. Политика в идеале – это «чистая конкуренция» между властью и оппозиционными партиями. Притом, что любые политические дискуссии могут проходить в довольно острой форме, базироваться они должны на понимании необходимости действовать в рамках правового поля и необходимости поиска компромисса, основанного на осознании общих политических ценностей. Но на политическом рынке часто встречается именно обратная форма борьбы за покупателя, часто идущая в разрез с нормами закона и морали (компромат, стговор, политический шпионаж, переманивание специалистов конкурента и т.д.). То

¹⁰⁸ Норт Д. Функционирование экономики во времени// Отечественные записки. 2004. №6

¹⁰⁹ Бурдые П.. Социология политики. М, Socio-logos, 1993.

¹¹⁰ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1998

есть мы живем в мире несовершенной конкуренции, в том числе, и в политике. Можно сказать, что политическая конкуренция принимает вид недобросовестной при наличии у одного из участников политического процесса незаконных преимуществ перед другими.

Большинство исследователей признают, что партии, участвующие в конкурентной борьбе за политическую власть, за возможность принимать участие в формировании политического курса страны составляют суть демократии. При этом межпартийная конкуренция может осуществляться как при авторитарном так и при демократическом режимах. Но составляющие конкуренции в первом и втором случае будут различны. В первом случае это будет имитация конкуренции, так как победа партии в ходе конкурентной борьбы может быть победой «внеконкурентной» коммунистической партии, как было в СССР. Поэтому, по мнению А. Пшеворского, реальная демократия - это такое состояние общества, при котором в наличии периодически выигрывающие и проигрывающие в ходе конкурентной борьбы партии¹¹¹.

Демократия предполагает усиление представительства партий, конкурирующих друг с другом в рамках правового поля за возможность в случае победы формировать органы государственной власти и определять основные положения государственной политики. Либеральное толкование этого процесса состоит в сведении к минимуму вмешательства государства в общественно-политическую жизнь общества при максимальном расширении гражданских свобод и свободных конкурентных отношений. Регулировать данный баланс должен Закон, преобладающий над этими составляющими¹¹².

Другим важнейшим условием наличия демократии, а, следовательно, политической конкуренции, исследователи признают наличие избирательных систем, выступающих координатором проведения выборов, гарантом их прозрачности, законности результатов и возможности обжаловать сомнительные результаты. В этом случае сами выборы становятся наиболее действенным конкурентным механизмом легитимации власти.

Сутью предвыборной борьбы является именно политическая конкуренция, ведь только в условиях подлинной конкуренции партий и независимых кандидатов выявляются более сильные, отвечающие интереса крупных социальных групп. Именно наличие политической конкуренции предполагает сменяемость власти путем законных выборов. Следовательно, демократия - это такой политический строй, при котором руководители меняются путем конкурентных выборов, точнее, когда существует реальная возможность сменяемости власти оппозицией. А политическая конкуренция – это совокупность методов, способствующих обеспечению основных форм народовластия. Это комплекс мер по сдерживанию и противовесу авторитаризма власти. Ценность политической конкуренции не в результате,

¹¹¹ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М. 1999. С. 28.

¹¹² Хайек Ф. Дорога к рабству. // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 124

а в процессе, который никогда не ограничивается только предвыборной борьбой. Это политический и идеологический рынок, самонастраивающаяся политическая и общественная жизнь, участие в которой дает ощущение причастности к политике. Обе стороны политического рынка - и политики, и общество - учатся взаимодействовать, между собой, слушать и слышать друг друга, вести диалог.

Специфика политической конкуренции обусловлена особенностями политики как уникальной сферы жизни человеческого общества. Ведь политика – это взаимодействие с властью, а власть – это, прежде всего, огромные права и возможности. Отсюда и происходит борьба за возможность получить эти права.

Борьба за власть может быть законной и насильственной, в нее могут включаться отдельные лица, а могут и миллионы. Законная борьба за власть и есть политическая конкуренция, являющаяся одним из главных показателей степени демократичности политической системы. Американский политолог Р. Даль классифицировал политические режимы по двум составляющим: первая - уровень политической конкуренции, то есть степень участия оппозиции в политической жизни страны и вторая – это уровень участия гражданского общества в политическом процессе. Соотношение этих переменных выражается в определении политических систем в виде четырех полей. Первое поле было определено Далем как «закрытая гегемония», то есть это минимальный уровень участия оппозиции в политической жизни при низком уровне вовлеченности в нее граждан. Второе – «включающая гегемония», которая означает низкий уровень конкуренции, но достаточно высокий уровень участия («включения») граждан в политический процесс. Третье поле – «конкурентная олигархия» - возможна при низкой вовлеченности граждан в общественно-политическую жизнь на фоне сильной конкуренции. Четвертое – «полиархия» - характеризуется высокой степенью включенности граждан при таком же уровне конкуренции.¹¹³

Исходя из этого, можно заключить, что демократия не определяется только наличием в обществе политической конкуренции. Очевидно, что помимо этого необходимым условием демократических преобразований является степень «политической вовлеченности» граждан. Притом, что политическая конкуренция является необходимой составляющей демократии, обеспечивающей достаточный уровень политической стабильности и эффективность политического управления, искусственно созданная политическая конкуренция не способна разрешить эти проблемы. В отсутствие подлинной конкуренции на политическом поле создаются слабые партии и общественные объединения, не способные влиять на принятие управленческих решений и выражать интересы граждан и, как следствие, - падение эффективности всех государственных институтов.

¹¹³ Dahl R. Poliarhcy: Participation and Opposition. New Haven 1971: *Даль Р.* Введение в теорию демократии. М. 1992; *Даль Р.* Полиархия, плюрализм, пространство. *Лекция в память* о Стейне Роккане, прочитанная в Бергене 16 мая 1984 г. /www.gumer.info/bibliote

Следовательно, только наличие подлинной политической конкуренции при наличии высокого уровня общественного участия способствует формированию сильных политических партий и государственной системы в целом.

Даль пришел к выводу, что вовлеченность в политический процесс определяется наличием в обществе качественного избирательного законодательства, большого спектра демократических прав и возможностей отстаивать свои права, создавать общественные объединения, иметь равный доступ к средствам массовой информации.

Эта теория легла в основу работы финского ученого Т. Ванханена, для определения степени демократичности выборов предложил опираться на соотношение результатов голосования в пользу оппозиции и количества участвовавших в голосовании. Если разрыв между кандидатами небольшой (до 15 %), выборы можно отнести к демократическим¹¹⁴. Это означает, что всем участникам в ходе предвыборной борьбы был предоставлен примерно равный доступ к ресурсам, присутствует свобода волеизъявления граждан, выборы проходили в обстановке прозрачности и законности. Ванханен предположил, что общество тем демократичнее, чем равномернее доступ к ресурсам у всех его членов. Если по итогам выборов разрыв между оппозицией и другими участниками соответствует соотношению 20-30% уровня электоральной конкуренции и 10-15% уровня электорального участия, речь идет о полудемократических режимах. Цифры ниже данных показателей, по мнению автора, говорят о принадлежности к недемократическим системам¹¹⁵.

Можно сказать, что на первом этапе трансформации политической системы (конец 80-х – начало 90-х годов) политическая конкуренция в России имела некоторые черты свободной конкуренции, что достигалось, главным образом, за счет стимулирования государством роста численности партий за счет благоприятных условий их регистрации. Таким образом, было создано значительное число партий, получивших возможность представлять интересы широких гражданских слоев, хотя на деле их деятельность была скорее имитацией политической борьбы. А отсутствие общественно-политического конфликта: «социального раскола», раскола элит придало политической конкуренции ущербную форму, т.к. политическая система оказывает определяющее влияние на состояние политических партий и межпартийную конкуренцию. Явившаяся результатом создания пусть даже множества слабых, искусственно созданных партий конкуренция также была слабой.

Поэтому на втором этапе демократических преобразований в России (2-ая половина 90-х) политическая конкуренция приобрела скорее черты конкуренции олигархической, сопровождавшейся отсутствием

¹¹⁴ *Vanhantn T. The Process of Democratisation. A Comparative Study of 147 States. 1980-1988/New York 1989.*

¹¹⁵ Там же.

институциональной организованности и заинтересованной позиции государства, прежде всего лоббировавшего интересы олигархических групп и дискредитировавшего в глазах населения само понятие «демократия», «демократические институты».

Третий этап можно обозначить началом 2000-х. Он связан с упрочением и стабилизацией политической системы страны и оптимистическими ожиданиями в гражданском обществе по поводу проводимого курса. Но именно этот период стал началом проявления авторитарных тенденций, отразившихся в усилении роли государства в политической жизни страны и установлении с его стороны контроля над общественно-политическими процессами.

Новые политические институты, находящиеся под влиянием бюрократии, сильно изменили содержание политической конкуренции, придав ей узко партийный характер, лишив общественные непартийные объединения возможности участвовать в формировании органов власти. Была создана система с превалирующей в ней Партией власти, способной свести к нулю любое предложение остальных участников политического процесса и сводящей конкуренцию к ее имитации. Исполнительная власть сумела усилить контроль над властью законодательной путем создания бюрократического контроля над выборами, объединив электоральный общественный процесс и механизм действия исполнительной власти, что сопровождалось постепенным умалением гражданских прав: отменой избирательных блоков, множественными ограничениями для проведения референдума, несвободой СМИ. Все это привело к тому, что электорат становился лишним элементом на выборах, так как, в конечном счете, только административный ресурс определяет победу кандидата на них. На протяжении данных условно обозначенных этапов социалистическая модель демократии постепенно сменилась либерально-плюралистической и остановилась на модели «демократического элитизма» с особыми чертами, присущими российской действительности.

В целом, для политической жизни в современной России характерна политическая конкуренция на основе олигополии. Она отличается от традиционной несопоставимо большим числом отдельных потребителей и незначительным числом производителей, способных удовлетворить значительную часть общественного запроса. Существование олигополии возможно при «поддержке» ее со стороны государства, что характерно для современной России с господствующим положением в политической системе Партии власти. Олигополия имеет четкие отличия от свободной (чистой) конкуренции: при ней каждый игрок, принимающий участие в конкурентной борьбе обладает значительной долей рынка и старается не допустить на рынок новых участников, создавая для них существенные институциональные преграды (как правило, сложности доступа к административному ресурсу, создание посылов к сговору, компромату, устранению конкурентов).

Как следствие – снижение уровня политической конкуренции и интереса гражданского общества к политической жизни. Это, бесспорно, имеет негативные последствия, в том числе, в виде создания неэффективных политических институтов, приспособленных к условиям несовершенной конкуренции, что ведет, в конечном итоге, к неэффективному политическому управлению страной. Либерализация партийного пространства, которая начала осуществляться после выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г. и выборов Президента Российской Федерации 2012 г., изменив количественную конфигурацию, еще не проявила себя в качестве фактора качественных изменений политической конкуренции в современной России. От того, по какому пути пойдет эволюция этого важнейшего института, во многом зависит и судьба российской демократии. Поэтому данная проблема нуждается в дальнейшем объективном и всестороннем научном исследовании.

Журавлёва Ю.В.

*студентка Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского*

Анализ динамики Российской демократии на основе индексных показателей.

Эмпирические исследования уровня демократии в различных странах получили свое развитие во второй половине XX в. При этом в методике измерения уровня демократии выделяются два направления. Первое стремится использовать объективные параметры: явку на выборах, состав законодательных органов, обеспечение избирательного права. Так, например, Т. Ванханен в своем подходе исследует такие показатели, как уровень конкуренции кандидатов и уровень участия граждан в голосовании. Индекс политической демократии другого ученого Ф. Катрайта основывается на анализе способов формирования органов исполнительной и законодательной власти. Второе направление измерения уровня демократии опирается на экспертные оценки честности выборов, свободы выражения взглядов, доступности и защищённости альтернативных источников информации, ограничений на деятельность политических организаций. К нему, например, относится индекс демократического действия Д. Нейбауэра, который учитывал электоральное равенство и электоральную конкуренцию¹¹⁶.

Изучив несколько методик измерения уровня демократии, мы пришли к выводу о том, что самым объективным является подход Т. Ванханена. Исследователь обратил внимание на то, что демократия в стране зависит от двух показателей: уровня конкуренции (К) кандидатов на выборах, а так же

¹¹⁶ *Войтов А.В., Галкин А.П.* Политические основы гражданского общества: проблемы измерения // Российские регионы в условиях трансформации современного общества: материалы всерос. научн. конф., г. Волгоград, 14–15 сент. 2006 г. Волгоград, 2006. С. 81–82.

от уровня участия граждан в голосовании (Y)¹¹⁷. Первый показатель определяется по удельному весу голосов, полученных на парламентских и президентских (в странах, где они проводятся) выборах оппозиционными партиями. Второй представляет собой удельный вес населения, участвовавшего в голосовании на этих выборах среди всего населения страны (включая и детей). После подсчета двух показателей выводится индекс демократии, формула которого выглядит как $ID = K * Y / 100$. В качестве обязательной нижней черты для Индекса Демократии вводится «нижний предел», который равен 5.

Оценивая вышеназванные способы измерения уровня демократии, следует отметить, что они имеют свое рациональное зерно и основываются на определенных социологических закономерностях. Так, уровень электорального участия напрямую зависит от количества реальных альтернатив, связанных со столкновением интересов политически оформленных субъектов гражданского общества. Если граждане видят, что от их политического выбора их реальное положение никак не зависит, то явка избирателей существенно снижается.

На основании вышеизложенного, мы постарались проследить, как на протяжении периода 2000-2012 гг. изменялся уровень демократии в России. При этом значение переменной K высчитывалось исходя из процентов, полученных каждым кандидатом или партией. Переменная Y высчитывалась посредством вычета из общего количества населения число проголосовавших на выборах. Явка отдельно суммировалась, посредством сложения трех величин: проголосовавших досрочно, проголосовавших вне помещения для голосования и проголосовавших в день голосования на избирательном участке.

Итак, свое исследование мы начали с выборов президента 2000 г. В России они состоялись 26 марта. В голосовании участвовало 75 млн. 181 тыс. 171 человек¹¹⁸, в то время как на территории страны проживало на тот момент 146 млн. 303 тыс. человек¹¹⁹. Таким образом, коэффициент Y равен 51.78%. В ходе избирательной кампании на день голосования было зарегистрировано 11 кандидатов. За победителя предвыборной гонки В.В. Путина проголосовало 52.99%¹²⁰. Помимо этого, на выборах 2000 года, в бюллетени стояла графа «против всех», в которой отметку поставило 1.88% избирателей¹²¹. Уровень конкуренции, следовательно, составил 41.01 %.

¹¹⁷ Там же. С. 82.

¹¹⁸ Протокол Центральной избирательной комиссий Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации. 2000. С. 2 URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000/ (дата обращения: 05.11.2012).

¹¹⁹ См.: URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 05.11.2012).

¹²⁰ Протокол Центральной избирательной комиссий Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации С. 3 URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000/ (дата обращения: 05.11.2012).

¹²¹ Там же. С. 3.

Исходя из полученных данных, Индекс демократии для президентских выборов 2000 года в Российской Федерации равен 21.23.

Следующие выборы главы государства в Российской Федерации состоялись 14 марта 2004 года. В них приняло участие 69 млн. 581 тыс. 430 человек¹²², что является 48% от общего количества населения, которое насчитывало тогда 143.8 млн. человек¹²³. В предвыборной гонке боролось меньшее количество кандидатов, чем в 2000 году. Можно сказать, что конкуренция между кандидатами почти отсутствовала, что доказывало выдвижение ведущими партиями КПРФ и ЛДПР третьих лиц на должность президента России. По сути, выборы 2004 года – это подтверждение ведущей роли президента В.В. Путина. Именно поэтому, как нам кажется, значение переменной К за 4 года снизилось в 2 раза, и составил 24.4%. И Индекс демократизации после подсчетов принял значение 11.7.

Выборы 2008 года проходили в России 2 марта. Количество избирателей, как суммарный показатель трех величин, указанных нами ранее, был равен 74 млн. 849 тыс. 264 человека¹²⁴. Уровень участия от общего числа проживающих на территории страны (141.9 млн. человек¹²⁵) при этом имеет значение 52.7%. Избирательная кампания этого года ознаменовалась выдвижением приемника, который еще в ее начале занял лидерские позиции по отношению к другим зарегистрированным кандидатам. Таким образом, борьба велась на этих выборах скорее за второе место между тремя кандидатами, чем за должность президента. Уровень конкуренции составил 28.37%. Индекс демократии при этом равен 14.

Последние на данный момент выборы главы государства прошли 4 марта 2012 г. В голосовании за кандидатов приняло участие 71 млн. 780 тыс. 800 человек¹²⁶, что равно 50% от общего населения России (143 млн. человек¹²⁷). Коэффициент К возрос по сравнению с 2008 годом, что объясняется увеличением количества кандидатов, боровшихся за президентское кресло, и составил 35.28%. Также увеличился и сам Индекс демократии, который имеет значение 17.64.

¹²² Протокол Центральной избирательной комиссии о результатах выборов. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2004/ (дата обращения: 05.11.2012).

¹²³ См.: URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 05.11.2012).

¹²⁴ Результаты выборов Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100021960186&vrn=100100021960181®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100021960186&type=242 (дата обращения: 05.11.2012).

¹²⁵ См.: URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 05.11.2012).

¹²⁶ Протокол Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации 4 марта 2012 г. (протокол подписан 7 марта 2012 г.) URL: http://www.cikrf.ru/banners/prezident_2012/itogi/result.html

¹²⁷ См.: URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 05.11.2012).

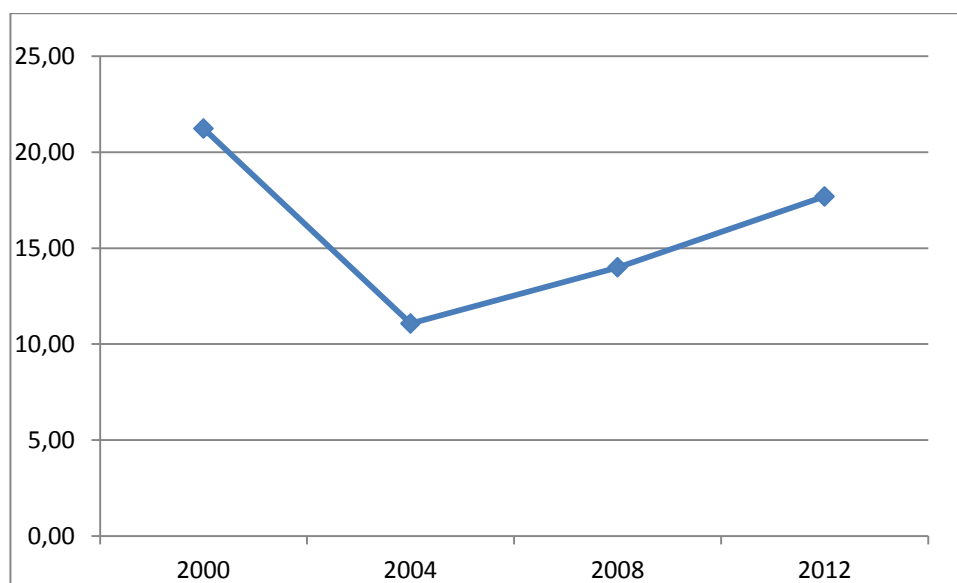

Рис. 1 Динамика индекса демократии на основе результатов президентских выборов

Динамика индекса демократии (рис. 1), которую можно проследить в ходе четырех избирательных кампаний, демонстрирует, как изменялась политическая картина России на протяжении 12 лет. Как можно заметить, в выборах 2000 г. участвовало как максимальное количество кандидатов, так и максимальное число избирателей. Это дает нам право говорить, что именно в этом году уровень участия в политической жизни страны был самым наивысшим. Что и подтверждает полученный нами Индекс. При этом, значение искомой нами переменной в 2004 г. является наименьшим. И, несмотря на то, что для «российской элиты важнейшей проблемой президентских выборов 14 марта 2004 г. была проблема явки. Во многих субъектах Российской Федерации граждане понимая, что от их голосов ничего не зависит, не слишком активно собирались принимать участие в голосовании»¹²⁸, количество избирателей, пришедших на выборы, не смогло преодолеть даже 70 млн. человек. Напомним также, что данные выборы должны были подтвердить легитимность пребывания на посту главы государства В.В. Путина. Таким образом, Индекс еще раз доказывает, что демократия со всеми вытекающими из нее определениями в 2004 г. достигла своей минимальной отметки.

В 2008 г., несмотря на небольшое количество участвующих кандидатов, а также почти не изменившийся их состав, уровень активности граждан возрос. На наш взгляд, это вызвано психологическими факторами, так как успешно проведенная пиар-кампания нового «лидера» обещала российским гражданам продолжение лучшей политики предыдущего президента с привнесением в нее положительных новшеств.

¹²⁸ Римский В.Л. Административный ресурс на федеральных выборах 2003-2004 годов // «Информатика для демократии – 2000+». Т. 2. Сатаров, 2004. URL: <http://www.indem.ru/idd2000/itog2003-4/tom2/Bo2T2.htm> (дата обращения: 05.11.2012).

Увеличение количества претендующих на должность президента страны в 2012 г., обусловило то, что коэффициент К возрос на несколько процентов. Именно поэтому при снижении уровня участия граждан на 2% Индекс демократии в Российской Федерации возрос на 3 единицы. Таким образом, только теоретически Россия стала демократичнее, притом как все показатели, реально показывающие развитие режима, говорят об обратном.

Так как по теории Т. Ванханена уровень конкуренции это удельный вес парламентских и президентских выборов, целесообразно было проанализировать результаты думских кампаний.

Первые выборы периода 2000-2012 гг. были проведены в 7 декабря 2003 г. Именно этот год стал беспрецедентным по сравнению с последующими по количеству участвующих партий. Поэтому уровень конкуренции достиг 62.44. Коэффициент Y был равен всего лишь 42%, исходя из того, что в голосовании приняло участие 60 млн. 712 тыс. 301 человек¹²⁹ при 144. 5 млн. человек¹³⁰ проживающих в стране. Именно из-за высокого значения переменной К Индекс демократии составил 27.

Последующая думская кампания завершилась 2 декабря 2007 г. Количество борющихся за парламентское кресло партий за этот период сократилось почти в 2 раза. Таким образом, коэффициент К принял значение 34.59%. Несмотря на такое снижение конкуренции, уровень электорального участия, напротив, увеличился, так как в выборах участвовало 69 млн. 609 тыс. 446 человек¹³¹. Поэтому Y в 2007 г., при общем населении России в 142.2 млн. человек¹³², равен 48,9%. В целом же значение Индекса также как и первая переменная уменьшилось и составляет 17.

Прошедшие в 2011 г. выборы в Государственную Думу состоялись 4 декабря. Уровень конкуренции по результатам кампании равен 49.1%, что выше чем на прошлых выборах, несмотря на то, что количество партий вновь уменьшилось. В голосовании приняло участие 65 млн. 774 тыс.

¹²⁹ Результаты выборов в Думу IV созыва. URL: <http://www.politika.su/fs/gd4rezv.html> (дата обращения: 05.11.2012).

¹³⁰ См.: URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 05.11.2012).

¹³¹ Результаты выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100021960186&vm=100100021960181®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vivid=100100021960186&type=242 (дата обращения: 05.11.2012).

¹³² См.: URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 05.11.2012).

462 человека¹³³, что составляет 46,3% от проживающего в России населения (141.9 млн. человек¹³⁴). Индекс при таких значениях равен 22.7.

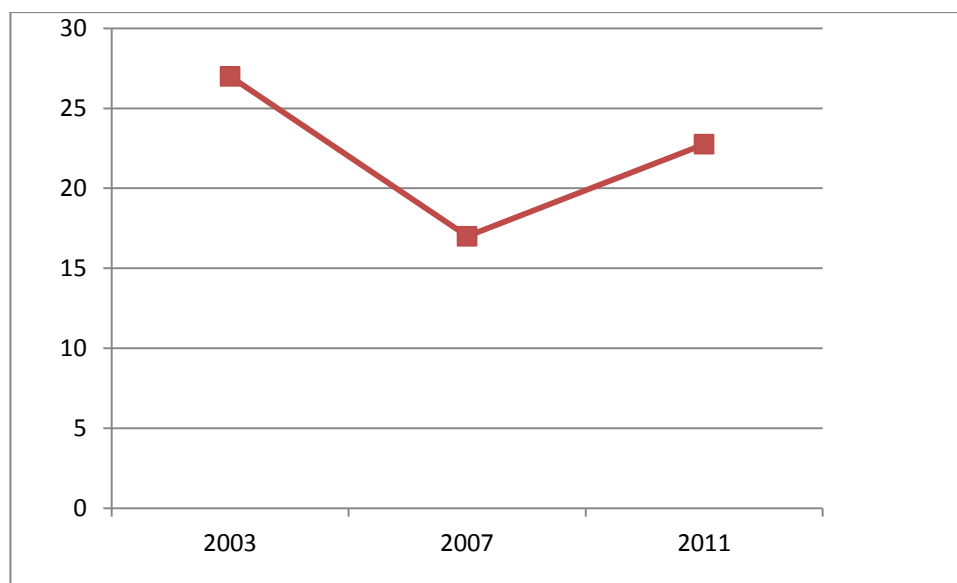

Рис. 2 Динамика индекса демократии на основе результатов парламентских выборов

На графике динамики выборов в Государственную Думу (рис. 2) видно, что резкое снижение Индекса демократии произошло в 2003 г. И, если сравнивать два посторонних нами графика, то можно заметить, что тоже самое произошло в 2004 г. на выборах президента. Связано это как с уменьшением кандидатов или партий на должности, так и пониманием гражданами того, что их участие в голосовании не сможет изменить сценария властей. Последующее возрастание искомой переменной не отражает динамику электорального участия, так как, несмотря на снижение или увеличение коэффициента Y , Индекс только возрастает вместе со значением K .

Подводя итог, можно сказать о том, что Индекс демократии Т. Ванханена отражает, в первую очередь, уровень конкуренции, а не уровень участия граждан на выборах в те или иные органы власти. Так, например, если участвует малое количество граждан, но при этом количество партий велико, то уровень конкуренции будет, как раз и будет отражать Индекс демократии, в то время как данный режим помимо этой переменной, должен учитывать и другие. Что же касается Российской Федерации, то искомый показатель, учитывая удельный вес парламентских и президентских кампаний, увеличивается с каждым избирательным циклом, находясь при этом намного выше минимального показателя. Если основываться именно на

¹³³ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&global=1&vrn=10010002871329®ion=0&prver=0&pronetvd=null> (дата обращения: 05.11.2012).

¹³⁴ См.: URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 05.11.2012).

теории Т. Ванханена, то можно утверждать, что демократическая ситуация в России улучшается.

Заварина А. С.,
магистрант Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского

Политические ценности российского общества (анализ социологических опросов ФОМ, ВЦИОМ, «Левада-Центр»)

Вопросы, связанные с набором политических ценностей, сегодня очень важен для России. В начале 90-х годов россияне стали жить в деидеологизированном государстве. Это дало толчок для развития новых идеологических течений, возможность для каждого выбирать для себя те ценности, которые ближе гражданину. Но есть и другая сторона медали, поскольку в обществе провозглашались ценности, чуждые населению страны. Граждане, которым с детства была привита советская система ценностей, вынуждены были определять свое отношение к совершенно новым для них ценностям таким, как демократия, бизнес и т.д. В настоящей статье мы проанализируем отношение граждан к западноевропейским ценностям, на основе данных исследовательских центров ФОМ, ВЦИОМ и центра «ЛЕВАДА». Основным для анализа был выбран ежегодник «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» «От мнений к пониманию», поскольку данные сайтов «ЛЕВАДА-ЦЕНТР», ФОМ и ВЦИОМ во многом идентичны друг другу.

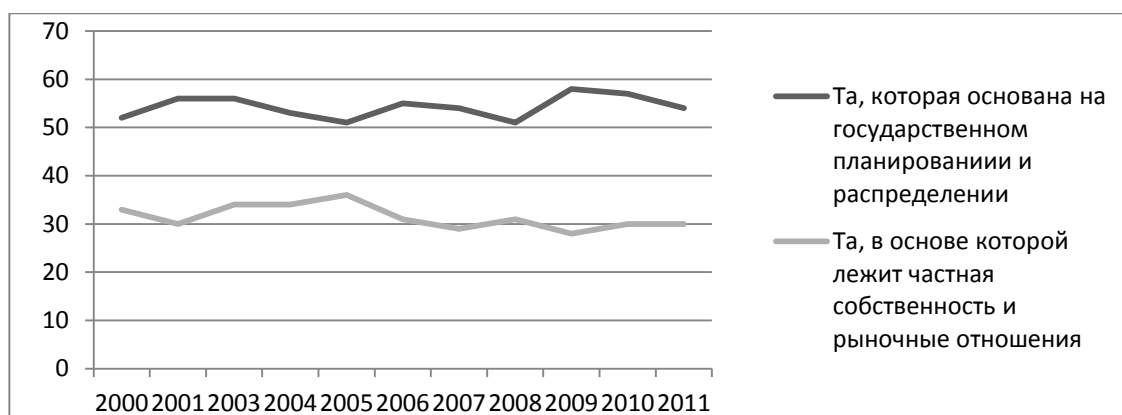
На основе программных документов на Федеральных выборах 2011 года мы выделили три большие группы ценностей: политические, социальные и экономические. Для каждой группы ценностей мы выделили ценностные категории. Экономические категории: бизнес, частная собственность, предпринимательство, прогрессивное налогообложение, рыночная экономика. Политические категории: демократия, свобода, гражданское общество, государство. Категории социального характера: образование, медицинское обслуживание, рабочие места, семья, социальное государство. На основе этих категорий, был проведен качественный и количественный контент-анализ.

Категории экономического характера.

Для того, чтобы понять отношение респондентов к бизнесу и к рыночной экономике, необходимо выяснить предпочтение опрошенных к плановой и к рыночной экономике.

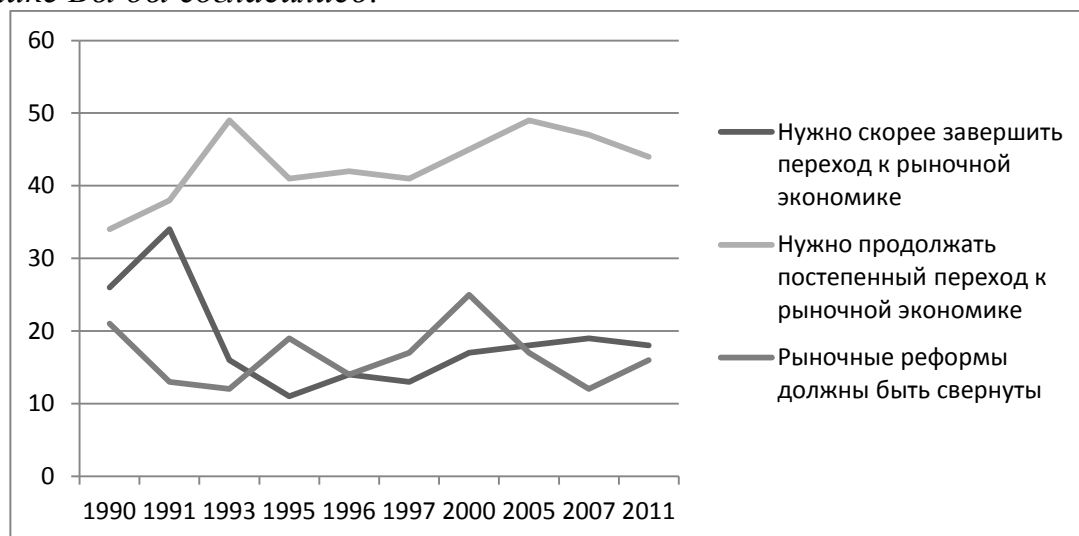
Какая экономическая система кажется вам наиболее правильной?¹³⁵

¹³⁵ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 45.

Динамика, изображенная на графике, четко показывает нам, что предпочтительней для российского общества является экономическая система, которая основана на государственном планировании. Соответственно, мы можем говорить о том, что рыночная экономика, которая основана на конкуренции не является первостепенной ценностью для россиян на данный период. В этой связи необходимо отметить, что ценность рыночной экономики навязывается политическими партиями обществу.

*С какой из точек зрения по поводу перехода России к рыночной экономике Вы бы согласились?*¹³⁶

Анализ данного вопроса дает более подробно рассмотреть динамику изменения мнений населения по поводу рыночных отношений для России. Большинство опрошенных респондентов согласились с тем, что рыночные реформы должны проходить постепенно. Динамика мнений, которые показаны на графике демонстрирует, что от 2007 к 2011 году происходит отход от мнения, что в России должны существовать рыночные отношения. Тенденции во мнении о том, что «нужно завершить переход к рыночной экономике постепенно» или «завершить скорейший переход начинают» снижаться. Т.е. ценность рыночной экономики начинает угасать. Хотя

¹³⁶ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 46.

большинство респондентов все же склоняются к постепенному переходу к рынку. Каковы же причины?

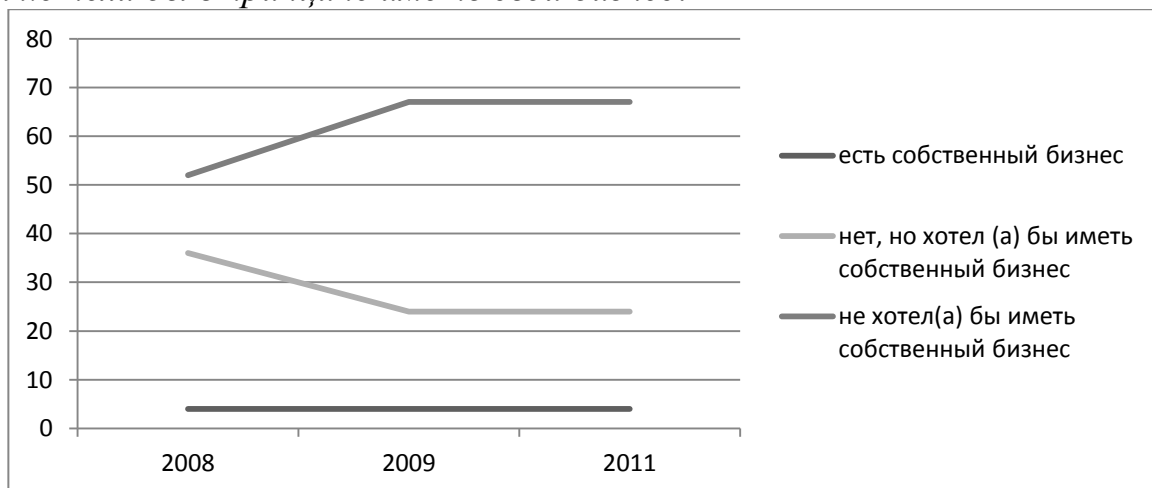
На вопрос «В связи с чем, прежде всего, возникают проблемы в проведении демократических и рыночных реформ в России?»¹³⁷ В данном вопросе мы выделили три основные причины, которые отмечают респонденты. Среди причин, которые отмечают опрошенные, являются: коррумпированность правящей элиты (47%); отсутствие продуманной программы реформы (28%); несовместимость рыночной экономики с российским укладом жизни (21%). Мы брали данные на момент 2011 года.

Рассмотрим такие явления как бизнес и предпринимательство для России. Они отмечались выше как ценности, которые пропагандируют политические партии. По данным исследований ФОМ, об отношении к предпринимателям и к бизнесу в целом, выявлены следующие тенденции.

*Как вы в целом относитесь к предпринимателям: хорошо или плохо?*¹³⁸

62% респондентов ответили, что хорошо относятся к предпринимателям, 12% заявили о своем негативном отношении.

*Скажите, пожалуйста, есть ли у вас собственный бизнес? И если нет, вы хотели бы в принципе иметь свой бизнес?*¹³⁹

На графике мы можем заметить, что доля россиян, которые имеют свой бизнес, весьма невелика. С 2008 года наблюдается тенденция к увеличению числа тех, кто не хочет заниматься бизнесом и снижению числа тех, для того, кто хотел бы этим заняться. Это говорит о том, что бизнес также не является ценностью для большей части российского общества. В подтверждение этому, среди респондентов, которые хотели бы иметь свой бизнес, 85% опрошенных даже не пробовали начинать собственное дело.

¹³⁷ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 25

¹³⁸ Предпринимательство <http://bd.fom.ru/pdf/d12pred11.pdf> Дата обращения: 01.05.2012

¹³⁹ Предпринимательский потенциал <http://bd.fom.ru/pdf/d23pp11.pdf> Дата обращения: 01.05.2012

*Вы были бы за или против возвращения прогрессивного подоходного налога на доходы, превышающего средний уровень?*¹⁴⁰

«Определенно за» высказались 17%, а «Скорее за» – 37%.

Несмотря на то, что социум оказался невосприимчив к идее рынка в России, мы видим, что прогрессивная шкала налогообложения является предпочтительней прямой шкалы. Такой показатель может быть свидетельством недовольства сильным социальным расслоением общества.

Исходя из проанализированных данных, мы видим, что не все ценности, которые пропагандируются партиями, являются актуальными для населения. В частности, не смотря на то, что в обществе нет яркого настроения против предпринимателей, люди не готовы к развитию рыночных отношений.

Категории социального характера.

Проблемы в социальной сфере жизни общества являются достаточно актуальными, поскольку социальная политика не всегда отвечает интересам общества. Это связано с многообразием и сложностью социальных проблем общества. Для социума соответственно проблемы в этой сфере являются весьма значимыми, поскольку непосредственно касаются их повседневной жизни.

На момент 2011 года по данным опросов «Левада-центр» самыми острыми являются такие проблемы как рост цен (82%); бедность и обнищание (50%); коррупция, взяточничество (32%); резкое расслоение в обществе богатых и бедных (29%); наплыв мигрантов (12%); кризис культуры, морали и нравственности (28%).¹⁴¹ Политическая сфера тоже не обходится без изъянов. Проблемы коррупции (как уже отмечалось выше) и чиновников остро стоит на протяжении многих лет в России. Поэтому борьбу с коррупцией и борьбу с произволом чиновников почти все политические партии возводят в ранг ценности их политической программы. Так же это является ценностью и для общества. На вопрос *«Согласны ли вы с утверждением, что многие государственные чиновники сегодня практически не подчиняются законам?»* «Определенно да» ответили 35% респондентов. «Скорее да» ответило – 50%.

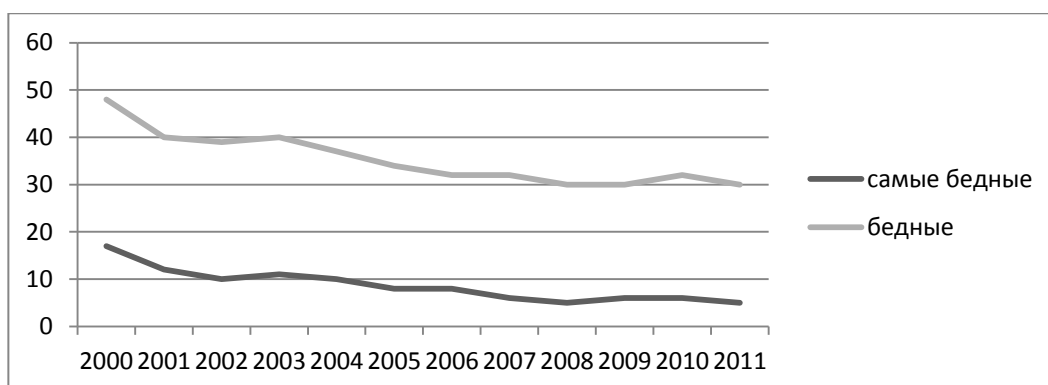
Важно понять отношение населения к таким категориям, как «бедность» и «безработица». По субъективным оценкам бедности, доля бедных людей составляет весьма серьезный процент (40%). Не смотря на то, что наблюдается тенденция к снижению в субъективной оценке бедности, процент остается довольно серьезным.

*Субъективные оценки масштабов бедности.*¹⁴²

¹⁴⁰ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 68.

¹⁴¹ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 62

¹⁴² Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 55

На вопрос «Как вы думаете, можете ли вы в ближайшее время потерять работу? И если вы ее потеряете, легко ли вам будет найти новую работу?»¹⁴³ 53% опрошенных ответили, что они не потеряют работу. На вопрос о том, каков источник дохода будет по достижении пенсионного возраста 52% ответили, что будут жить только на пенсию.

Анализ опросов общественного мнения по вопросам безработицы показывает, что чуть более половины опрошенных более менее уверены в своем положении на работе. И, достигнув определенного возраста, пенсию рассматривают как основной источник дохода. Такие показатели говорят о том, что опрошенные рассчитывают на стабильность своего положения, и данная социальная проблема не стоит так остро, как ее позиционируют программы политических партий.

Так же мы проанализировали социологические опросы, которые посвящены целому комплексу проблем социальной сферы: проблема медицинского обслуживания, среднего и высшего образования, здравоохранения, размера социальных выплат, проблемы безработицы, проблемы жилья и прожиточного минимума.¹⁴⁴ Большинство респондентов, которые отвечали на данные вопросы (от 50 до 80%), говорят о том, что государство должно обеспечивать нормальный уровень благосостояния граждан, предоставлять бесплатное жилье, медицинские и образовательные услуги населению, обеспечивать всех желающих работой. При этом 56% опрошенных ответили, что в случае трудной жизненной ситуации они будут рассчитывать на родственников и друзей.

Анализ социологических опросов показывает, что большую часть социальных проблем (по мнению опрошенных) на свои плечи должно взять государство. Об этом говорят ответы респондентов, которые набрали высокий процент. Они свидетельствуют, что государство должно предоставлять жилье, обеспечивать сферу образования, здравоохранения, решать проблему безработицы. При этом респонденты отмечают, что в трудной жизненной ситуации, на органы социальной защиты рассчитывает всего лишь 2% опрошенных. Получается, что в получении социальных

¹⁴³ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 70.

¹⁴⁴ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 78.

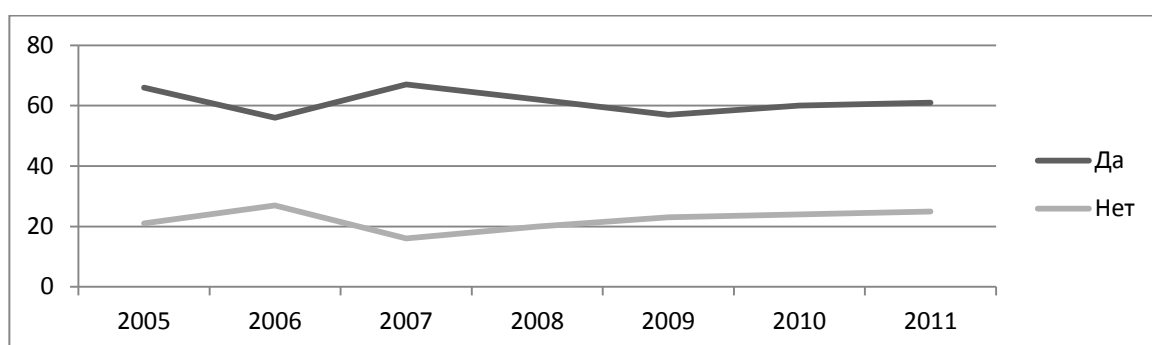
ценностей государство в идеале рассматривается как источник социальных благ. Такое расхождение в ответах на данные вопросы говорит о том, что государство само по себе является ценностью.

Категории политического характера

Самые противоречивые из всех перечисленных ценностей являются политические ценности, поскольку по результатам социологических опросов для российского общества демократия и сильное государственное влияние имеют свою значимость.

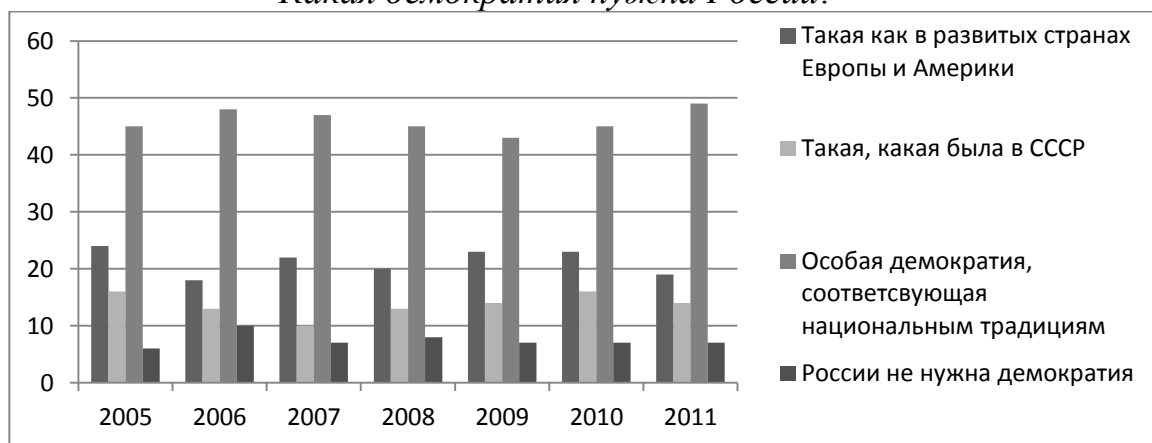
Опросы общественного мнения на политические темы в основном посвящены вопросам о демократическом развитии государства. На диаграмме приведенной ниже мы видим, что, по мнению большинства респондентов, Россия развивается направлении демократии.

*Нужна ли в России демократия?*¹⁴⁵

Большинство опрошенных согласны с тем, что России нужна демократия. Вопрос о том, какая именно нужна демократия России.

*Какая демократия нужна России?*¹⁴⁶

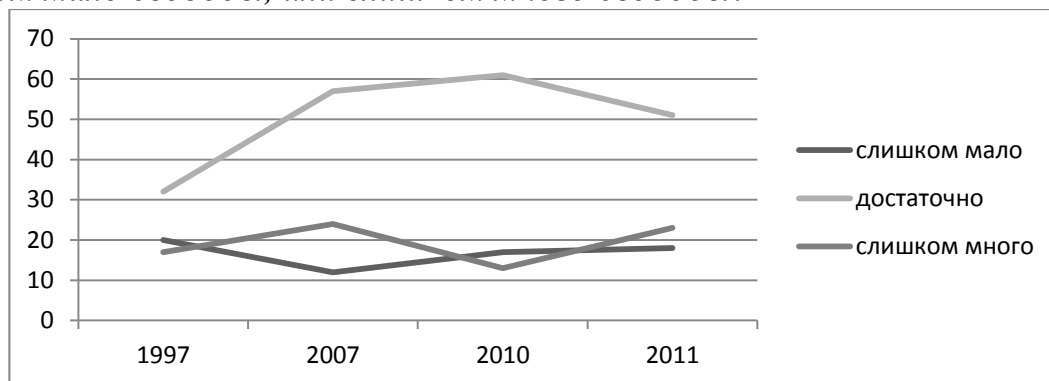
В вопросе о качестве российской демократии, большинство респондентов сходятся во мнении, что она должна быть особенной, которая будет сочетаться с российскими традициями.

Вопросы о демократии не могут быть без вопросов о свободе.

¹⁴⁵ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА – ЦЕНТР». 2011. С. 26.

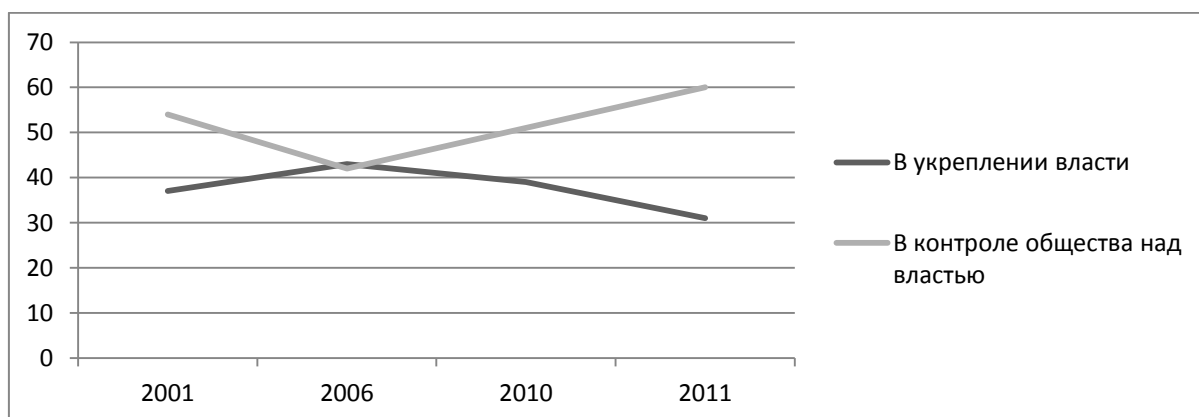
¹⁴⁶ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 26.

*Как вы считаете, сейчас люди в России имеют достаточно свободы, слишком мало свободы, или слишком много свободы?*¹⁴⁷

Большинство респондентов ответили, что сейчас в России достаточно свободы. К 2011 году увеличивается число людей, которые считают, что в России слишком много свободы.

*В чем больше нуждается Россия: в укреплении власти или в том, чтобы власть была поставлена под контроль общества?*¹⁴⁸

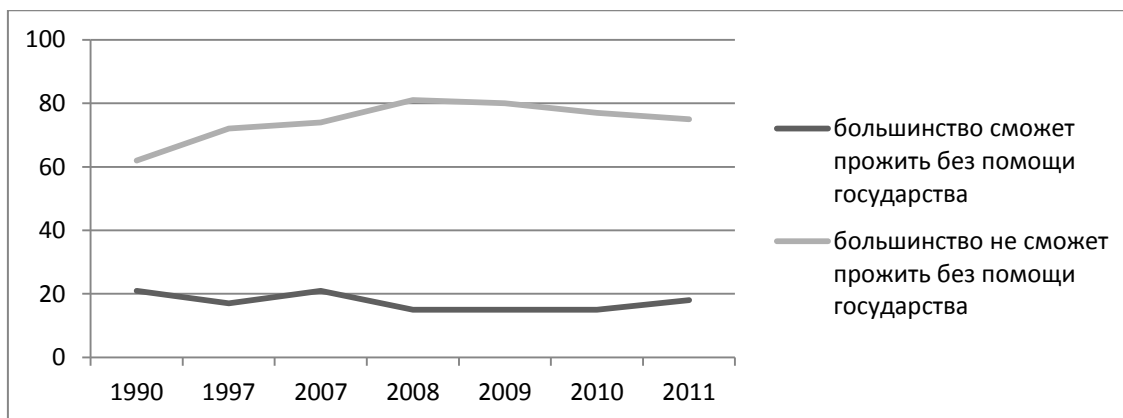
В данном вопросе респонденты отмечают, что в России власть должна быть подконтрольной обществу. Здесь мы можем говорить о ценности гражданского общества в России. При этом остается открытым вопрос о роли государства в России: будет ли оно играть роль направляющего в жизни страны, либо будет являться помощником в общества во всех вопросах.

*Сможет ли большинство людей в России прожить без постоянной помощи со стороны государства?*¹⁴⁹

¹⁴⁷ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 27.

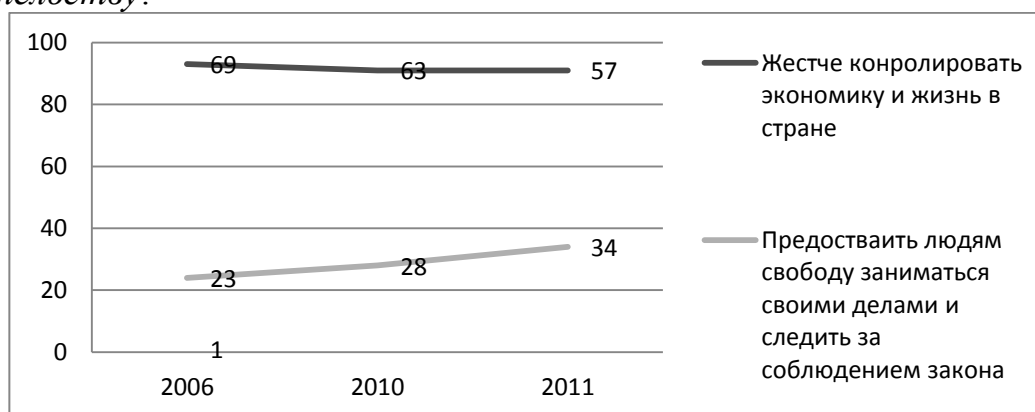
¹⁴⁸ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 38.

¹⁴⁹ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 41.

Данный вопрос показывает, что большая часть общества не сможет прожить без государственной поддержки. Эти данные и данные вышеперечисленных опросов говорят о том, что российское общество (не смотря на то, что люди признают ценность демократии) рассматривает государство как основной субъект политики. Это подтверждает так же и вопрос о том, в каком обществе хотели бы жить респонденты. Большинство отметили, что для них приоритетным является то общество, где власть заботится о людях. Это говорит о патерналистских настроениях в социуме.

Что на ваш взгляд, сейчас стоило бы предпринять президенту и правительству?¹⁵⁰

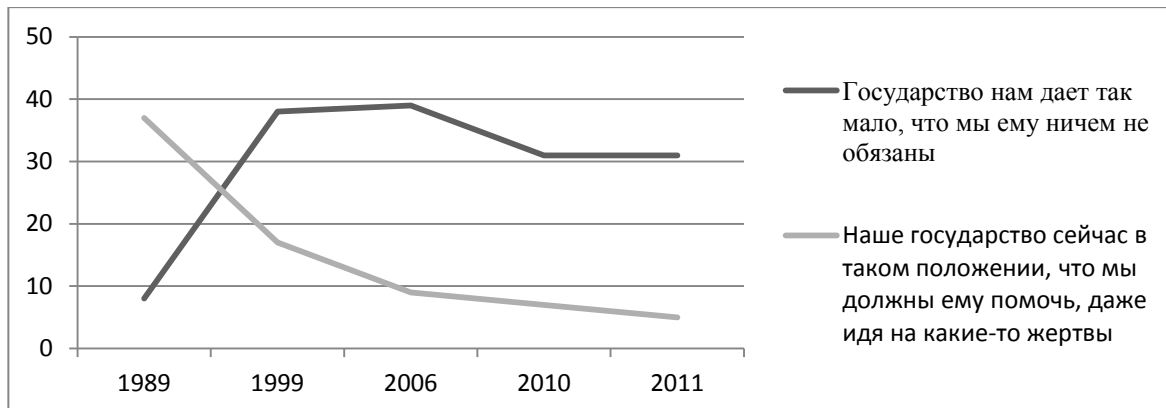

К вопросу о политических институтах и о политике, которую должны они проводить, большинство сходятся во мнении. Что Президент и Правительство должны проводить жесткую политику контроля в стране.

Важным также является и вопрос об отношениях государства и общества. Любые отношения подразумевают под собой права и обязанности сторон друг перед другом. Вопрос об отношениях с государством (по результатам опроса) показывает, что общество не считает себя обязанным государству. По мнению респондентов, государство не удовлетворяет потребности общества в той мере, чтобы общество было чем-то обязано государству.

¹⁵⁰ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 37.

С каким из следующих мнений по поводу отношений с государством вы скорее согласились?¹⁵¹

Выше мы уже отмечали что, люди признают ценность демократии и, что любые отношения, имеют под собой определенные обязательства. Мы проанализировали вопросы, связанные с ответственностью респондентов перед какими-либо институтами (семьи, нации, правительства).

*Несет ли человек моральную ответственность за...*¹⁵²

Таблица 13

	Политику своей страны в прошлом	За действия своего правительства	За действия лиц своей национальности	За деятельность своего предприятия	За происходящее в стране события	За действия своих близких родственников	За своих будущих детей
Несет	8	6	9	20	7	35	71
Скорее несет	28	33	33	47	44	49	21
не несет	58	56	51	28	43	13	3

Опросы показали, что чем ближе круг связей респондентов, тем сильнее они ощущают ответственность за действия других людей. Чем слабее связи респондента с каким-либо институтом, тем меньше он чувствует ответственность за его действия. При этом он всегда является частью этого института (государства, общества, нации и т.д.). В таблице мы выделили жирным шрифтом те ответы, которые набрали наибольший процент, они как раз и демонстрируют эту тенденцию.

Анализ социологических данных показал, что набор ценностей для каждого индивида не велик и ограничен социальными-экономическими

¹⁵¹ Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левада «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 42.

¹⁵² Ежегодник «От мнений к пониманию». Общественное мнение – 2011. М.: аналитический центр Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 2011. С. 30-31.

ценностями. Ценности же рыночных отношений, бизнеса, предпринимательства, демократии не являются приоритетными для населения.

Политические ценности имеют свою особенность. Не смотря на то, что демократическое общество признается приоритетным для России, люди сильно завышают роль государства и возлагают на него почти все социально-экономические обязанности. В свою очередь социум не готов предложить государству что-либо взамен.

В заключение приведем данные рейтинга Фонда «Общественное мнение», в которых присутствуют основные политические и социально-экономические ценностей. В рейтинге ценностей первые места занимают: семья (64%); безопасность (51%); достаток (43%). А такие ценности как демократия (5%) и собственность (7%) находятся в самом конце рейтинга.¹⁵³

Зевако Ю.В.

*кандидат политических наук
ассистент кафедры социально-экономических
и гуманитарных наук филиала «Восход»
Московского авиационного института*

Государственная национальная политика Российской Федерации: принципы, институты, проблемы

Распад Советского Союза повлек за собой «возрождение этничности» и «парад суверенитетов», основанный на политизации этничности и поощрении этнодифференцирующих тенденций в рамках уже нового единого государства – Российской Федерации. В данных условиях перед центральными властями встал острый вопрос о разработке новых принципов государственной национальной политики и создании соответствующих органов власти, которые бы способствовали утверждению новой консолидирующей надэтнической политической идентичности.

Современные исследователи выделяют две основные модели консолидации общества в единую политическую нацию, исторически связанные с эпохами Модерна и Постмодерна. К первой эпохе относится ассимиляционистская модель, ко второй – мультикультуралистская. Характеризуя данные модели, В.С. Мартянов подчёркивает, что «ассимиляционисты при формировании «синтетической идентичности» (нации-государства) пытаются выстроить универсальную иерархию идентичностей различного уровня в зависимости от выражаемых ими интересов (всеобщих, групповых, частных). По их мнению, единственным

¹⁵³ Ценности, приходящие и уходящие с возрастом
<http://bd.fom.ru/pdf/d24cpusv11.pdf>

выходом из ситуации борьбы идентичностей может стать лишь правильная иерархия идентичностей»¹⁵⁴.

В свою очередь, «идеологема мультикультурализма исходит из аксиомы плюрализма, то есть возможности максимально полного выражения интересов всех общественных групп. ...[Однако], начиная с требований культурного плюрализма, адепты мультикультурализма неизменно приходят в финале к политическим требованиям. Проблема в том, что новые идентичности ...создаются [ими] не для последующего консенсуса и слияния, а связаны: а) с обособлением и отстаиванием коллективных интересов тех или иных групп (этнических, религиозных, иммигрантских, языковых и т.д.); б) с претензиями на право участия в политике, которое является следствием признания мультикультурным обществом их «особой идентичности»¹⁵⁵.

Основные принципы государственной национальной политики Российской Федерации изложены в Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, утверждённой в 1996 г.¹⁵⁶ и скорректированной в 2005 г.¹⁵⁷

Анализ Концепции национальной государственной политики Российской Федерации с точки зрения обозначенных моделей показывает, что авторы предлагают смешанный вариант ассимиляционистско-мультикультуралистской модели: ассимиляционистской по целям – «обеспечение единства и целостности», «укрепление государственности», «сплочение российских граждан в единую нацию», и мультикультуралистской по методам – «развитие культур и языков её народов», «удовлетворение их языковых, образовательных и культурных потребностей» и т.д.

Неопределённость центральных властей по поводу модели выстраивания политической идентичности порождает множество проблем, связанных с официальной возможностью (в силу мультикультуралистских положений Концепции) политизации этничности на территории Российской Федерации.

С одной стороны, гуманистическая составляющая мультикультурализма применительно к Российской Федерации, согласно Н.К. Радиной, предполагает, что «во всем потоке образовательных программ

¹⁵⁴ *Мартьянов В.С.* Конфликт идентичностей в политическом проекте Модерна: мультикультурализм или ассимиляция? // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам научно-теоретической конференции ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г. / Под ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеевой и др. М., 2011. С. 39–40.

¹⁵⁵ Там же. С. 40.

¹⁵⁶ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909 (с изменениями) // Российская газета. 1996. № 128. 10 июля.

¹⁵⁷ В 2005 г. по результатам работы специальной Межведомственной комиссии в концепцию были внесены некоторые коррективы. См.: Целищев Н.Н. Этнополитология: Учебно-методический комплекс. Екатеринбург, 2008. С. 151–160.

и проектов, направленных на интенсификацию и оптимизацию межкультурного взаимодействия, выделяются три основных направления: обучения языкам как формирование многополярной картины мира (в том числе поддержание билингвизма на государственном уровне), обучение толерантности, активизация развития этнического сознания и идентичности»¹⁵⁸. С другой, как отмечает Г. Ковальская, данные гуманистические положения легко приобретают политическую окраску: «в нынешней России по-прежнему национальные права – это не права на язык, культуру и образование, но прежде всего, право на политическое представительство или экономические льготы»¹⁵⁹. В.С. Мартьянов также обращает внимание на тот момент, что на практике мультикультурализм мгновенно оборачивается этнонационализмом, а различия – борьбой за основанные на нём привилегии и неуниверсальные нормы¹⁶⁰.

Соответственно, поощряя и даже спонсируя бюджетными деньгами развитие различий, используемых в дальнейшем «этническими предпринимателями» в борьбе за статус, власть и ресурсы, государство/центральные власти закладывают большой конфликтогенный потенциал между представителями разных народов, которые, по декларативным заявлениям политических элит, должны консолидироваться в единую «российскую нацию», усвоить единую политическую идентичность «россияне».

Сложность выбора и выработки оптимальной модели формирования новой консолидирующей идентичности современными российскими политическими элитами во многом обозначена сложным национально-государственным устройством Российской Федерации, в современной исследовательской литературе получившем наименование «асимметричный» (с точки зрения этнотерриториальной организации пространства) или «ограниченный» (с точки зрения распределения власти по оси «центр-регионы») федерализм¹⁶¹. К особенностям подобного государственного устройства Р.Ф. Туровский относит «неустойчивость, заданную динамикой развития отношений «центр – регионы» в предыдущие периоды..., [и] маятникообразный характер политических изменений..., связанный с необычной спецификой российской территориальной неоднородности,

¹⁵⁸ См.: *Радина Н.К.* Технологии межкультурного взаимодействия в российском гражданском обществе: автореф. диссертации д.п.н. Нижний Новгород, 2007.

¹⁵⁹ *Ковальская Г.* Арифметика национального дискомфорта. URL: <http://www.tatar-history.narod.ru/arifmetika.htm>. (дата обращения: 25.09.2012).

¹⁶⁰ *Мартьянов В.С.* Конфликт идентичностей в политическом проекте Модерна: мультикультурализм или ассимиляция? // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам научно-теоретической конференции ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г. / Под ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеевой и др. М., 2011. С. 39–40.

¹⁶¹ *Туровский Р.Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений. 2-е изд. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 326–327.

[породившей] два парадокса: парадокс этнокультурной неоднородности и парадокс “большого пространства”»¹⁶².

Под первым автор понимает сочетание таких противоречивых тенденций, как абсолютное преобладание русского этноса, который характеризуется минимальными региональными различиями и не имеет субэтнической структуры, и, при этом, наличие на территории России в силу особенностей политических границ бывшего СССР и его национальной политики¹⁶³ ярко выраженной этнокультурной периферии. Второй парадокс также включает в себя две противоречивые тенденции: Россия обладает уникально большой, хотя и неравномерно заселённой, территорией, что, с одной стороны, влечёт за собой развитие локальных идентичностей, слабые коммуникационные связи между территориями и значительный потенциал для развития местного самоуправления, а с другой – проблему контроля над обширными пространствами, порождающую мощный вектор централизации, укоренившийся в политической культуре и сознании властных элит¹⁶⁴.

А. Кынева также утверждает, что «внутренне дифференцированное пространство, подобное российскому, с его географическими, этническими, конфессиональными, экономическими и иными особенностями территорий, асимметрично по самой своей природе, неизбежно рождает асимметричные схемы управления и асимметричные управленческие структуры»¹⁶⁵.

Этот тезис подтверждает и А.А. Захаров, отмечает, что «федерализм, реализуемый в этнически разнообразных и сложносоставных обществах, – сложный проект, требующий постоянной опеки со стороны ответственного политического класса». Более того, при нерешённости «национального вопроса» вариативность реформирования российского административно-территориального устройства ограничивается одним и тем же решением: сочетанием территориальных и национально-территориальных начал в организации политического пространства страны¹⁶⁶, следовательно, воспроизводством асимметрии федеративных отношений.

Особая «опека» со стороны «ответственного политического класса» в рамках государства как центрального политического института имеет не только декларативно-рекомендательное воплощение в виде Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, но и институциональное выражение в виде специальных органов власти по национальной политике.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. Пер. с англ. О.Р. Щёлоковой. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

¹⁶⁴ *Туровский Р.Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений. 2-е изд. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 326–327.

¹⁶⁵ См.: *Кынев А.* Недостижимая симметрия: об итогах «укрупнения» субъектов Российской Федерации // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 3 (71). С. 123-136.

¹⁶⁶ См.: *Захаров А.А.* Российский федерализм как «спящий» институт // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 3 (71). С. 113-122.

Весьма примечательно, что несмотря на принципиальную важность вопроса о формировании консолидирующей надэтнической политической идентичности, который не решён до сих пор, эволюция правительственных структур, ответственных за проведение «национальной политики», на протяжении 1990-х – первой декады 2000-х гг. шла по угасающей.

Первоначально данная структура возникла в 1992 г. и называлась «Государственный комитет по национальной политике». В марте 1993 г. она получила название «Госкомитет по делам федерации и национальностей», а в январе 1994 г. – в результате слияния Госкомнаца с Госкомитетом по социально-экономическому развитию Севера – было образовано Министерство по делам национальностей и региональной политики. В марте 1996 г. – вновь переименовано и стало называться Министерством по делам национальностей и федеративным отношениям. До 2001 г. структура ещё несколько раз меняет своё название – Министерство региональной и национальной политики, затем Министерство национальной политики (министром национальной политики был назначен Р.Г. Абдулатипов), затем Министерство по делам федерации и национальностей, затем Министерство по делам национальностей, федерации и миграционной политике, прежде чем в октябре 2001 г. министерство было вовсе упразднено, а до февраля 2004 г. просуществовал ещё пост «министра без портфеля», занимаемый В.Ю. Зориным, который затем также был упразднён¹⁶⁷.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13 сентября 2004 г. № 1168¹⁶⁸ было образовано Министерство регионального развития Российской Федерации, которое является «федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, в том числе районов Крайнего Севера и Арктики, административно-территориального устройства Российской Федерации, разграничения полномочий по предметам совместного ведения между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, осуществления приграничного и межрегионального сотрудничества, строительства, архитектуры, градостроительства (за исключением государственного технического учета и технической инвентаризации объектов капитального строительства) и жилищно-коммунального хозяйства, государственной национальной политики и международных отношений в Российской Федерации, защиты

¹⁶⁷ Малахов В. Национализм и «национальная политика» российской власти: 1991 – 2006 // Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 140.

¹⁶⁸ См.: официальный сайт Министерства регионального развития. URL: <http://www.minregion.ru> (дата обращения: 25.09.2012).

прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов Российской Федерации...»¹⁶⁹.

Реализацией государственной национальной политики на настоящий момент занимается Департамент межнациональных отношений в составе Министерства регионального развития¹⁷⁰.

Очевидно, что масштаб специального органа власти, занимающегося проблемами «национальной политики» Российской Федерации на современном этапе, не соответствует масштабу стоящих перед ним задач. Формирование консолидирующей надэтнической политической идентичности требует объединённых усилий общества и власти, совместной выработки соответствующего стратегического курса, касающегося всех сфер жизни государства, а не только текущей административной работы чиновников одного из департаментов Министерства регионального развития.

Подобное положение вещей говорит о замалчивании «национального вопроса» в современной России, непонимании властвующими политическими элитами возможностей и путей преодоления противоречий ассимиляционистско-мультикультуралистской модели выстраивания отношений между различными этническими группами в рамках асимметричного государственного устройства.

В.С. Мартьянов наиболее рациональным выходом из подобной ситуации видит практику деполитизации мультикультурализма, запрет на политизацию идентичностей, основанных на расе, этносе, религии или поле, поскольку плюрализм идентичностей превращается в проблему именно тогда, когда переводится в политическую плоскость. Исследователь обращает внимание на необходимость «гражданской национализации» государства, когда политическое тождественно национальному и гражданскому, а все прочие идентичности нуждаются в деполитизации и «разгосударствлении», отнесении к культурному, языковому, историческому и прочим внеполитическим пространствам¹⁷¹.

Американский исследователь немецкого происхождения Х.У. Гумбрехт также полагает, что «если мы сегодня и обращаемся к понятию национальности, то его нужно трактовать [исключительно] как конституционное сообщество внутренней ответственности... [Только] воспринимаемая в качестве конституционной рамки, национальность едва ли сможет нести в себе угрозу политизации идентичности этнических или культурных групп, составляющих нацию»¹⁷².

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ *Мартьянов В.С.* Конфликт идентичностей в политическом проекте Модерна: мультикультурализм или ассимиляция? // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам научно-теоретической конференции ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г. / Под ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеевой и др. М., 2011. С. 41–42

¹⁷² *Гумбрехт Х.У.* Есть и должно ли быть сегодня что-то устойчивое в «национальной принадлежности»? // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/gu2.html> (дата обращения: 27.09.2012).

Таким образом, несмотря на то, что после распада Советского Союза прошло уже более двадцати лет, проблема формирования новой российской консолидирующей политической идентичности так и остаётся нерешённой. Более того, внутренне противоречивая модель «национальной политики», представленная в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, и снижение статуса данного вопроса на институциональном уровне со специального министерства до одного из департаментов Министерства регионального развития, говорит о нежелании и неспособности современных правящих элит вновь заняться конструктивным решением жизненно важной для успешного развития России проблемы эффективной государственной национальной политики.

Зимин В.А.,

соискатель кафедры политических наук
Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г.Чернышевского

Идеологическая составляющая в политической культуре современной России

Вопрос о месте и роли идеологии в политической культуре является одним из самых спорных и дискуссионных в обществоведческой литературе в постсоветской России. Обусловлено это во многом тем, что одной из первых задач, которую обозначили сторонники демократических преобразований в России после разрушения СССР – это максимальная расчистка места от тоталитарного наследия. Важнейшим объектом разрушения стала социалистическая идеология, которая интенсивно и повсеместно внедрялась в массовое сознание на протяжении всего периода строительства социализма.

Еще в годы «перестройки» и «гласности» для разрушения идеологической основы тоталитарного наследия было избрано одновременное использование двух векторов воздействия на советское общество: жесткая критика противоречий между теорией и практикой «развитого», «зрелого» социализма застойного периода и целенаправленная индоктринация либерально-демократических ценностей. Последняя осуществлялась вначале в завуалированном виде как политика концептуализации социализма с «человеческим лицом», а затем и в виде открытого внедрения либеральной идеологии.

Первую задачу удалось реализовать достаточно успешно в связи с тем, что эрозия социалистической идеологии осуществлялась по инициативе и под руководством самой правящей партии в рамках самокритичного осмысления всей сложной и противоречивой истории строительства социализма в СССР. «Вирус» сомнения в правильности и

безальтернативности выбранного социалистического пути был внедрен, прежде всего, самими идеологами КПСС и многократно усилен представителями творческой интеллигенции в передачах и публикациях различных СМИ, которые в этот период пользовались наибольшим успехом и вызывали максимальный интерес большинства населения.

Однако вторая задача была реализована лишь в минимальной степени в силу объективных и субъективных причин. «Перестройка», «обновление», «гласность» достаточно долго использовались как официальные агитационно-пропагандистские инструменты радикального переформатирования всей системы политических, социально-экономических и духовных основ советского общества, но, тем не менее, в рамках обновленной идеологии демократического социализма.

Сторонники либеральных преобразований вынуждены были вначале камуфлировать свои антисоциалистические цели и ценности, а затем просто не имели времени для их внедрения в массовое сознание в силу того, что определенные внутренние и внешние обстоятельства позволили им прийти к власти и начать радикальный политический и социально-экономический переворот в стране без предварительной индоктринации своих идей и их осознанного восприятия хотя бы крупными социальными группами. Расчет был на поддержку либерально ориентированной творческой интеллигенции, которая с 1991 г. получила полную и широкую возможность свободно и безо всяких ограничений говорить о «конце истории», о крахе социализма и о победоносном шествии либеральной идеологии и практических либеральных моделей общественного устройства во всем мире.

Однако такая массивная индоктринация либерализма в постсоветской России проводилась в условиях, когда реальные преобразования под лозунгами данной идеологии привели к значительному ухудшению жизненных условий для большинства населения. Обращения Б.Н. Ельцина и его сторонников к населению с просьбой потерпеть и пережить эти «временные» трудности переходного периода, обещания быстрой положительной отдачи от рыночных реформ, не были подкреплены реальными результатами. В итоге процесс индоктринации либерализма вызвал прямо противоположную реакцию – эйфория надежд «на невидимую руку рынка» и либерально-демократические институты быстро заменилась на отторжение данных институтов и ценностей в результате их дискредитации в сознании большинства российских граждан.

Ситуация осложнилась тем, что в Конституции Российской Федерации, принятой в условиях острокризисной ситуации, была зафиксирована статья о том, что в России «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Формально провозглашался и конституционно закреплялся плюрализм идеологий. Однако фактически период 1990-х гг. реально представлял собой процесс деидеологизации, т.е. институциональное закрепление невозможности возврата к доминированию коммунистической идеологии.

Кроме того, важно учитывать то обстоятельство, что процессы радикального переформатирования общественно-политического и социально-экономического устройства в постсоветской России проходили на фоне сложных мировых процессов. Это был период, когда «...глобального масштаба сдвиги, лишённые идеологических оснований в традиционном смысле слова, порождены сочетанием множества социальных, экономических, культурных, технологических и иных факторов, различные комбинации которых способны вызывать непредсказуемые ситуации»¹⁷³. Данные непредсказуемые последствия с особой наглядностью проявились во множестве кровопролитных конфликтов, как внутри отдельных стран в самых разных регионах мира, так и на уровне межгосударственных отношений.

Как справедливо отмечают исследователи, в 1990-е гг. в России образовался своеобразный вакуум в идеологической области¹⁷⁴. В результате произошел переход от советского общества, в котором идеология играла абсолютно тотальную роль, определяя направленность и характер развития абсолютного большинства сфер общественной жизни, к политической системе, в которой фактически отсутствовало идеологическое обоснование целеполагания и деятельности ее основных институтов. Получилось, что декларируемый переход на демократические принципы функционирования всего многообразия общественно-политических и социально-экономических институтов в постсоветской России осуществлялся без идеологического обоснования их соответствия определенным материальным, духовным и политическим потребностям крупных социальных групп и всего российского общества. Как следствие была утрачена важнейшая функция политической идентификации, ключевую роль в которой объективно в любом государстве играет именно общенациональная идеология (либо система общепризнанных ценностей). Соответственно политическая культура России в этот период была лишена того стержня, который обеспечивает идеология формированием той части мировоззрения, которая отвечает «за социальную, политическую и национальную (родовую) идентичность человека», выражает «систему ценностных приоритетов», «объединяет людей на основе воспринятых идей, формулирует и распространяет ценности, могущие стать социальными нормами, дает образ мира, его интерпретацию и подходы к его познанию, прогнозирует и моделирует будущее через идеалы и программы, направленные на их реализацию»¹⁷⁵.

¹⁷³ Гаджиев К. *Метаморфозы идеологии в условиях глобализации* // Власть. 2011. № 11. С. 7.

¹⁷⁴ См.: Вилков А.А. *Идеологический фактор формирования российской политической идентичности* // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). Редколлегия сборника: И.С. Семенов (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. ред) и др. М.: ИМЭМО РАН. 2011. С. 157-162.

¹⁷⁵ Баранец Н., Веревкин А., Еришова О. *Об идеологии и идеологизации науки* // Власть. 2011. С. 127.

Фактически, кампания деидеологизации, имевшая целью разрушение коммунистической идеологии, привела к тому, что вместе с последней «отвергались и идейные ценности евразийской, российской цивилизации, многие из которых по объективным причинам не только сохранялись в советский период, но и получили свое дальнейшее развитие»¹⁷⁶.

Более того, конституционные ограничения на существование в России какой-либо официальной идеологии стали существенным фактором, определяющим строго очерченные границы научных исследований в данной области. Тем самым устанавливался своеобразный верхний (правовой) предел для постановки вопросов: «есть ли смысл спорить о качестве идеологии российских демократических реформ и наиболее приемлемых ее формах, если властвующие элиты все равно официально не смогут ее взять на вооружение? А исторический опыт нахождения советского общества под воздействием официальной коммунистической идеологии задавал нижнюю (социально-психологическую) планку. Стоит ли обсуждать тему, сама постановка которой вызывает в массовом сознании устойчивые негативные ассоциации с советским опытом идеологизации разных сфер общественной жизни?»¹⁷⁷.

На практике, конституционное закрепление данных пределов означало лишь не озвученную, но очевидно предполагаемую официальную установку на переориентацию позиций представителей советского сообщества обществоведов (в большинстве своем сформированных и воспитанных на базе концептов марксистско-ленинской идеологии). Предполагалось, что большинство из них (в соответствии с обозначенным «концом истории») перейдет в своих научных исследованиях и в своей преподавательской деятельности на позиции адептов либерально-демократических ценностей. В результате постепенно будет создано научное обоснование либеральной стратегии (и соответственно идеологии) общественно-политического и социально-экономического развития страны, адекватной специфическим российским условиям.

В практической политической жизни значение идеологического фактора переместилась из сферы концептуального обоснования в область имиджевых технологий. Тем не менее, значение идеологического дискурса в этот период, по мнению Г.И. Мусихина, становится фундаментальным. «Поддержку получает тот, кто может представить свою идеологическую позицию как устремление большинства. В этом смысле знаменитый тезис о «конце идеологии» сам может быть интерпретирован как попытка ценностного (то есть идеологического) обоснования господства носителей неких прагматических знаний. Ибо совершенно непонятно, почему мы должны доверять квалификации больше, чем убеждениям, если только не

¹⁷⁶ Богатырев К.А. Конституционные основы государственной идеологии и национальной идеи России // Журнал "Право и безопасность". 2010. № 2 (35). Июль. Электронная версия. http://dpr.ru/pravo/pravo_31_5.htm Дата обращения 24.10 2012 г.

¹⁷⁷ Денисовский Г.М., Козырева Т.М. Политическая толерантность в реформируемом российском обществе второй половины 90-х годов. М., 2002.

подразумевается, что квалификация предполагает наличие тех или иных убеждений или даже тождественна им»¹⁷⁸.

Однако сведение идеологии к некоему набору «прагматических знаний» об «устремлениях большинства», на наш взгляд, представляло собой переход от попыток концептуализации стратегии общественного развития к стратегиям борьбы за электорат от одних выборов к другим. Принципиальное отличие формулирования таких «стратегических» (на практике текущих) политических целей заключается в том, что они не выходили за рамки решения наиболее злободневных («накипевших») проблем и не предлагали четких и понятных большинству населения контуров «конечной» цели общественного развития России.

Большинство лидеров политических партий предпочитало использовать в качестве таких идеологических ориентиров абстрактно неопределенные идеологемы о «великой», «свободной», «демократической», «процветающей», «единой», «стабильной», «справедливой», «уважаемой в мире», «конкурентоспособной» России. Однако конкретное наполнение данных идеологем было различным: для сторонников КПРФ, например, «величие» и «цветение» России означало наличие индустриальной и военной мощи, а для лидеров СПС – последовательную защиту прав и свобод граждан, прежде всего в сфере частной собственности и предпринимательской деятельности.

Отсутствие идеологического стратегического вектора заменялось тем, что ведущие политические партии в рамках тактических имиджевых технологий беззастенчиво комбинировали свои программы на основе заимствований самых различных идеологем. Данный факт некоторые исследователи оценивают как положительный, утверждая, что «как в политической жизни необходим плюрализм идеологических позиций, так и в рамках одной партийной программы или идеологии он скорее полезен. В конце концов, люди, на которых ориентируется та или иная партийная программа, имеют разные цели. Другими словами, эклектичность политических взглядов сегодня скорее правило, чем исключение. Некоторые отмечают, что эклектика вообще характерна для эпохи постмодерна; другие говорят, что совсем неэклектичных идеологий в принципе не бывает, — и с ними можно согласиться, поскольку история политической мысли свидетельствует именно об этом»¹⁷⁹.

С автором можно согласиться в той части, что мировые тенденции действительно свидетельствуют о том, что происходит определенная конвергенция ведущих метаидеологий на основе взаимопроникновения и заимствования базовых ценностей друг друга. В значительной степени это обусловлено тем, по меткому выражению известного представителя российской политической философии К.С. Гаджиева, «что постиндустриальная революция, урбанизация, информатизация, рост

¹⁷⁸ Мусихин Г.И. Идеология и власть // Полития. 2010. № 3-4 (58-59). С. 38.

¹⁷⁹ Фшман Л.Г. Слишком много эклектики // Полития. 2010. № 2 (57). С. 146.

грамотности породили специфическую культуру и массы люмпенов физического и умственного труда, оторванных от корней и земли и способных поддерживать любой миф, обещающий все блага мира»¹⁸⁰. В результате процессов глобализации и универсализации сформирован массовый «космополитический» тип человека, для которого главным мотивом деятельности, главным жизненным кредо стало удовлетворение собственных, прежде всего материальных, потребностей и желаний.

Однако конвергенция и эклектика, на наш взгляд, представляют собой различные способы реакции на изменившиеся условия деятельности основных субъектов политики, как носителей определенной идеологии. Динамика социальной структуры общества, изменение характера и параметров политической системы значительной части стран, изменение принципов функционирования демократических общественных институтов и политических механизмов, изменения ценностных ориентиров граждан в условиях процессов глобализации и информационной открытости не могли не вызвать определенных содержательных изменений в традиционных метаидеологиях.

Социал-демократы, например, уже не могут в современных условиях ориентироваться преимущественно на интересы рабочего класса, поскольку его структура не только сокращается численно в связи с изменениями характера производства и структуры экономики развитых стран, но и размывается с точки зрения социального статуса. Происходит это не только в связи с изменениями в уровне образования и профессиональной подготовки, различиями в квалификации и в уровне жизни, но и, главное, в связи с различиями в ценностной ориентации и в референтных группах, определяющих образцы поведения различных представителей рабочих (в том числе и в политической жизни).

Также и современные консерваторы не только ведут борьбу за сохранение стабильности и преемственности политического и социально-экономического развития на основе традиционалистских ценностей, но и выступают инициаторами серьезных реформ в сфере взаимоотношений между государством и обществом (особенно в области оживления процессов в экономической сфере), опираясь на данные науки и достижения научно-технического прогресса.

Однако конвергенция ведущих метаидеологий происходит на основе сохранения их определенного ценностного ядра, которое эволюционирует гораздо медленнее. Это ядро, с одной стороны, обеспечивает преемственность политических программ партий, как устойчивых и исторически выдержанных носителей конкретной идеологии; с другой стороны, позволяет использовать идентификационные маркеры для обозначения границ, отличающих ее от других идеологий. Т.е. конвергенция

¹⁸⁰ Гаджиев К. Метаморфозы идеологии в условиях глобализации // Власть. 2011. № 11. С. 7.

предполагает сохранение формы и содержания идеологии на основе единой внутренней логики и самоидентификации.

Эклектика в идеологии представляет собой искусственное, вторичное соединение ценностных элементов, имеющих различное происхождение. Первым примером такого эклектического подхода к партийной идеологии и ее успешного использования в российской политической жизни стала программа ЛДПР. Идеологическая эклектика послужила инструментом определенной концептуализации популистских и логически противоречивых заявлений и предложений харизматического лидера ЛДПР. Впоследствии такой подход стал использоваться в России повсеместно в ходе партийного строительства для сегментирования разнородных социальных групп в качестве целевых «мишеней» для рекламно-агитационного воздействия на выборах.

Идеологическая эклектика в той или иной степени характерна и для ведущих политических партий современной России. Особенно явно она проявляется в деятельности «Единой России», которая даже формально не может определить свой статус и свое позиционирование в партийно-идеологическом пространстве. С точки зрения стратегии имиджевой технологии, это позволяет ей (как «партии власти») позиционировать себя как выразителя интересов всего социального спектра российского общества, за представителей которого на выборах голосует большинство населения.

Однако такой тактически ориентированный подход к использованию идеологического фактора привел к тому, что в программах политических партий отсутствовали конкретные характеристики будущего общественного устройства, никто не предлагал концептуального обоснования стратегического пути продвижения страны к этому будущему. В этом, на наш взгляд, одна из причин того, что задачи модернизации, официально провозглашенные руководством страны, реализуются медленно и непоследовательно. Если ответ на вопрос: «что делать?» хотя бы в общих чертах известен и декларируется, то ответ на вопрос: «как это сделать?» до сих пор представляется обществу очень расплывчато.

Например, всем очевидно, что коррупция является ключевым тормозом модернизации страны, но при этом периодически в СМИ вновь и вновь всплывают факты о ее проявлениях в самых высших эшелонах власти¹⁸¹.

Всем вроде бы понятно, что необходима переориентация инвестиционных потоков в сферу высоких технологий, но при этом госкорпорации продолжают функционирование, прежде всего, в сырьевых отраслях российской экономики.

Не случайно, что ряд авторов отмечают возрастающую в современных условиях идеологическую роль глобальных корпораций (ГК): «Наука постепенно станет сервильной, обслуживая в основном интересы ГК. Роль

¹⁸¹ Особенно поражают последние сообщения (на ноябрь 2012 г.) о масштабах многомиллиардной коррупции в Оборонсервисе, министерстве сельского хозяйства и ЖКХ Санкт Петербурга.

государства будет минимизирована. В ткань гражданского общества будут во все большей степени целенаправленно внедряться структуры-симулякры, внешне радеющие об интересах народа (или конкретной социальной группы, права которой ущемляются), но реально служащие интересам ГК. ... Будут совершенствоваться элементы структуры идеологической мощи ГК, особенно материально-технические и технологические. Те же самые тенденции будут проявляться и в России»¹⁸². Перспективы, как видим, обозначены безрадостные для сторонников демократии, хотя о них в советское время можно было прочесть в любом школьном учебнике по обществознанию, как о важнейшей характеристике «монополистического капитализма».

В этой связи особую значимость приобретают вопросы о субъектности идеологического обеспечения модернизации в современной России, от характера ответов на которые во многом зависит ее стратегия и принципы осуществления. По мнению А. Владиславлева, одного из бывших идеологов «Единой России», «Российскую модернизацию может осуществить только сильное государство. Мировой опыт и истекшие годы убедили нас в том, что путь в новую современную российскую цивилизацию лежит только через признание и утверждение того факта, что сильное государство и державное величие, демократия и свобода должны не исключать, а защищать и обогащать друг друга»¹⁸³. Однако попытки администрации Президента Российской Федерации идеологического обеспечения такой официальной программы модернизации в виде концепции «суверенной демократии» вызвали бурную дискуссию не только среди политиков, но и в научном и журналистском сообществе. Концепция не была официально утверждена и проблема идеологии модернизации вновь повисла в воздухе. В результате не срабатывает запуск «социального двигателя», который мог бы втянуть в модернизационные процессы активную часть российского населения.

Попытку научной концептуализации основ общероссийской идеологии и соответственно модернизации осуществляет, например, поддерживаемый властью «Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования». Результаты их работ опубликованы¹⁸⁴, но публичной официальной реакции на использование авторами аксиологического подхода к обоснованию российской модернизации также не последовало, как и на многие другие подобные проекты¹⁸⁵. Научные дискуссии вокруг них не

¹⁸² *Комлева Н., Саймонс Г., Стровский Д.* Идеологическая мощь геополитического актора: сущность, структура, российская практика // 2011. № 12. С. 125.

¹⁸³ *Владиславлев А.* Забытый урок // Стратегия России. 2005. № 12 (24). С. 51–52.

¹⁸⁴ *Властная идейная трансформация: Исторический опыт и типология: монография / В.Э. Багдасарян, С.С. Сулакшин, под общей редакцией В.И. Якунина.* — М.: Научный эксперт, 2011; *Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С.* Высшие ценности Российского государства. Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт». 2012.

¹⁸⁵ См.: О стратегии преобразования России: идеалы и шансы. — М.: Институт экономических стратегий, 2011; Россия XXI века: образ желаемого завтра. — М.: Экон-Информ, 2010; и др.

затихают, но проблему перенесения научных идей в сферу политики они решить не могут.

По мнению О.Ю. Малиновой, наиболее интересные наработки исследователей, практикующих «идейно-ориентированные» подходы, связаны «с выявлением взаимодействия и взаимовлияния идей, акторов и институтов. Именно через изучение такого рода связей удастся находить решения проблем, которые возникают, если мы пытаемся видеть элементы данной триады исключительно в качестве причин или следствий»¹⁸⁶. Как представляется, проблема состоит как раз в том, что все многообразие идей (в том числе вполне плодотворных) в области научного обоснования стратегии модернизации России, развивается по своим собственным законам в системе координат, которая не совпадает с теми писаными и неписаными нормами и той системой координат, в которой действуют российские политические акторы и институты, как потенциальные потребители данных идей. Дело не только в абстрактности, умозрительности, или наивности многих идей научного сообщества, а в том, что у российских субъектов политики иная мотивация и иные принципы их использования. Суть их определяется текущими краткосрочными политическими задачами: удержаться у власти (либо прийти к власти).

Поэтому и в науке все большее распространение получает «лингвокогнитивное» понимание технологий использования системы универсальных идеологем, как набора «идеологических констант», которые «независимо от изменения их содержательной специфики и, следовательно, способов их языковой репрезентации, всегда являются современными, актуальными и востребованными как представителями различных политических партий и направлений, так и носителями языка вообще»¹⁸⁷.

На наш взгляд, в этом случае утрачивается само понимание идеологии как института, имеющего относительно устойчивые структурные элементы, связанные в единую ценностную систему. В ее основе лежит определенное мировоззрение, выступающее своеобразной призмой восприятия индивидом окружающего мира, общества и самого себя в этом мире, совокупность принципов, на основе которых концептуализируется идеал общественно-политического и социально-экономического устройства и его соотнесение с существующей системой, излагаются стратегия движения к желаемому будущему и тактические способы его воплощения в жизнь.

Когнитологи исходят из того, что идеология представляет собой систему базовых знаний (верований), разделяемых социальной группой. Однако в этом случае предмет исследования трактуется максимально широко и включает в себя не только политические идеологии (консерватизм, либерализм, социализм, национализм, фашизм, анархизм), но и социальные

¹⁸⁶ Малинова О.Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии // Полис. 2010. № 3. С. 98-99.

¹⁸⁷ Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 39.

идеологии (феминизм - сексизм, расизм - антирасизм, пацифизм - милитаризм, идеология экологических движений и др.)¹⁸⁸. При таком широком подходе, как представляется, к идеологии можно отнести и любые верования (например, «о конце света», о «снежном человеке», об Атлантиде, НЛО, пришельцах и т. д.), каждое из которых, несомненно, имеет свою группу приверженцев.

Тем самым максимальная плюрализация сути идеологии выхолащивает ее важнейшие социальные функции. Это, прежде всего, функции политической социализации и идентификации и формирования определенного ядра политической культуры, позволяющего любому человеку ответить на простые, но жизненно важные для всего общества вопросы: Кто мы? Какие мы? В чем смысл нашей жизни? Куда мы идем? Как туда идти? Отсутствие ответов на данные вопросы не просто фрагментирует общественную политическую культуру по отдельным «верованиям» (как значимым, так и не очень), но лишает ее внутренних скрепов, без которых невозможно само существование общества как единого организма.

Некоторые исследователи акцент делают на функциональной близости идеологии и мифологии. Например, Н.И. Шестов политический миф, рассматривает как отграниченный от идеологии, но вместе с тем активно с ней взаимодействующий: «идеологизация мифа столь же естественна, как и мифологизация идеологии»¹⁸⁹. Другие исследователи подчеркивают, что в отличие от мифологии, идеология – это «осознаваемая и сознательно используемая система идей и ценностей, выражающих интересы отдельных классов и групп, т.е. прежде всего рациональный конструкт»¹⁹⁰. При этом никто не оспаривает, что генетически мифология предшествует идеологии, что последняя формируется на основе мифологии и несет на себе определенные характеристики мифа, выступающего связующим звеном между рациональной идеологической системой и архаической мифологией.

Отдельные авторы акцент делают на манипуляционной роли мифов в самой науке, подчеркивая, что на их основе создаются определенные стереотипы (в том числе в отношении негативных характеристик российской истории, специфики политической культуры, отсутствия традиций самоуправления, и др.), которые активно внедряются в массовое сознание¹⁹¹. На наш взгляд, внедрение таких негативных стереотипов не только ухудшает реальные политико-культурные характеристики населения, но и деморализует его, лишает веры в собственные силы и в возможности выйти из исторического «тупика», из российской «колеи истории» и т.д.

¹⁸⁸ Гаврилова М. В. Экспликация идеологических представлений политика: лингвокогнитивный подход // Полис. 2010. № 3. С. 81.

¹⁸⁹ Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде. М., 2005. С. 75.

¹⁹⁰ Стрельник О. Н. Политическая идеология и мифология: конфликты на почве родства // <http://humanities.edu.ru/db/msg/46594> Дата обращения 23. 10. 2012 г.

¹⁹¹ Лукин А.В., Лукин П.В. Мифы о российской политической культуре и российская история // Полис. 2009. № 1. С. 56-70.

В целом, подводя итог, можно констатировать, что фактически сегодня большинство исследователей признают важность целенаправленного формирования определенного ядра политической культуры российского населения. Однако вектор его развития, ценностное содержание трактуется различно в зависимости от понимания субъектности и роли идеологических процессов в современной России.

Либерально ориентированные исследователи продолжают настаивать на том, что ценностное ядро политической культуры формируется в результате конкуренции различных субъектов идеологии в информационном и политическом пространстве России в соответствии с внутренним выбором каждого отдельного индивида в зависимости от его личного мировоззрения и политических убеждений. Реальная политическая практика 1990-х гг., основывавшаяся на таком подходе, на наш взгляд, показала свою несостоятельность в результате крайне негативных последствий.

В первую очередь это коснулось выхолащивания мотивационной и мобилизующей роли социокультурного фактора в проведении демократических преобразований, без которого невозможно подключение к модернизации большинства рядовых граждан. Возникшая социальная апатия и социальная аномия были усугублены расколом общества по самым различным основаниям, который также, в значительной степени, стал следствием политики «плюралистической» деидеологизации. Фактический отказ от общенациональной идеологии в условиях раскола общества не позволил сформировать ценностное ядро политической культуры российского населения и определил неизбежность ее фрагментации и разнородности. Отсутствие ясной цели и внятного положительного образа будущего привели к пессимизму в отношении перспектив общественно-политического и социально-экономического развития России и существенно снизили уровень легитимности сформировавшихся государственных и общественных институтов и политической системы в целом.

Отсутствие четкой партийно-идеологической стратификации партогенеза в постсоветской России привело к тому, что в области развития самой идеологической сферы повсеместно проявлялась эклектика и популизм, которые составили основу манипулятивных и имиджевых технологий. В результате произошло дистанцирование значительной части населения от демократических процедур и механизмов взаимоотношений с властными институтами, которое позволило реализовать усиление авторитарных тенденций в постсоветской России.

Куфтов Н.С.,

соискатель кафедры политических наук
Национального исследовательского Саратовского
государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского

Проблема образа армии в научном дискурсе современной России

Одной из актуальных и социально значимых проблем общественных наук в постсоветской России является динамика образа армии, которая в

значительной степени определяет отношение к данному институту со стороны различных групп населения и прежде всего, со стороны российской молодежи. Обусловлена данная актуальность не только сложной и противоречивой системой внешнеполитических отношений России с ведущими мировыми державами, но и неоднозначностью отношения к армии внутри самого российского общества. Эта неоднозначность нашла свое отражение и в научных исследованиях проблематики восприятия российской армии в массовом сознании в постсоветский период.

Характер субъективного отношения к российской армии представителей различных групп современной отечественной молодежи является значимым критерием при определении, с одной стороны, того, каким образом представлен в общественном сознании имидж силовых структур РФ, а с другой — «каким образом и в каком направлении необходимо выстраивать содержательную насыщенность военно-патриотической работы с подрастающим поколением в целом и с каждой из категорий отечественной молодежи в частности»¹⁹².

Одним из важнейших направлений исследования стал анализ причин формирования неадекватного отношения российской молодежи к службе в армии в 1990-е гг.¹⁹³. Анализ работ показал, что большинство исследователей признавали резкое ухудшение образа армии в глазах подрастающего поколения в этот период и оценивали данный факт как важнейшую социальную проблему. В объяснении причин напряженности ситуации с подготовкой призывников к военной службе, ухудшения качественных характеристик молодого пополнения армии и флота, исследователи не были единодушны.

Некоторые исследователи акцент делали на объективных причинах эволюции образа российской армии в сторону его негативного восприятия, объясняя это теми принципиальными отличиями функциональности армии в советский и постсоветский периоды. Например, Л.Гудков объяснял данную динамику наличием «остаточного рефлекса» милитаристского, мобилизационного и закрытого тоталитарного общества. По его мнению, армия в глазах коммунистических вождей представляла собой модель оптимального общественного устройства, причем модель организации универсального применения, простой и всем понятный образец целевого

¹⁹² Кондратьев М.Ю., Мешков И.А. Социально-психологические особенности субъективного отношения представителей различных категорий современной отечественной молодежи к российской армии // Социальная психология и общество. 2012. № 2. С. 112.

¹⁹³ См.: Бурда С.М. Престиж военной службы // Социс. 1999. № 2. С. 63-69; Кокошин А.А. Армия и политика. М., 1995; Куликов А.Н. Моделирование социальных процессов в вооруженных силах // Социс. 1996. № 9. С. 25-29; Певень Л.В. Готовность к военной службе: проблема формирования оборонного сознания российской молодежи // Социс. 1997. № 5. С. 21-26; Смирнов А.И. Факторы формирования доверия к Российской армии // Социс. 2009. № 12. С. 100-108. Соловьев С.С. Трансформация ценностей военной службы // Социс. 1996. № 9. С. 17-25.

массового управления, основанного на жесткой иерархии, централизованном репрессивном контроле, монополии средств принуждения, слабой функциональной дифференциации, дисциплине, на подавлении индивидуальной автономии и свобод, отсутствии информационного разнообразия¹⁹⁴. В условиях перехода к демократической системе общественно-политического устройства такая армия становится невостребованной, что и является главной причиной изменения отношения к ней в обществе. Поэтому Л. Гудков крайне негативно оценивал функциональный императив «государственной безопасности», который стал усиливаться официальной властью в начале 1990-х гг. в ситуации, когда, по мнению автора, «внешняя обстановка в мире для страны была на редкость благополучной и мирной»¹⁹⁵.

Многие исследователи отмечали, что военная служба перестала восприниматься молодыми людьми как священный долг перед Родиной. Среди ключевых причин утраты положительного образа российской армии исследователи выделяли, прежде всего, потерю престижа военной службы в результате деструктивной позиции СМИ, которую они заняли еще в годы перестройки, крайне негативно освещая участие армейских подразделений в разрешении конфликтных ситуаций в ряде союзных республик СССР. Но особенно явно антиармейская установка многих российских СМИ проявилась в освещении чеченских событий.

Еще одна группа причин падения престижа службы в армии уходила корнями в социально-экономические проблемы военнослужащих, которые особенно явно проявились в 1990-е гг. и привели к девальвации образа армии и особенно офицерского состава. Важнейшую негативную роль, например, сыграли социальные последствия потери военнослужащими привычного для них высокого материального статуса, утраченного в связи ростом инфляции в начале 1990-х гг., который опережал индексацию денежного довольствия на 3-4 месяца¹⁹⁶.

В целом, социологические опросы в среде призывников в тот период выявили совокупность следующих причин, негативно влияющих на восприятие образа российской армии «в армии осталось мало хороших командиров, снизились дисциплина и порядок» (27,8% опрошенных), «прохождение военной службы опасно для жизни и здоровья» (14,3%); чувство страха и убеждение в том, что «в армии царит хаос» (45,8% опрошенных); возможность растратить на военной службе свои личностные

¹⁹⁴ См.: Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004; Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие // Вестник общественного мнения, 2003, №1 (67), С.28-44; №2 (68), С.35-51; Электронная форма доступа. <http://politconcept.sfedu.ru/2009.2/09.pdf>. С. 157-208.

¹⁹⁵ Там же. С. 183.

¹⁹⁶ Соловьев С.С. Российские офицеры – опора государственности или источник нестабильности (размышления по поводу динамики уровня жизни семей офицеров) // Социс. 1997. № 5. С. 26-34.

ресурсы (21,7%); отсутствие у военной службы должного престижа и выгоды (14,2%)¹⁹⁷

В 2000-е гг. ситуация с российской армией и ее восприятием в массовом сознании постепенно стала выправляться, что нашло свое отражение в публикациях по данной проблематике¹⁹⁸.

Исследование имиджа армии В.К. Новика и Д.Г. Передни, проведенное в 2005 г. среди представителей различных групп российской молодежи, показало определенное увеличение положительных характеристик в данном образе: «привлекательность униформы», «быть солдатом это почетно и достойно», «образ солдата ассоциируется со справедливостью». Отрицательные аспекты военной службы продолжали включать в себя «плохие условия жизни и работы», мнение о том, что «молодые призывники подвергаются систематическим издевательствам старослужащих (дедовщина)», «оторванность от семьи». В целом, по данным этого опроса, около 30% молодых людей относились к военной службе положительно, столько же отрицательно и нейтрально. Около 10% относились резко отрицательно, и, по мнению авторов, эти молодые люди были намерены уклониться от призыва на военную службу¹⁹⁹.

Полученные данные авторы концептуализировали в виде модели, объясняющей механизм формирования имиджа армии в сознании современных граждан. Для этого они выделили три уровня: 1) мифологический (абстрактный); 2) виртуально-стереотипный; 3) предметный (конкретный). В ходе социальных взаимодействий и отношений на каждом из этих уровней восприятия формируется своя часть имиджа. У каждого человека восприятие армии индивидуально и целостно, но вместе с тем обладает рядом общих для всех людей особенностей, позволяющих создавать универсальные уровни для объяснения этого процесса восприятия²⁰⁰.

Многие современные исследователи акцент делают на роли духовных традиций российского общества в формировании отношения к армии и соответственно в восприятии ее образа. Среди причин ослабления роли данного фактора они выделяют утрату идеологической основы, которая приводит к «качественно-количественным изменениям духовных традиций», подчеркивая, что «традицией становится лишь сложная общественно-психологическая эмоционально окрашенная привычка»²⁰¹.

Преподаватели Пермского военного института внутренних войск МВД

¹⁹⁷ Клементьев Р.П., Николаева И.А. Призыв на военную службу // Социс.. 2000. №10. С.73.

¹⁹⁸ Шевцов В.В. Отношение школьников и студентов к военной службе // Социс. 2006. № 6. С. 111-113.

¹⁹⁹ См.: Новик В.К., Передня Д.Г. Имидж современной Российской армии глазами молодежи // Социс. 2006. № 11. С. 101-107.

²⁰⁰ Там же. С. 104.

²⁰¹ Шевченко О.В. К методологии исследования духовных традиций современного российского общества и армии // Вестник Военного университета. 2010. № 1 (21). С. 12-13.

России в своей статье делают акцент на изменении системы высшего военного профессионального образования на основе компетентностного подхода, с помощью которого возможно устранение основных противоречий в функционировании этого важнейшего института государства²⁰². Соответственно за счет изменения подготовки офицерского состава возможно и изменение образа современной российской армии.

Актуальность изучения имиджа офицеров, по мнению ряда исследователей, обусловлена еще одним обстоятельством. «Поскольку взаимодействие гражданского общества с военнослужащими весьма ограничено, отношение к Вооруженным Силам вообще есть результат переноса личного представления об отдельных военнослужащих, сформировавшегося преимущественно в результате воздействия средств массовой информации, на более широкие группы военнослужащих и институт военной службы в целом. В этом формате имидж офицера предопределяет имидж Вооруженных Сил в целом, который, в свою очередь, влияет на характер военно-гражданских отношений, доверие к армии как институту социализации огромных масс населения»²⁰³.

По мнению авторов, объективная потребность российского общества в создании новых Вооруженных Сил, модернизации системы подготовки и воспитания военных кадров, предопределяет особую значимость формирования образа личности офицера – «военного профессионала, патриота–защитника Отечества». Под имиджем офицера, как военного руководителя понимается «целенаправленно или стихийно формируемый в воинском коллективе (воинской части, подразделении) его социальный образ, отражающий присущие и приписываемые ему индивидуально–личностные, статусные и профессионально–управленческие качества, характеристики и во многом обуславливающий социальные установки подчиненных по отношению к нему как руководителю данной военно–социальной организации»²⁰⁴. На наш взгляд, такая трактовка имиджа офицера не вполне отражает возможности именно целенаправленного формирования такого образа, т.к. фактически уравнивает их с возможностями стихийного начала в данном образе.

Важным показателем, характеризующим современный имидж офицеров–руководителей, авторы считают его социально–типологическую

²⁰² Гитман Е.К., Тебеньков К.А. Инновационные преобразования в системе высшего военного профессионального образования // Современные исследования социальных проблем, 2012. № 2 (10). С. 51-62.

²⁰³ Крутилин Д. С. О социологическом исследовании имиджа офицеров на современном этапе модернизации Российской армии // IV Всероссийский социологический конгресс. Социология в системе научного управления обществом. М. 2012. С. 1842.

²⁰⁴ Веремчук В. И., Крутилин Д. С. Имидж военного руководителя как фактор эффективности управления воинским коллективом: социологический анализ // IV Всероссийский социологический конгресс. Социология в системе научного управления обществом. М. 2012. С. 1835.

характеристику, выделяя три наиболее типичные группы: оптимальный, проблемный, нерепрезентативный. На основе анализа распределения офицеров-руководителей по основным типам их имиджа, авторы делают вывод, что «около половины командиров воинских частей современной Российской армии и флота далеко не в полной мере соответствует современным требованиям института военной службы, предъявляемым к личности военного руководителя. Эти офицеры не имеют достаточно сформированных лидерских качеств, необходимых для управления военнослужащими в современных условиях»²⁰⁵.

Данные обстоятельства еще раз свидетельствуют о важности и необходимости выработки научно обоснованных направлений и эффективных политико-идеологических технологий формирования положительного образа командного состава с учетом проводимой реформы российской армии и изменившихся условий внешней среды и задач по развитию системы подготовки и отбора командных кадров.

Отдельным направлением можно выделить исследования гендерного элемента образа армии и военных конфликтов²⁰⁶. Исследователи подчеркивают, что в «нарративе медиа-сообщений о военных конфликтах фигурируют одни и те же мифологические персонажи: герой, враг, союзник, предатель и т.д. Большинство из них не имеют четкой половой идентификации, но по умолчанию они несут в себе мужские гендерные модели»²⁰⁷. На наш взгляд, существенное увеличение числа женщин-военнослужащих, которое произошло в российской армии за последние два десятилетия, создает основу для изменения гендерного начала в ее образе и позволяет использовать ее феминные структуры для конструирования более миролюбивого армейского имиджа, функциональность которого состоит в формировании восприятия армии как важнейшего института обеспечения мира и стабильности.

Еще одно направление исследования образа армии в восприятии ее различными социальными группами представлено социальными психологами²⁰⁸. На основании проведенных исследований авторы

²⁰⁵ *Веремчук В. И., Крутилин Д. С.* Имидж военного руководителя... С. 1835-1836.

²⁰⁶ См.: *Макарычев А.* Гендерные аспекты безопасности в контексте процессов глобализации // Гендерные исследования. 2002. № 7 - 8. С. 267; *Рыков С. Л.* Гендерные аспекты профессиональной самореализации военнослужащих-женщин в условиях войн и военных конфликтов // Военно-историческая антропология. Актуальные проблемы изучения. М: Российская политическая академия, 2006; *Суркова И.Ю.* Гендерные стереотипы в повседневных армейских практиках // Социс. 2008. № 12. С. 104-112;

²⁰⁷ *Корнилов П. А.* Конструирование образов войны в гендерных координатах массовой социокультурной коммуникации // IV Всероссийский социологический конгресс. Социология в системе научного управления обществом. С. 1840.

²⁰⁸ См.: *Евенко С.Л.* Социально-психологические типы ситуаций совершения отклонений в поведении военнослужащих ВС РФ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2009. № 2. С. 150-158; *Филатов Г.К.* Психофизиологические и психологические особенности юношей-призывников с различным отношением к военной службе /Дис. канд. психол. наук. Ростов-на-Дону. 1998.

констатируют, что существуют большие различия в актуализации имиджа российской армии представителями различных групп российской молодежи и на этой основе обосновывают ряд практических рекомендаций по формированию целенаправленных программ военно-патриотического воспитания молодежи.

По мнению М.Ю. Кондратьева и И.А. Мешкова, необходимо учитывать принципиально различную «покомпонентную» ориентацию представителей различных категорий современной отечественной молодежи. Поэтому программы военно-патриотического воспитания должны быть «специализированы в плане своей акцентированности, т. е. в содержательном плане эмоционально, познавательном, практически или поступочно ориентированы. Следует таким образом «форматировать» программы, чтобы они работали, если так можно выразиться, в разрушающем плане, когда речь идет об отношенческо-негативном характере восприятия армии адресатом, или в поддерживающе-укрепляющем плане, когда речь идет об отношенческо-позитивном характере восприятия армии. Необходимо сбалансированное соотношение психологически корректирующих и психологически созидующих военно-патриотических личностно-развивающих программ не столько обучающей, сколько воспитывающей целевой направленности»²⁰⁹. Как представляется такой «диверсификационный» подход к программам патриотического воспитания трудно реализуем на практике. Гораздо более целесообразным видится усиление внутренней ответственности всех институтов социализации за проводимую ими воспитательную работу и положительную ее направленность в отношении к российской армии.

В целом, подводя итог историографическому обзору проблем образа российской армии в современном научном дискурсе следует выделить следующие тенденции в изучении данной проблемы. В 1990-е гг. исследователи делали акцент на проблемах «дедовщины», как одного из ведущих факторов, существенно влияющих на восприятие имиджа армии среди различных групп населения и особенно российской молодежи. Другой важнейшей проблемой считалась проблема функциональности армии в постсоветской России, в условиях демократизации всех сфер общественной жизни. Однако уже в данный период появились исследования, в которых рассматривались крайне опасные последствия сложившегося в данный период негативного образа армии.

В 2000-е гг. все большее внимание в исследованиях уделяется проблемам профессионализации российской армии, которая нашла отражение и в структурных элементах ее имиджа. Гораздо большее место в научном дискурсе заняли проблемы патриотического воспитания, как

²⁰⁹ Кондратьев М.Ю., Мешков И.А. Социально-психологические особенности субъективного отношения представителей различных категорий современной отечественной молодежи к российской армии // Социальная психология и общество. 2012. № 2. С. 113.

важнейшего направления формирования адекватного образа российской армии, сформированного на базе духовно-нравственных исторических традиций. Однако тенденция положительного восприятия образа армии в российском обществе еще не стала доминирующей и ее окончательное закрепление во многом зависит от государственной политики в этой области, в очищении армейской среды от коррупции, девиантных моделей неуставных отношений и других негативных явлений.

Ливерко О.В.,

соискатель кафедры политических наук
Национального исследовательского Саратовского
государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского

Проблемы политической идентичности военнослужащих в отечественной научной литературе

Одним из важных научных направлений политической науки в постсоветской России стало изучение проблем особенностей политической идентичности различных социальных групп в условиях переходного периода. Среди них особое место занимают военнослужащие, как в силу своего статуса, так и в силу специфической политической ресурсности²¹⁰. Рассмотрим в рамках статьи основные направления изучения особенностей политической идентичности военнослужащих и основных факторов, определяющих ее эволюцию в постсоветской России.

В 1990-е гг. одним из ключевых факторов, привлекающих внимание исследователей, стала проблема неуставных отношений. «Дедовщина» как социальный институт рассматривалась, прежде всего, преподавателями военных училищ, социальными психологами, социологами и юристами²¹¹. Анализ данных работ позволяет заключить, что выводы и рекомендации по профилактике и борьбе с этим негативным явлением носили в основном «запаздывающий», констатирующий характер. Проявлялось это в том, что не

²¹⁰ См.: *Вестов Ф.А., Петров Д.Е.* Силовые структуры в политической жизни правового государства: власть и гражданский контроль. Научная монография. - Саратов: Саратовский источник. 2011.-

²¹¹ *Васильев Ю. С.* Совершенствование процесса педагогической профилактики неуставных отношений во внутренних войсках МВД РФ: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 2001; *Клепиков Д.В.* Дедовщина как социальный институт. Дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 1997; *Меркулов И. В.* Происхождение и сущность дедовщины в армии // Социс. 1993. № 12. С. 109-112; *Образцов И. В.* Неуставные взаимоотношения: сущность, формы проявления и профилактика. Учебно-методическое пособие. М., 1994; *Солнышков А. Ю.* Неформальные отношения военнослужащих, проходящих службу по призыву в ситуациях управленческого взаимодействия: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2008; *Солнышков А.Ю.* Дедовщина как социально-психологический феномен // Социология. 2004. № 2. С. 122-128; *Хомяков А. И.* Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений: Уголовно-правовое и криминологическое исследование: Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2002.

всегда учитывалась скоротечная динамика реальных изменений, как в самой армии, так и в обществе в целом.

Большинство исследователей констатировали резкое ухудшение в этот период отношения в обществе к армии и к самой воинской обязанности²¹². Среди причин чаще всего исследователи выделяли значительное ухудшение материального положения офицерского корпуса, участие подразделений российской армии в горячих точках бывшего СССР и внутри самой России, резкая критика дел в армии со стороны многих СМИ и либерально-демократических политических лидеров. Очевидно, что данная ситуация самым негативным образом сказалась на самоидентификации военнослужащих и «размывании» их статусных характеристик как защитников отечества.

С приходом к власти В.В. Путина ситуация с положением армии меняется в лучшую сторону. Соответственно и на первый план исследователей выходят другие проблемы, в той или иной степени влияющие на политическую идентичность военнослужащих. Одной из них является проблема религиозной идентичности²¹³. Исследователи отмечали ее значение в двух аспектах: с одной стороны объективная потребность в заполнении того идеологического вакуума, без которого невозможна воспитательная работа и соответственно политическая идентификация военнослужащих; а с другой сложности, с которыми сталкивается российская армия в использовании религиозного основания для патриотического воспитания в условиях специфической демографической ситуации и усиления удельного веса мусульман среди призывников.

Усиление роли «силовиков» в российской политической элите в 2000-е гг. актуализировало проблему гражданского контроля за состоянием дел в армии и других силовых структурах²¹⁴. Исследователи отмечали необходимость дальнейшего укрепления правового регулирования сдержек и противовесов взаимоотношений между армией, государством и

²¹² Клементьев Р.П., Николаева И.А. Призыв на военную службу // Социс.. 2000. №10. - С.72-76; Кондратьев М.Ю., Мешков И.А. Социально-психологические особенности субъективного отношения представителей различных категорий современной отечественной молодежи к российской армии // Социальная психология и общество. 2012. № 2. С. 97-114.

²¹³ Дубоград Е.В. Религиозная ситуация в Вооруженных силах Российской Федерации // Социс. 2010. № 5. С. 76-81; Мозговой С.А. Особенности религиозной идентичности военнослужащих и проблемы их права на свободу совести и вероисповедания // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. Материалы международного научно-практического симпозиума, 8-9 июля 2004 г.. - С.-Пб.: Норма, 2005. - С. 146-155.

²¹⁴ Бабанов А.А. Силовые структуры в системе политической власти правового государства (на примере армии и правоохранительных органов). Волгоград. 2004; Вооруженные силы России: власть и политика. Под редакцией Стивена Э. Миллера и Дмитрия Тренина. 2005; Тренин Д. Золотой орел, красная звезда // Вооруженные силы России: власть и политика. Под редакцией Стивена Э. Миллера и Дмитрия Тренина. 2005;

обществом²¹⁵. В качестве определенного примера, приводится опыт США²¹⁶, где армия пользуется непререкаемым авторитетом и высоким уровнем доверия со стороны общества.

Особый интерес представляют исследования имиджа военнослужащих, российской армии в целом как важнейшего государственного института, самого института воинской службы²¹⁷. В данных работах для нас особенно важен тот факт, что образ армии в глазах населения является важнейшим фактором политической идентификации военнослужащих, особенно его офицерского корпуса. Исследователи констатируют, что происходит постепенное улучшение данного имиджа, хотя нерешенных проблем остается достаточно много.

Часть исследований посвящены изучению последствий реформирования российской армии в 2000-е гг.²¹⁸. Анализ стратегии и первых шагов реформирования позволил авторам достаточно критически оценить ее результаты. Особенно опасными исследователи считают проявления коррупции и некомпетентности, которые как ржавчина разъедают изнутри основу российской армии, существенно снижают ее боеготовность и профессионализм.

Исследователи духовно-нравственных основ²¹⁹ также констатируют объективную потребность в возрождении тех патриотических традиций,

²¹⁵ Данилова Н. Ю. Армия и общество: принципы взаимодействия. СПб.: Норма, 2007; Мельков С.А. Гражданско-военный диалог: состояние и некоторые перспективы развития в России // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 2. С. 132-135; Материалы «круглого стола» «Общество и армия: развитие военно-гражданских отношений в интересах укрепления военной безопасности России». М.: Красная звезда, 2008.

²¹⁶ Крашенинникова В., Улман Х. Армия США: Модели, задачи и мотивация // Общественно-политический журнал «Главная тема». 2005. № 8, ноябрь. С. 1-16; Лаврентьев А.В. Гражданский контроль над вооруженными силами и разведывательными службами в США (по американским источникам). М.: МГОУ, 2005; Суркова И.Ю. Гражданский контроль и профессиональная армия: эволюция отношений // Социс. 2009. № 12. С. 142-145.

²¹⁷ Веремчук В. И., Крутилин Д. С. Имидж военного руководителя как фактор эффективности управления воинским коллективом: социологический анализ // IV Всероссийский социологический конгресс. Социология в системе научного управления обществом. М. 2012. С. 1835-1836; Крутилин Д. С. О социологическом исследовании имиджа офицеров на современном этапе модернизации Российской армии // IV Всероссийский социологический конгресс. Социология в системе научного управления обществом. М. 2012. С. 1841-1842; Новик В.К., Передня Д.Г. Имидж современной Российской армии глазами молодежи // Социс. 2006. - № 11. - С. 101-107;

²¹⁸ Комаров В. О чем стоит задуматься реформаторам // Независимое военное обозрение. – 2009 - № 8; Храмчихин А. Ликвидация считается реформой. // Независимое военное обозрение. - 2009. - № 5.- С. 1-3; Шернаев В.И. Военная политика современной России.- Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2007.

²¹⁹ Шернаев В.И. Моральный дух Российской армии.- Екатеринбург, 1999; Шевченко О.В. К методологии исследования духовных традиций современного российского общества и армии // Вестник Военного университета. 2010. № 1 (21). С. 10 – 14.

которыми всегда была сильна российская армия. Не случайно, что даже в кризисные 1990-е гг. данная проблема продолжала оставаться в центре внимания многих исследователей²²⁰. На наш взгляд, главная причина заключается в том, что современная действительность дает мало оснований для высокой самооценки и самоидентификации военнослужащих, в результате чего приходится делать акцент на тех исторических примерах, когда российской (советской) армии действительно было чем гордиться.

Важную роль в идентификации военнослужащих играют институты политической социализации, особенно в целенаправленном формировании положительного отношения школьников к воинской службе²²¹. Несмотря на сокращение сроков службы, усиление гражданского контроля за состоянием дел в армии значительная часть школьников и студентов российских вузов, не нацелены на выполнение своего священного долга перед Родиной. В качестве ключевых причин исследователи называют низкий социальный статус военнослужащих и отсутствие социальных преференций для отслуживших срочников.

В работе О. В. Худовой исследуются психологические особенности профессионального роста личности (на примере сотрудников органов внутренних дел)²²². Среди многих других аспектов автор уделяет внимание также и фактору повышения уровня самосознания и статусной идентификации представителей силовых структур.

В статье В.В. Бондалетова представлен достаточно редкий для исследований проблем армии материал по социальной протестности военнослужащих²²³. Как представляется этот аспект особенно важен, с учетом того потенциала политической ресурсности, который имеет российская армия в современных условиях не только в виде голосования на выборах, но и в рамках возможных девиантных моделей социального поведения.

В сборнике по проблемам информационного обеспечения Вооруженных сил Российской Федерации²²⁴, авторы уделяют внимание не только проблемам повышения информационной безопасности и компьютерной грамотности, но и проблемам воспитания гражданской ответственности и патриотизма российских военнослужащих.

²²⁰ *Трубников В.В.* Воспитание курсантов вузов на традициях Вооруженных Сил: автореф. дис...канд. пед. наук. СПб., 1998; *Гидиринский В.И.* Русская идея и армия. М., 1997.

²²¹ *Левинсон А.Г.* Армия как институт социализации // *Общественные науки и современность.* 2004. № 4. С. 63-70; *Шевцов В.В.* Отношение школьников и студентов к военной службе // *Социс.* 2006. № 6. С. 111-113.

²²² *Худова О.В.* Психологические особенности профессионального роста личности (на примере сотрудников органов внутренних дел). Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004;

²²³ *Бондалетов В.В.* Социально-протестная активность военнослужащих // *Социс.* 2006. № 11. С. 98-100.

²²⁴ Организация информационного обеспечения Вооруженных сил Российской Федерации. Под ред. В.И. Марченкова и И.У. Байчурина. М.: Воентехиниздат, 2007.

В целом, проведенный обзор литературы по военной проблематике показал, что среди исследований, в той или иной степени затрагивающих аспекты политической идентификации и самоидентификации военнослужащих доминируют исследования социологов и социальных психологов. Политологических работ, посвященных проблемам формирования общегражданской идентичности военнослужащих, исследованию партийно-идеологической и мировоззренческой мотивации их голосования, изучению соотношения политической и этнической (региональной) идентичности, очевидно недостаточно.

Лихачёва К.О.,
аспирант *Национального исследовательского*
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского

Коммуникативные возможности визуального жанра политической сатиры

Информационное пространство нашей страны и всего мира в целом активно развивается. Наблюдается увеличение доступности информационной источниковой базы, глобальная система Интернет предоставляет современному человеку широкие возможности для удовлетворения потребности в получении информации. Это явление расширяет возможности процесса межкультурной коммуникации как в социально-бытовой, так и в политической сфере.

Политика не существует вне человеческой деятельности, различных способов взаимодействия ее носителей, вне коммуникационных процессов, связывающих, направляющих общественно-политическую жизнь. Французский политолог Ж.-М. Коттрэ сравнил роль политической коммуникации со значением кровообращения для организма человека²²⁵. В широком смысле, «политическая коммуникация представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение»²²⁶. В узком - политическую коммуникацию можно определить как процесс передачи политических идей, мнений и субъективных суждений от одного человека к другому. Стоит отметить, что форма этих сообщений может приобретать разнообразный характер. В случае непосредственной коммуникации мы можем наблюдать устную беседу между политическими деятелями, письменные обращения граждан к политикам, телефонные разговоры или прямые линии политических лидеров на телевидении и т.д. Опосредованная политическая коммуникация

²²⁵ См: Грачев М. Н. Политическая коммуникация// Вестник РУДН. Серия политология. М. 1999, № 1 С. 24;

²²⁶ См. там же, С. 24;

представляет собой ситуацию, когда слушатель/читатель получая информацию, не может вступить в on-line беседу с автором обращения. В Средствах Массовой Информации последняя ситуация наиболее распространена. Большая часть политической информации представлена в форме статей, фотографий, видео – роликов и д.р. Это объясняется форматом печатных СМИ и телевидения, где технологически сложно организовать прямой контакт между политиком и электоратом. Некоторые газеты и телеканалы находят выход из данной ситуации с помощью проведения on-line трансляции с участием представителей политики в студии и прямой линии для простых граждан. Однобокость данной коммуникации заключается в том, что в такой беседе принимают участия только граждане с активной политической позицией и большим запасом свободного времени. Практика демонстрирует, что данная прослойка населения РФ немногочисленна и представлена в основном представителями пенсионного возраста. Получается, что зафиксировать взгляды молодежи и представителей среднего возраста с помощью традиционных средств массовой коммуникации становится все сложнее. С другой стороны, для представителей названных выше категорий в большей мере свойственна коммуникация в Интернет – пространстве, которое позволяет получать разноплановую информацию в короткие сроки. Виртуальное информационное пространство позволяет не только свободно приобретать знания, но и распространять собственную точку зрения по политическим проблемам. Это признают на высоком уровне политической системы, поэтому активно развивается электронное правительство, создаются специальные коммуникативные сайты президента и премьер-министра, а так же политические лидеры активно используют возможности социальных сетей.

Стоит обратить внимание на расширение коммуникативных процессов благодаря популяризации социальных сетей. В феврале 2012 года Всероссийский центр изучения общественного мнения провел инициативный всероссийский опрос, в котором приняло участие 1600 респондентов из 138 населенных пунктов в 46 областях, краях и республиках России. Согласно сайту ВЦИОМ, статистическая погрешность опроса не превышает 3,4%. Опрос продемонстрировал, что доля пользователей сети Интернет к началу 2012 года достигла 55% респондентов. За полгода это число выросло на 6%. Стоит отметить, что наиболее стремительно возросла доля ежедневных пользователей Сети - с 30 до 36% опрошенных. В социальных сетях на данный период было зарегистрировано 82% пользователей интернета. Самыми популярными социальными сетями Интернета были признаны «Одноклассники», которыми пользуются 73% пользователей интернета, и «Вконтакте» - 62%. Третье место заняла сеть «Мой мир», популярность которой существенно выросла (с 22 до 31%). Значительно увеличилась

аудитория зарубежных сетей «Facebook» (с 5 до 18%) и «Twitter» (с 2 до 9%). Доля пользователей остальных сетей не превышает 6%²²⁷.

Социальные сети предлагают технологии быстрого распространения информации, она из которых передача информации с помощью креолизованных текстов. Креолизованный текст – «текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)»²²⁸. Такая разновидность текстов быстро считывается реципиентом коммуникации и благодаря функции «рассказать друзьям» легко передается от пользователя к пользователю.

С нашей точки зрения, для политической науки перспективным является изучение визуального жанра политической сатиры, который получил в последние два года широкое развитие в сети Интернет. В Большой Советской Энциклопедии предлагается понимать под политической сатирой «беспощадное, уничтожающее переосмысление политического объекта изображения (и критики), разрешающееся смехом, откровенным или подспудным»²²⁹. В отличие от прямого обличения, сатира имеет двусюжетную структуру: комическое развитие событий на первом плане предопределяется некими драматическими или трагическими сюжетами в «подтексте». С нашей точки зрения, в данном определении политологам стоит заострить внимание именно на функцию критики политической действительности. Традиционной формой политической сатиры являются романы и записки, но стоит отметить, что уже с XVII века появляется новая форма сообщения – карикатурная графика. Ее отличительная особенность от других жанров, что в качестве средства коммуникации используется изображение как универсальный язык. Идеи и мнения интеллигенции, оформленные в графические изображения, были понятны всем слоям общества, вне зависимости от уровня образованности граждан. На современном этапе визуальный жанр политической получил широкое распространение в СМИ.

Если в газетах активно используется карикатурная живопись, а в Интернет – пространстве популярность приобрели политические демотиваторы, которые состоят из фотографии и «едкой» подписи. Доступность цифровой техники и грамотность современного человека в компьютерных технологиях позволяет интернет - пользователям создавать собственные сатирические изображения. Для этого используются необычные кадры из политической жизни. Эффективными являются демотиваторы, в которых используются фотографии политиков с незавершенным движением в кадре (см. изображение № 1). Встречается настолько удачные снимки

²²⁷ См.: Всероссийский центр изучения общественного мнения URL: // <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112476> (Дата обращения 05.06.2012)

²²⁸ *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990, С. 52;

²²⁹ Большая Советская Энциклопедия URL: <http://www.big-soviet.ru> (Дата обращения 02.04.2012);

политической элиты, что они даже не нуждаются в вербальном дополнении. Каждый пользователь имеет возможность создания собственного политического демотиватора, так как технологически он прост при сотворении. С одной стороны, политические демотиваторы – это индивидуальный творческий продукт, который отражает мнение о политической сфере конкретного человека. С другой, ее автор старается уловить общественное настроение для популяризации своего продукта. Функции социальных сетей позволяют быстро распространять политические демотиваторы и фиксировать отношение других пользователей к данному тексту. Анализирую социальную сеть «ВКонтакте», нами были сделаны следующие выводы:

- Объектами визуальной сатиры выступают политические лидеры. Самыми популярными героями политических демотиваторов и карикатур выступают В.В. Путин, Д.А. Медведев, Г.А. Зюганов, Г.А. Явлинский и др. Интернет – пользователи демонстрируют знания о политических акторах, их биографических данных и вовлеченности в политический процесс.

- Политические демотиваторы характеризуются злободневностью и публикуются как реакция на яркие политические события.

- Размещение демотиваторов и карикатур в социальных сетях является одной из форм общественно – политической деятельности, с целью выражения собственной политической позиции и поиска единомышленников.

С целью выявления коммуникативных возможностей политических карикатур и демотиваторов нами было проведено эмпирическое исследование в студенческой среде Института Развития Бизнеса и Стратегий. В качестве респондентов выступили студенты выпускных курсов в количестве 110 человек. Анкетирование показало, что 100% опрошенных студентов знакомы с визуальным жанром политической сатиры. При этом 65% респондентов ежедневно встречают в сети Интернет политические демотиваторы, а 87% студентов отмечают к ним свой интерес. Карикатуры не столь часто попадают на глаза современной молодежи. 32% опрошенных ответили, что наблюдают карикатурную живопись раз в неделю, ежедневно они попадают на глаза только 8% студентов. Неинтересна политическая карикатура только 11% респондентов, 6% относится к ней равнодушно, а 83% опрошенных проявляют к ней интерес.

Исследование показало, что студенты расшифровывают сообщения, отправленные с помощью визуального жанра политической сатиры, не только отечественных, но и зарубежных авторов. Это свидетельствует об универсальности языка политической карикатуры и демотиватора. Наиболее

Изображение №1

легко студентам удастся считывать иностранные сообщения, переданные с помощью символических рисунков и использованием образов известных политиков. Это предоставляет дополнительные возможности для межкультурной коммуникации. 89% опрошенных отметили, что если газетная статья на иностранном языке сопровождается карикатурой, то ее основное содержание становится понятно для российского читателя. 7% студентов ответили, что карикатура никак не влияет на понимание текста статьи.

Иностранные политические демотиваторы читаются студентами сложнее. Так только 25% опрошенных ответили, что полностью понимают закодированное сообщение. Стоит отметить, что данные студенты обладают уверенным уровнем английского языка. Общий смысл демотиваторов усваивает только 29% респондентов. С нашей точки зрения, содержание сообщения в политических демотиваторах сильнее зависит от вербального компонента, нежели в карикатуре. Это связано в первую очередь с тем, что фотография используется как канва для сатирического изображения, текстовая вставка конкретизирует политическую проблему, которая критикуется автором.

С нашей точки зрения, в эпоху визуализации информационного пространства политические карикатуры и демотиваторы являются одним из популярных средств политической коммуникации. Универсальность языка визуального жанра политической сатиры расширяет аудиторию читателей. Рисунок или фотография понятна людям, независимо от их уровня образования, социального статуса и владения иностранным языком. Исследование показало, что представители молодежи проявляют активный интерес к политической сатире, который побуждает их узнавать новое о политике. Таким образом, получается, что политические демотиваторы и карикатуры являются одним из механизмов политического воспитания граждан, они стимулируют студентов к дополнительному изучению социально – политических процессов. Помимо этого, визуальный жанр политической сатиры развивает творческие начала у студентов. Стоит отметить, что изучение визуального жанра политической сатиры расширит научное познание в области политической культуры, позволит выявить и зафиксировать когнитивные, эмоциональные, нравственно - оценочные и поведенческие составляющие политической культуры.

Луценко О.А.

*магистрант Национального исследовательского
Саратовского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского*

Антикоррупционная политика Российской Федерации

Антикоррупционная политика любого государства заключается в разработке и осуществлении разносторонних и последовательных мер государства и общества по устранению (минимизации) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в разных сферах жизни. Все элементы антикоррупционной политики можно разделить по нескольким

критериям: во-первых, длительность антикоррупционных мероприятий (по данному критерию антикоррупционная политика разбивается на разовые и постоянные меры), во-вторых, стадии антикоррупционной политики (здесь речь идет о последовательности основных шагов и содержании методов данной политики. И последнее – это стратегия антикоррупционной политики. Цель государственной антикоррупционной политики - снижение уровня коррупции посредством реализации прав и свобод человека и гражданина, общества и государства на основе реализации следующих задач: предупреждение коррупционных правонарушений; обеспечение ответственности за коррупционные правонарушения во всех случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами; мониторинг коррупционных факторов и эффективности реализуемых мер антикоррупционной политики; формирование антикоррупционного общественного мнения; обеспечение прав граждан на доступ к информации о фактах коррупции; создание механизма против подкупа граждан при проведении референдума и выборов в органы государственной власти и местного самоуправления; создание условий для замещения должностей государственной и муниципальной служб лицами с высокими моральными устоями.

Для России меры по противодействию и борьбе с коррупцией являются приоритетными на современном этапе. Международные рейтинги показывают, что уровень коррупции в России недопустимо высок. Коррупция в государственных структурах препятствует развитию государственного управления, влечет за собой огромные дополнительные затраты со стороны бизнеса и населения, что в целом тормозит экономическое развитие страны.

Осознание этой проблемы имеет место на самом высоком уровне руководства страны. Президент Российской Федерации в своем ежегодном послании к Федеральному собранию отметил, что коррупция является одним из главных барьеров на пути нашего развития. Очевидно, что борьба с ней должна вестись по всем направлениям: от совершенствования законодательства, работы правоохранительной и судебной систем – до воспитания в гражданах нетерпимости к любым, в том числе бытовым, проявлениям этого социального зла»²³⁰. Обозначив столь жесткую позицию, Россия определила, что основной методологической системой борьбы с коррупцией в органах государственной власти в XXI в. станет единая, сильная и последовательная антикоррупционная политика.

Еще в 2003 г. указом Президента Российской Федерации от 24 ноября 2003 г. № 1384 был создан Совет при Президенте Российской Федерации по борьбе с коррупцией, в рамках которого работали две комиссии: Комиссия по противодействию коррупции и Комиссия по разрешению конфликта интересов. С 2008 г. в стране действует Совет при Президенте Российской

²³⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. URL: www.kremlin.ru (дата обращения 05.11.2012).

Федерации по противодействию коррупции.

В последние годы Россия предпринимает активные действия по совершенствованию своей законодательной базы, приведению ее в соответствии с мировыми нормами. Кроме того, Россия является активным членом Антикоррупционной Сети для стран с переходной экономикой и ежегодно представляет национальный отчет по самоанализу в области противодействия коррупции. Согласно этим данным, постоянно ведется анализ и классификация функций, осуществляемых федеральными органами исполнительной власти. По результатам анализа из 5634 функции признано избыточными – 1468, дублирующими – 263, требующими изменения - 868. Выявление и устранение избыточных и дублирующих функций направлено на повышение эффективности государственного управления и ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования. Это напрямую ведет к снижению возможности для возникновения коррупции²³¹.

Повышение прозрачности органов государственной власти является одним из наиболее действенных средств преодоления коррупции, поскольку существенно затрудняет сокрытие коррупционных действий.

Необходимо рассмотреть краткую историю антикоррупционного законодательства Российской Федерации.

Российский государственный аппарат первых лет постсоветского периода, так же как и экономика страны, да и все общество в целом, оказался в состоянии глубокого кризиса. Только с 1991 по 1994 гг. органы исполнительной власти на федеральном уровне обновились на 56%, а в регионах примерно на треть. Коррупция, некомпетентность, элементарная безграмотность, отсутствие управленческой культуры широко распространились среди государственных служащих. В ответ на это Президентом России был принят Указ «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» от 4 апреля 1992 г. Указ предусматривал ряд серьезных мер антикоррупционного характера. Так, в п. 2 данного указа было закреплено, что «служащим госаппарата запрещено заниматься предпринимательской деятельностью, оказывать любое не предусмотренное законом содействие физическим и юридическим лицам с использованием своего служебного положения в осуществлении предпринимательской деятельности и получать за это вознаграждения, услуги и льготы; выполнять иную оплачиваемую работу на условиях совместительства (кроме научной, преподавательской и творческой деятельности), а также заниматься предпринимательской деятельностью через посредников, а равно быть поверенным у третьих лиц по делам государственного органа, в котором он состоит на службе, самостоятельно или через представителя принимать участие в управлении акционерными обществами, товариществами с

²³¹ Богданов И.Я. Калинин А.П. Коррупция в России. Социально-экономические и правовые аспекты. М.: Логос, 2001. С. 56.

ограниченной ответственностью или иными хозяйствующими субъектами»²³².

Нарушение указанных требований влечет освобождение от занимаемой должности, иную ответственность в соответствии с действующим законодательством. Кроме того, госслужащим вменялось в обязанность при назначении на руководящую должность представлять декларацию о доходах, движимом и недвижимом имуществе, вкладах в банках и ценных бумагах, а также обязательствах финансового характера.

В 1993 г. Верховным Советом РФ был принят Закон РФ «О борьбе с коррупцией», но он так и не был подписан президентом. В 1995 г. и 1997 г. были приняты Государственной Думой и одобрены Советом Федерации Федерального Собрания РФ соответственно второй и третий проекты Федерального закона РФ «О борьбе с коррупцией» и также отклонены Президентом РФ.

В 2001 г. на парламентских слушаниях «Современное состояние и пути совершенствования законодательства Российской Федерации в области борьбы с коррупцией» обсуждались законопроекты «Основы антикоррупционной политики», «О противодействии коррупции», «О парламентском расследовании» и «О кодексе поведения государственных служащих».

В Государственной Думе третьего созыва антикоррупционный законопроект «О противодействии коррупции» дошел лишь до первого чтения. По мнению юристов, этот документ призван не столько направлять борьбу с коррупцией, сколько имитировать ее.

Некоторое изменение ситуации в области противодействия коррупции было связано с подписанием Россией международных документов. 9 мая 2006 г. постоянный представитель РФ при ООН Виталий Чуркин в Нью-Йорке официально передал в Секретариат ООН грамоту о ратификации Россией Конвенции ООН против коррупции от 14 декабря 2005 г. Федеральный закон «О ратификации Конвенции ООН против коррупции» был подписан Президентом РФ В.В. Путиным 8 марта 2006 г.

19 мая 2008 г. вышли Указ Президента Российской Федерации № 815 «О мерах по противодействию коррупции» и Федеральный Закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (принят ГД ФС РФ 19.12.2008).

В 2010 году вышел Указ Президента РФ от № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы», а в марте 2012 г. подписан Указ «О национальном плане противодействия коррупции на 2012-2013 гг.»²³³

²³² О борьбе с коррупцией в системе государственной службы: Указ Президента Российской Федерации № 361 от 4 апреля 1992 г. // Российская газета. 1992. 9 апреля. № 557. С. 5-6.

²³³ Указ «О национальном плане противодействия коррупции на 2012-2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции». URL: www.kremlin.ru (дата обращения 05.11.2012).

Еще в 2006 г. первый заместитель Генпрокурора РФ Александр Буксман заявлял, что по некоторым экспертным оценкам объём рынка коррупции в России оценивается 240 с лишним млрд. долларов США. Согласно оценкам фонда ИНДЕМ, эта величина ещё выше: только в деловой сфере России объём коррупции вырос между 2001 и 2005 гг. примерно с 33 до 316 млрд. долл. США в год (не включая коррупцию на уровне политиков федерального уровня и бизнес-элиты). По оценке того же фонда, средний уровень взятки, которую российские бизнесмены дают чиновникам, вырос в тот период с 10 до 136 тыс. долл.

Наличие в законодательной базе государства возможностей для нелегального обогащения чиновников (в России, в частности, появилось такое понятие, как «взяткоёмкость отдельного закона») путём вымогания взяток или незаконной приватизации, или специальных льгот для чиновников, приводит к большой дифференциации доходов чиновников на легальные и нелегальные доходы²³⁴. Коррумпированные чиновники и политики в развивающихся странах, в числе которых и Россия, ежегодно получают \$20-40млрд. взяток, подсчитали в Трансперенси Интернешнл. Коррумпированность в России по состоянию на сентябрь 2009 года, по оценке организации, на уровне Бангладеш, Кении и Сирии: 147-е место из 180.

Исходя из этого, в России проблема коррупции является одной из самых актуальных. Помимо того, что происходит ослабление национальной экономики, должностные лица неэффективно осуществляют свои полномочия. Пораженное коррупцией государство не может успешно осуществлять свою политику. В целом, исходя из комплекса уже существующих норм права, закрепленных в нормативно-правовых источниках и действующих программах Правительства РФ, можно выделить в российской антикоррупционной политике следующие отношения: по формированию её основ, определению понятий, целей и принципов; по реализации этой политики в деятельности по охране прав и свобод человека и гражданина; по установлению приоритетных сфер и системы мер предупреждения коррупции; по определению компетенции органов публичной власти всех уровней в формировании и реализации антикоррупционной политики; по определению и проведению антикоррупционной политики в законотворческой деятельности; по формированию общественного правосознания; по формированию основ международного сотрудничества в реализации мер антикоррупционной политики. Но реалии российской действительности в сфере направления антикоррупционной политики находятся не совсем в той должной форме, в которой им следовало бы находиться. Можно только надеяться, что принятый Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и «Национальный план противодействия

²³⁴ Скобликов П.А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. М.: Норма, 2008. С. 178.

коррупции на 2012-2013 гг.» станут единой правовой основой системы антикоррупционной политики, систематизации антикоррупционного законодательства и его гармонизации с нормами международного права. В заключение следует сказать, что реализация данных мероприятий составляет необходимый этап развития антикоррупционного правопорядка России и состоит в разрешении противоречий, возникших между концептуальным и правовым уровнями российской антикоррупционной политики. Очевидно, что на сегодняшний день принятие федерального закона о государственной доктрине антикоррупционной политики Российской Федерации является самой актуальной задачей в сфере противодействия коррупции.

Мишин К.Ю.,
аспирант *Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского*

Основные этапы развития системы оценивания.

В настоящее время, в основе проводимых реформ государственного управления в России лежит концепция Нового государственного управления. Именно из неё в отечественную политическую дискуссию проникли такие понятия, как «агенсификация», «бюджетирование, ориентированное на результат», «аутсорсинг государственных функций», «частно-государственные партнерства» и т.д. Анализ концепции НГУ показывает, на наш взгляд, один из её существенных недостатков: такой неотъемлемый институт, как оценивание политик и программ включен в обсуждаемый и реализуемый сегодня набор инструментов реформ в РФ не был. Без данного института, такой набор нельзя назвать достаточным.

На Западе внедрение этого института происходило вслед за реализацией реформ государственного управления. Полный цикл оценивания, включающий в себя предварительное оценивание, сопровождающее и итоговое, методически верно и сознательно применяемый на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном), — дело будущего.

Внедрение системы оценивания эффективности деятельности органов государственной власти является весьма сложным и не сиюминутным процессом, не в последнюю очередь в силу затрагивания политически чувствительных точек участников системы.

Оценивание представляет собой комплекс мероприятий, направленный на изучение результатов и эффектов политических и административных

решений и действий и обратное включение этой информации в процесс принятия решений²³⁵.

Подавляющее число исследователей выделяет три волны оценивания. Первая волна - 1960-е гг. Основной идеей данного этапа являлась - оценка новых политик и сопутствующая информация, необходимая для планирования государственных программ. Вторая волна - конец 1970-х - 1980-е гг. Основная идея данного этапа заключалась в контроле за расходами. Третья волна оценивания - с 1990-х гг. по настоящее время. Основная идея данного этапа стала необходимость решения новых задач, возникших перед оцениванием как результат реформ.

Этапы оценивания политик.

Таблица 1.

Первая волна	1960-е гг.	Оценка новых политик, планирование
Вторая волна	Конец 1970-х - 1980-е гг.	Контроль за расходами
Третья волна	С 1990-х гг. по настоящее время	Решение новых задач, возникших как результат реформ

Первая волна стала временем возникновения оценивания как такового. На тот момент существовало три основных мотива для его возникновения²³⁶. Первый мотив — в 1960-е гг. возникновение принципиально новых областей, в которые вторгалось государство, социально-экономические и инфраструктурные проблемы (планирование и проектирование городов, создание государственной инфраструктуры и т.д.). Целью оценочных исследований было закрытие информационных лакун (отсутствие в лексической системе языка слова для обозначения того или иного понятия) относительно результатов новых государственных программ. Основная идея стало следующее: оценивание проводилось обычно внешними силами исследовательских организаций. И всегда по заказу государства. Самым известным примером, с которого все начиналось в США, — это «Social Action Program», президент Л. Джонсон (1964) — программа по борьбе с бедностью. В данной программе, по источникам исследователей, Конгресс предписал провести оценивание социальных результатов программ. Впоследствии именно из этого постановления выросла индустрия оценивания вокруг Главного контрольного управления США (GAO).

Особенностями первой волны оценивания 1960-х гг. — можно назвать то, что оценивание проводилось внешними научно-исследовательскими

²³⁵ Демократия и управление. Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии СП-РАПН. Санкт-Петербург, 2007. № 2 (4), с. 31

²³⁶ *Беляев А.Н., Кузнецова Е.С., Смирнова М.В., Цыганков Д.Б.* «Измерение эффективности и оценивание в государственном управлении: международный опыт». Препринт WP8/2005/01 Серия WP8. Государственное и муниципальное управление. Москва, ГУ ВШЭ, 2005. С. 5

институтами, серьезными учреждениями и по заказу государственных органов, изучались, в первую очередь, социальные эффекты реализуемых в том время госпрограмм. Не затрагивалась, во-первых, политическая необходимость программ и, во-вторых, вопросы экономичности и эффективности издержек программ.

Вторая волна оценивания программ и политик — конец 1970-х — 1980-е гг. Главной политико-экономической особенностью сложившейся на тот момент ситуации становится нефтяной кризис и необходимость сбережения необходимых ресурсов. Перед системой государственного аппарата были поставлены следующие основные проблемы: необходимость строгого выдерживания параметров бюджета, необходимость ответа на неолиберальную критику социальных реформ. Исходя из данных проблем, трансформировалась цель применения оценивания: оценивание переключилось с исследования результатов (output) на контроль издержек (input) и применялось для контроля издержек социальных программ, и в меньшей степени изучения социальных (конечных) результатов программ.

Третья волна оценивания представляет наибольший интерес для нас. Она возникла приблизительно в начале 1990-х гг. и продолжается по настоящее время. Классическая ориентация оценивания на оценивание политик и программ остается. Также остается задача оценивание эффективности-по-издержкам. Однако, с наступлением эры административных реформ, внедрения управления по результатам (бюджетирования, ориентированного на результат) концепция и стратегическая необходимость оценивания меняются: Происходит опять смещение фокуса с издержек к результату деятельности. Помимо возникающих текущих задач, явные и неявные цели органов власти заключаются в поддержании сложившейся инфраструктуры и соблюдении требований как общих, так и отраслевых финансовых и нефинансовых стандартов и нормативов. При управлении по результатам на смену стандартам и нормативам приходит гибкая система измерения результатов деятельности органов власти, которая служит основой для разработки и принятия целей. Фиксированные требования к органу государственной власти превращаются в систему гибких бюджетных заданий.

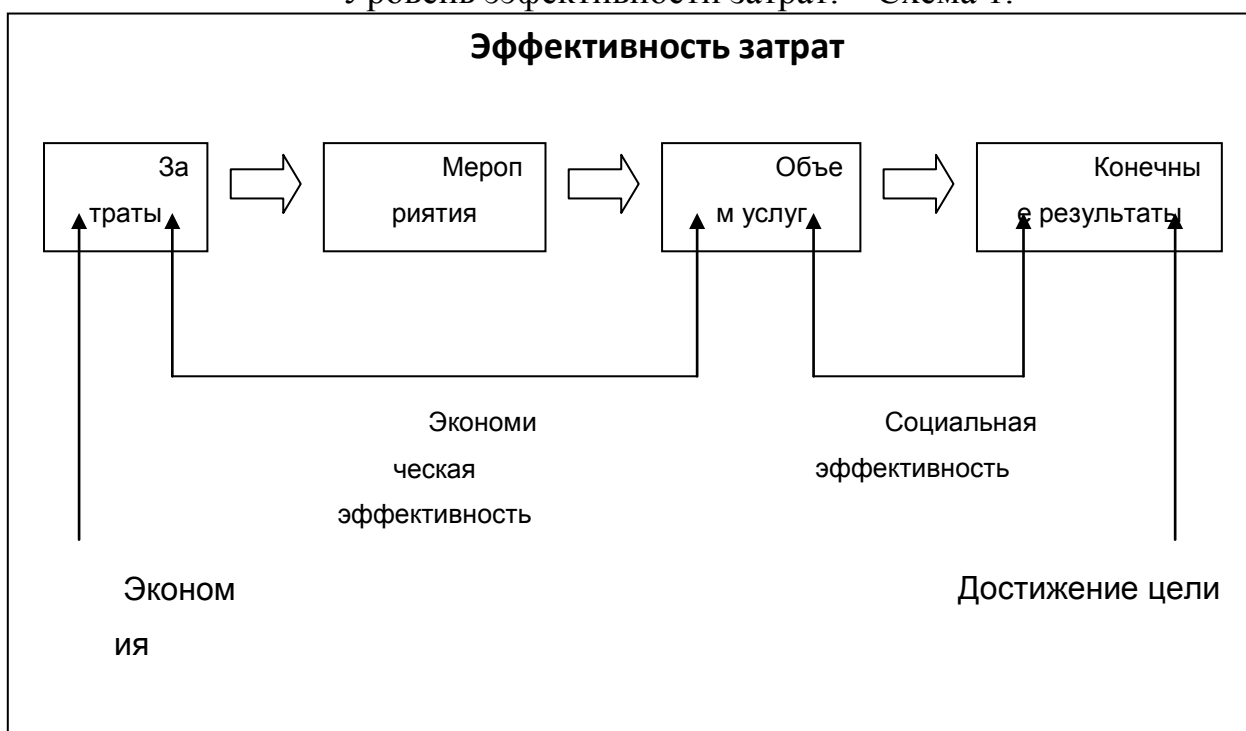
Уровни измерения результата. Таблица 2.

Outcome	<u>Результат</u> в форме эффекта от проведения той или иной политики, осуществления программы расходов, оказания бюджетных услуг. В США этот термин воспринимается как предполагаемые и планируемые последствия действий правительства. В других же странах он, как правило, используется для обозначения фактического результата, преднамеренного или нет.
Output	<u>Результат</u> в форме товаров и услуг, оказываемых государственными (муниципальными) организациями.
Performance	<u>Параметры деятельности</u> органов власти и государственных организаций, характеризующие ее

	эффективность и/или результативность.
Input	<u>Ресурсы</u> (финансовые, людские, материальные), используемые для производства товаров и услуг государственными (муниципальными) организациями.

Рассмотрим уровни измерения результата (Таблица 2). Верхний уровень — это некий итог социального эффекта от проводимой политики, осуществления текущей программы расходов, оказания бюджетных услуг. Performance — показатель эффективности, применяемый для текущего контроля, отслеживания эффективности работы органа государственной власти. Кроме того, существует еще и input — ресурсы для оценивания результатов. Под ресурсами подразумеваются как финансовые ресурсы, так и иные: рабочая сила, помещения, структуры и т.д.

Уровень эффективности затрат. Схема 1.

Анализ схемы показывает, что:

1. Ключевым понятием является теперь результат.
2. Результат становится непосредственным выражением ведомства и политического процесса в ведомстве.
3. Результат можно «увидеть» только через оценивание.

В связи с новыми задачами в применении оценивания, возникли специфические особенности и требования к процессу оценивания, которых не было на предыдущих этапах:

- Обеспечение постоянности оценивания.
- Институционализация оценивания в политической системе.
- Прямое встраивание оценивания в цикл решения.
- Стратегическое место оценивания.
- Массовость внедрения оценивания.

- Массовая ориентация на конечные результаты.

Исходя из этого, старые принципы были облечены в новые формы.

Можно подвести следующие итоги:

Новые виды оценивания эффективности:

Остались:

1. Оценка конечного результата: отображает прогресс достижения целей. Основное внимание при построении оценки уделяется показателям достигнутых социальных результатов. Были ли эти результаты получены в ходе реализации данной программы, или они были достигнуты под влиянием внешних факторов – в расчет не берется.

2. Анализ совокупности издержек и выгоды. Характеризует цену достижения какой-либо цели или решения одной задачи. Применяется для выбора наиболее экономически выгодных способов достижения целей.

Возникли новые:

1. Оценка управленческих процессов. Демонстрирует то как и насколько реализуется программа. Соответствует ли это тому, как было задумано. Как соотносится с законодательством, дизайном программы, проф.стандартам и ожиданиям со стороны потребителя.

2. Оценка того, какой вклад внесла программа в достижение конечного социального результата. Применяется в том случае, когда известно о существовании повлиявших на конечный результат факторов. Это является оценкой так называемого "чистого эффекта" программы, ориентированной на конечный результат, то есть то, как воздействует программа отдельно от других факторов. Мониторинг по неагрегированной системе показателей. Используется для текущей оценки эффективности программ либо деятельности органа государственной власти по различным направлениям.

Новые институциональные формы оценивания.

Старые:

Контракт на проведение оценивания государственных программ внешним аудитором.

Новые:

1. Закрепление в нормативных актах (законах, постановлениях) требований для проведения оценивания системой органов государственной власти, включая этапы, ответственных и даже оцениваемые данные. США: принятие закона "Government Performance and Results Act" 1992: обязывает исполнительную власть создать систему мониторинга и аудита деятельности. Англия: режим оценивания для коммун и т.д.

2. Выделение в системе органов госвласти исполнительных агентств, ставших объектом оценивания и мониторинга и министерств, осуществляющих политическое руководство и оценивание.

3. Придание ряду органов исполнительной власти (Минфин, Казначейство) функций по текущему оцениванию деятельности органов государственной власти

4. Заключение между министерствами и агентствами контрактов с целевыми показателями (Новая Зеландия); заключение контрактов с целевыми показателями между Казначейством и департаментами (Англия).

5. Заключение между министерствами и руководителями контрактов с целевыми показателями (Новая Зеландия).

6. Эксплицитное включение оценивания включено в политический цикл.

Новичков П.С.,

*аспирант Национального исследовательского
Саратовского государственного
университета имени Н.Г.Чернышевского*

Цитирование в политико-идеологических текстах (заметки на полях)

Современная политика постепенно перемещается в медийное пространство. Ученые уже давно указывают на превращение политики в шоу со всеми его атрибутами: яркостью, красочностью, визуальностью и упрощенностью. Один из современных вариантов трансформации политики – это текст, печатное слово. Политическое событие существует в публичной сфере только при условии его актуализации и поддержки в средствах массовой информации, которые описывают событийную часть, дают анализ и расширенное толкование. Чем «раскрученной» событие, тем большее влияние оно оказывает на мнения людей и тем большими «подробностями», «мнениями» и «детальями» обрастает.

Политика обретает новую, зачастую самостоятельную, жизнь в тексте, событие становится словом, однако, возможен другой переход: слово, текст – становятся событием. Например, ежегодные Послания Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, которые вызывают массу публикаций, обсуждений. Это яркий пример текста-события, провоцирующий реальные действия от написания статей до собраний различных дискуссионных площадок разного уровня и масштаба. Также зачастую использую термин «сверхтекст» – совокупность текстов, посвященных одному событию, объединенных ситуативно и содержательно. К.В. Киуру утверждает, что «любое политическое событие обречено стать предметом сверхтекста потому, что о нем хотя бы один раз сообщается в нескольких источниках средств массовой информации, а если это событие становится особо значимым, привлекает к себе повышенное внимание, то, естественно, повествование о нем получает многократную вариативную разножанровую реализацию»²³⁷. Занимательна судьба текстов в сети Интернет: появляются тесты, являющиеся продуктом коллективного

²³⁷ *Киуру К.В.* Имиджевый политический медиатекст: институционализация понятия и жанровая типология. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/110/010.pdf> (дата обращения: 28.09.2012).

творчества, принципиально без авторства и развивающиеся с течением времени.

Переход политики на текстовый уровень поднимает вопрос понимания как отсутствие принципиальной разницы между авторской мыслью и мыслью читающего. Это актуальная проблема всей человеческой цивилизации и культуры, особенно на современном этапе развития, когда взаимодействуют и сталкиваются самые различные эпистемологические и ценностные парадигмы. Понимание происходит по аналогии со своим сознанием. Различные условия социализации приводят к тому, что даже носители одного языка обладают групповыми и индивидуальными особенностями понимания символов, различными наборами общественно-политических мифов и стереотипов с различной динамикой их развития. В условиях увеличения доли популизма²³⁸ в политической риторике особое значение приобретает обращение и использование глубинных слоев человеческой психологии: менталитета и мифов. Кроме этого инструмента существует более прагматический метод: цитирование политических и общественных авторитетов государства. В ряде государств существуют канонические тексты, которыми наряду со ссылками на авторитетов, закрывают пробелы в доказательной базе речи или выступления.

Одним из наиболее исследуемых текстов-событий являются ежегодные Послания Президента Федеральному Собранию РФ (далее Послание), которые в значительной степени представляют собой квинтэссенцию всех политических текстов: носит формализованный характер с эмоциональными элементами, является целостным и логически завершенным, предназначен как для внутреннего, так и внешнего адресата. В настоящей статье мы коснемся некоторых аспектов цитирования и его значения в идеологической составляющей. С первого Послания 1994 г. всего в 4 текстах присутствовало цитирование.

Единственная ссылка Б.Н. Ельцина сделана в 1996 г. В Послании Борис Николаевич, размышляя о фундаментальных ценностях и идеалах, которые должны объединить Россию и стать социальной скрепой, называет государственность первой и перечисляет её характеристики – «она должна быть твердой, прочной, способной реально обеспечить конституционные права и свободы граждан, надежно защищать людей от посягательств преступной среды, а страну – от внешних угроз». Гражданственность – это активное пользование своими правами и свободами в совокупности с личным достоинством. При этом свобода – естественное условие для становления гражданственности, но свобода не абсолютная. Именно в этом месте потребовалась поддержка государственного деятеля прошлого –

²³⁸ В настоящее время в странах западного либерализма подобный процесс становится обычным и превращается в идеологический мейнстрим. Это стало результатом как растущей коммерциализации СМИ, так и усиливающейся «когнитивной мобилизацией» образованных слоев населения. Проникновение в большую политику партий-аутсайдеров, подвергающих популистской атаке политическую элиту, заставляет ведущие партии разворачивать собственные неполноценные дискурсы.

П.А. Столыпина, который написал, что настоящая свобода «слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма». Таким образом решается две текстовых задачи – уточнение понятия «свобода» и переход к следующей ценности – патриотизму. В Послании 1996 г. идеологические элементы применяются для подтверждения большинства задач и целей, обозначенных перед страной, однако цитирование употреблено в завершающей части текста в составе довольно большого идеологического блока. Подкрепление экономических задач идеологией в той исторической ситуации рационально, но для подкрепления абстрактных ценностей (государственность, свобода), в которых значительна доля субъективного, потребовалась отсылка к политическому деятелю прошлого – П.А. Столыпину.

Следующим стало Послание 2005 г. – уже путинская эпоха. В тексте имеется 2 ссылки: на Витте и Л. Петражицкого. Первый – российский государственный деятель, второй – известный российский теоретик государства и права профессор. Чисто идеологический характер носит только первая цитата – «Государство не столь созидает, сколь восполняет, истинными же созидателями являются все граждане... Не налагать руку на самостоятельность, а развивать ее и всячески помогать ей». Цитата направлена на некоторое уменьшение роли государства, но в дальнейшем пошла речь все лишь о принятии закона об открытости органов госвласти. Л. Петражицкого цитирует косвенно, т.е. без закавычивания, – «Л. Петражицкий отмечал, что обязанность помогать нуждающимся, аккуратно платить рабочим условленную плату – это в первую очередь этические нормы». Мы видим подкрепление экономических элементов, внимание обращено к российскому бизнесу.

В 2006 г. были процитированы Франклин Делано Рузвельт, Иван Ильин, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Солженицин. «Работая над великой общенациональной программой, которая призвана дать первостепенные блага широким массам, мы действительно наступали кое-кому на «больные мозоли» и будем наступать на них впредь. Но это «мозоли» тех, кто старается достичь высокого положения или богатства, а может быть, того и другого вместе, коротким путем - за счет общего блага» - такая цитата использована В.В. Путинным. Переходя к теме армии, президент обращается к русскому философскому наследию – И. Ильину – «Известный русский мыслитель Иван Ильин, размышляя о базовых принципах, на которых должно прочно стоять Российское государство, отмечал, что солдат есть звание высокое и почетное. И что он представляет всероссийское народное единство, русскую государственную волю, силу и честь». Еще одной неидеологической проблемой стало «сбережение народа» (А. Солженицин). В тексте присутствует и чисто идеологическая цитата: «Академик Лихачев когда-то писал, что любовь к родному краю, к своей стране начинается с любви к своей семье. И мы должны восстановить наши старинные ценности бережного отношения к семье, к родному очагу».

В 2006 г. цитаты не только подкрепляют ценностные и идеологические выкладки власти, но и актуализируют важность других процессов – вопросы коррупции, армии, заботы о населении. Любое обращение к авторитетным источникам – это своеобразная политическая уловка, призванная доказать важность поднятой проблемы. Однако, мы видим цитирование и в отношении тех проблем, которые очевидно являются самыми важными и без подкрепления. На наш взгляд, это попытка придать идеологическое звучание проблемам неидеологическим проблемам²³⁹. В последнем случае – цитата Д. Лихачева – обращение к авторитету оправдано. В преддверие кризиса в 2007 г. был процитирован Дмитрий Сергеевич Лихачев – «Государственный суверенитет определяется в том числе и культурными критериями». Обращение к культурной и духовной самобытности и самостоятельности носит идеологический характер.

Резюмируем наши заметки. Цитирование в Посланиях президента носит во многом идеологический характер, хотя стратегия использования цитат не совсем логична и понятна. Попытки подтвердить собственные выкладки авторитетными источниками в отношении очевидных задач кажутся надуманными и ненужными. Более того, придание подобным задачам идеологического статуса в определенной степени дискредитирует само ценностное обоснование действий (и без того сильно пострадавшее во время перестройки). Интересные проблемы ставит набор авторов, выбранных для цитирования. Ф. Рузвельт, президент США, соседствует с государственными деятелями Российской Империи, философ-эмигрант (И. Ильин²⁴⁰) с Д.С. Лихачевым – советским деятелем. Подобный «разброд и шатание» в выборе духовных ориентиров является симптомом отсутствия четкой и сбалансированной позиции относительно необходимого комплекса идеалов и смыслов.

Петров Д.Е.

*кандидат политических наук
ассистент кафедры социально-экономических
и гуманитарных наук филиала «Восход»
Московского авиационного института*

Политическая роль силовых структур: мировой и отечественный опыт теоретического осмысления

Политическая роль силовых структур всегда относилась к числу основных проблем, анализируемых в трудах политических мыслителей, а ракурс её рассмотрения эволюционировал с развитием политической сферы жизни общества, обособлением соответствующих политических институтов

²³⁹ Нам кажется абсолютно очевидным, что армия должна быть сильной и способной защитить страну, а уровень коррупции необходимо минимизировать, для этого не нужно какое-либо подтверждение.

²⁴⁰ К слову, в рамках президентской программы «За примирение и согласие» произошло торжественное перезахоронение его праха в Москве. В нынешнем же году власть инициировала возвращение его архива из Мичиганского университета США. Сделка обошлась в 60 тыс. долларов.

и с учетом конкретно-исторических условий, в которых жил и творил тот или иной деятель политической науки.

Учитывая, что политическая роль силовых структур предполагает их участие как во внутренней, так и во внешней политике и в целом представляет собой многогранный и сложный феномен политической реальности применительно к задачам диссертационного исследования, в данном параграфе акцент будет сделан на истории теоретического осмысления именно внутривнутриполитического влияния армии, полиции, спецслужб. К тому же, содержание внешнеполитической роли силовых структур конкретного государства на международной арене даже в пределах традиционных функций обороны во многом определяется именно степенью влияния «силовики» на внутривнутриполитические процессы, местом и ролью силовых структур в политической системе этого государства.

В силу объективных причин, прежде всего, комплексности самого понятия «силовые структуры» отечественные и зарубежные политические мыслители крайне редко, за исключением, пожалуй, Платона, оперировавшего термином «стражники», выдвигали теоретические положения в отношении всех структур легитимного насилия – традиционно объектом анализа была политическая роль армии (войска, воинства, вооруженных сил)²⁴¹.

Однако, принимая во внимание то, что силовые структуры объединяет родство по целому ряду политически значимых признаков, можно утверждать, что многие накопленные политической мыслью суждения о внутривнутриполитической роли армии в той или иной степени справедливы для сектора безопасности в целом. Это и обуславливает необходимость обращения к подобного рода опыту теоретического осмысления прошлого силовых структур в целях повышения эффективности политологического анализа их настоящего. Важно отметить, что изучение вопроса внутривнутриполитической роли вооруженных сил в политической науке во все времена шло бок о бок с развитием военной мысли.

По понятным причинам в рамках настоящей работы не ставится задача освещения всего теоретического наследия отечественной и зарубежной политической мысли, связанного с рассмотрением роли силовых структур в политике. Считаю важным отметить ключевые вехи теоретического осмысления этой проблемы, подчеркнуть неизбежность решения правящим режимом проблемы участия силовых структур во внутривнутриполитической жизни государства.

Как справедливо отмечает А.А. Туровская, размышления о степени необходимости присутствия армии в политике в зависимости от качественных характеристик политического процесса в каждом конкретном

²⁴¹ См.: Емельянов И. Эволюция и специфика вооруженных сил как легитимного средства насилия государства // Власть. 2010. № 12. С. 79-82.

государстве восходят к трудам мыслителей и философов Древней Индии и Китая²⁴².

Одним из направлений древнекитайской философии является легизм, который отстаивает принципы этатизма и оправдывает любую жестокость правителя, если она способствует укреплению государства (данная теория управления государством была доминирующей в Китае во времена эпохи Цинь). Классики легизма Шан Ян и Хань Фэй особое внимание уделяли поддержанию экономики страны на высоком уровне, контролю над бюрократией, введению жесткой дисциплины, увеличению расходов на армию как на гаранта правящего режима. Они полагали, что в понятие «идеальное государство» включается и вооруженная наилучшим образом армия²⁴³.

В древнеиндийском памятнике социально-политической мысли «Артхашастра» роль войска в государственной структуре прописана достаточно четко. Государство может так называться и являться им, если оно обладает семью элементами: царем; министрами/советниками; казной; периферией, городом/крепостью; армией и союзниками. Армия в данной системе занимает далеко не первостепенную роль, хотя тот факт, что она в нее включена, свидетельствует о том, что её наличие – критерий эффективности государства. То есть еще в Древней Индии сформировалось восприятие армии как одного из основных звеньев в цепи элементов государственного устройства. В одном из древнейших текстов «Айтарея-брахмане» говорится, что царская власть основана на естественной потребности людей и военной необходимости, а первой обязанностью царя являлось предводительство во время военных походов. Индийские цари с момента арийской колонизации происходили, как правило, из касты кшатриев (воинов). Как можно проследить на наглядных примерах Древней Индии и Китая, армия выступала в создававшихся государственных системах лишь как объект политики, то есть только как средство реализации политических решений²⁴⁴.

Проблема политической роли силовых структур нашла своё отражение и в работах древнегреческих мыслителей. В частности, Платон, конструируя модель идеального государственно организованного общества, выделял особое сословие «стражей», в сущности представлявших собой социально-профессиональную группу, призванную обеспечить вооружённую защиту полиса и характеризовавшуюся специфичными бытовыми практиками (сосредоточенность на военном деле, запрет на заведение семьи и др.) В таком ракурсе «стражи» у Платона, с поправкой на историческое время, представляли собой полноценных «силовиков». Более того, в трудах этого мыслителя Древней Греции можно встретить описание такой формы

²⁴² Туровская А.А. К вопросу об основных концепциях роли армии в государстве // Вестник МГИМО. 2012. № 3. С. 203.

²⁴³ Там же. С. 204.

²⁴⁴ Там же.

государственного строя (формы правления), как тимократия, отличительной чертой которой была ведущая роль военных в политических процессах и политико-управленческое доминирование сословия «стражей». Иными словами – милитократия как власть военных. Названную форму правления Платон оценивал крайне негативно, так как отказывал «стражам» в политической субъектности, призывая в рамках разработанной им модели идеального государства наделять «стражей» исключительно политико-инструментальной функциональностью и подчинять их правящей элите из числа философов-мудрецов²⁴⁵.

Достаточно сбалансированный вариант участия воинов в политической жизни города-государства предложил Аристотель. По итогам проведённого им совместно с учениками анализа политического устройства 147 городов-государств Древней Греции он в качестве наиболее оптимальной формы правления выделил модель умеренной цензовой демократии, нередко именуемой во вторичных источниках «гоплитской»²⁴⁶ политией²⁴⁷. В рамках такого государственного строя к политической жизни допускались только те жители полиса, которые в состоянии самостоятельно приобрести себе оружие и военное снаряжение²⁴⁸. Есть все основания полагать, что в данный ценз мыслитель вкладывал не только экономический смысл, но и подчеркивал неразрывную взаимосвязь политической и военной сфер жизни общества, фактически снимая проблему участия вооружённых сил в политике.

Рассуждения о политической роли воинов названные древнегреческие мыслители во многом основывали на изучении политического опыта Спарты – одного из ведущих городов-государств Древней Греции, характеризовавшегося доминированием военной элиты в политике и военного дела в жизни общества, что позволяет назвать Спарту одной из древнейших милитократий²⁴⁹.

Новый виток осмысления роли силовых структур в политике приходится на эпоху Возрождения. Н. Макиавелли, развивая тезисы Аристотеля о единстве политического и военного в гражданине и анализируя политический опыт итальянских республик, призывал отказаться от наёмного войска и перейти к созданию вооружённых формирований из граждан государства. Помимо очевидной ненадёжности наёмных воинских формирований в ходе вооружённых конфликтов, мыслитель в качестве недостатка наёмной армии указывал и то, что такая форма военной организации существенно усиливает политический потенциал воинского

²⁴⁵ См.: Платон. Диалоги. М., 2009.

²⁴⁶ Гоплиты (hoplitai) - древнегреческие тяжеловооружённые пешие воины.

²⁴⁷ См.: Андреев Ю.В. Спарта как тип полиса // Античная Греция. Т. 1 М., 1983. С. 194-216.

²⁴⁸ См.: Аристотель. Политика. М., 2006.

²⁴⁹ См.: Андреев Ю.В. Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб., 2008.

сословия, а это пагубным образом сказывается на стабильности политической жизни²⁵⁰.

Идея придания вооружённым силам общенародного характера как в плане комплектования, так и с точки зрения политической сущности нашла своё развитие в политической теории и практике Нового времени. В частности, представители утопического социализма в своих трудах предлагали один из крайних вариантов общенародной военной организации в виде корпораций трудящихся, которые занимаются поддержанием правопорядка и обеспечивают защиту от внешней агрессии. Необходимость такой перестройки они, отказываясь признавать за вооружёнными силами самостоятельную политическую роль, обуславливали тем, что армия в современном им состоянии является инструментом насилия и обеспечения эксплуатации господствующих классов над неимущими²⁵¹. В политико-административной практике наращивание социальной базы вооружённых сил началось с постепенного введения воинской повинности, которая сначала имела форму рекрутского набора, а затем и всеобщей воинской повинности. Это не только усилило армию в военном отношении, но существенно увеличило значимость вооружённых сил как политического института и социального лифта.

Характеризуя место и роль армии в политической системе, Т. Гоббс пишет, что «наличие согласия, или существование общества, лишённого какой-либо власти, которая управляла бы отдельными людьми, используя их страх перед наказанием, недостаточно, чтобы обеспечить безопасность, необходимую для осуществления естественной справедливости»²⁵².

В данном случае причиной является отсутствие мощной армии, а следствием этого – недостаточность безопасности общества. Поэтому, можно сделать вывод о том, что для осуществления справедливости в обществе и для безопасности его существования необходима мощная вооружённая сила, которая была бы не только гарантом вышеперечисленных категорий, но и являлась бы достаточно сильным интегрирующим звеном. Т. Гоббс также говорит о том, что армия – основа любого государства, поэтому состояние войны между государствами для них абсолютно естественно: «Но что же такое государства, как не военные лагеря, защищающиеся друг от друга с помощью солдат и оружия. И такое состояние следует считать естественным, то есть состоянием войны»²⁵³.

По мнению Т. Гоббса, «верховные властители не могут сделать для граждан ничего большего, как достигнуть того, чтобы они, не опасаясь ни гражданской войны, ни войны с внешними врагами, могли пользоваться

²⁵⁰ См.: *Макиавелли Н.* О вонном искусстве. М., 2010; *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М., 2009.

²⁵¹ См.: *Оуэн. Р.* Избр. соч. Т. 2. М., 1950; *Сен-Симон А.* Избр. соч. Т. 1. М., 1948; *Фурье Ш.* Избр. соч. Т. 2. М-Л., 1952.

²⁵² Цит. по: *Туровская А.А.* К вопросу об основных концепциях роли армии в государстве // Свежий взгляд С. 206.

²⁵³ Цит. по: Там же.

богатствами, добываемыми трудом»²⁵⁴. Эту социально-политическую благодать может обеспечить только сильная армия и прагматичная политика держащей власть верхушки²⁵⁵.

Особый вклад в понимание политической роли вооружённых сил внёс в XIX в. немецкий мыслитель Ф. Лассаль, который называл армию важнейшей частью конституции, видя в ней не только инструмент решения задач внутренней и внешней политики, но и гарант единства и стабильности общества. Не отрицая возможности создания всенародной военной силы, Ф. Лассаль указывал на организационные преимущества армии и считал вооружённые силы полноценными субъектами не только государственного управления, но и политической жизни в целом²⁵⁶.

Основоположники марксизма имели свой взгляд на политическую роль вооружённых сил. Определяя армию как организованное объединение людей, содержащееся государством в целях наступательной или оборонительной войны²⁵⁷, они допускали нарушение государственной монополии на вооружённую силу посредством создания народом альтернативных армии воинских отрядов, которые должны сыграть определяющую роль в революционных процессах²⁵⁸. При этом Ф. Энгельс заметил, что если армия будет против, то никакой класс не сможет осуществить революцию, она не победит пока армия не станет на её сторону; более того, она должна начаться в армии²⁵⁹. Таким образом, классическая марксистская традиция придаёт силовым структурам, в том числе и альтернативного характера, существенное политическое значение

Политическая история XIX-XX вв., насыщенная военными переворотами, дала учёным-обществоведам второй половины XX в. богатейший материал для осмысления роли армии в политической жизни государства и общества. Э. Гидденс, анализируя карту распространения военных режимов, пришёл к выводу, что иммунитет к военному правлению проявили только индустриальные либерально-демократические страны Запада и страны Восточной Европы, в том числе бывший Советский Союз. В качестве причин того, что во всех странах не может установиться военное правление, не смотря на то, что военные обладают лучшей организацией, чем любые гражданские группы, и монопольно владеют наиболее мощным оружием, он указывал следующие:

²⁵⁴ Цит. по: Там же.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ См.: *Воробьев В.С.* Марксистское понимание значения военной организации в механизме эксплуататорского государства и критика в этом вопросе Лассаля / Армия и полиция в механизме эксплуататорских государств / Сб.. научных трудов. Вып № 23. Свердловск, 1973. С. 113-124.

²⁵⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения, 2-е изд., Т. 14. С. 5.

²⁵⁸ Стоит отметить, что, согласно логике марксистов, создание армии пролетариев и угнетенных должно предшествовать формированию гражданских органов пролетарской власти или происходить параллельно с ним.

²⁵⁹ См.: *Ленин В.И.* Основы марксистско-ленинского учения о войне и армии. М.: Воениздат, 1982; *Воробьев В.С.* Указ. Соч.; и др.

Во-первых, чем выше уровень индустриализации общества, тем более сложная административная система ему необходима. Будучи зависимыми от внутренних кодексов дисциплины и долга вооруженные силы не приспособлены для управления сложным социальным порядком.

Во-вторых, военные не обладают легитимностью, то есть общепризнанным правом на власть. Правление, основанное на силе, может быть только переходным. Любая группа, желающая удержать власть продолжительное время, должна восприниматься широкими кругами общественности как имеющая на это право. Получить право такого рода в обществах, имеющих прочные традиции гражданского правления, военным чрезвычайно трудно.

В-третьих, в обществах, не имевших опыта военного правления, обычно поддерживается исторически сложившееся четкое деление на армию и полицейские части. В период формирования современной западной полиции, с начала и до середины XIX в., военные не раз привлекались для восстановления гражданского спокойствия. Однако, чем успешнее гражданский порядок поддерживается полицией, тем более чётко проявляется роль армии как средства защиты от внешней угрозы. Полиция может быть хорошо оснащенной, иметь собственные полувоздушные формирования для подавления беспорядков, однако её огневая мощь всегда значительно слабее армейской. Полиция, в отличие от армии, не способна совершить государственный переворот²⁶⁰. Если же гражданский порядок поддерживается исключительно силами полиции, а вооруженные силы занимаются только обороной, шансы на захват власти военными минимальны²⁶¹.

От детерминации военного правления и факторов, препятствующих приходу «силовиков» к власти, учёные переходили к типологии реально существовавших военных режимов. В частности, А. Перлмуттер²⁶² выделяет три основных типа военного правления – автократический²⁶³, олигархическое военное правление²⁶⁴ и авторитарный преторианизм²⁶⁵. При этом необходимо

²⁶⁰ См.: *Finner Samuel E.* The Man on Horseback: The Role of the military in Politics. London, 1962.

²⁶¹ *Гидденс Э.* Социология. М., 2005. С. 266-267.

²⁶² См.: *Perlmutter A.* The military and politics in modern times: on professionals praetorians, and revolutionary soldiers. New Haven, 1977.

²⁶³ Обычная военная тирания, правление одного военного. В этом случае для захвата и удержания власти военный лидер непосредственно использует подчиненные ему вооруженные силы. Однако, затем он обычно стремится обеспечить себе обширную народную поддержку и может занять пост президента. Примером является относительно недавнее правление Иди Амина в Уганде.

²⁶⁴ В таком случае страной управляет группа военных заговорщиков, совершивших переворот, или *хунта*. Главой олигархии может быть как военное, так и гражданское лицо, но в любом случае его поддерживают исключительно вооруженные силы. В эту категорию попадает большое число недавних правительств стран Южной Америки, например, военный режим, правивший в Аргентине до 1985 г.

различать прямое и косвенное военное правление. В большинстве «военизированных» стран третьего мира военное правление наблюдается в косвенной форме, когда у власти находится марионеточный лидер, действиями которого руководят военные. В случае, если он отклоняется от предписанного курса, происходит государственный переворот. На какое-то время власть оказывается непосредственно у военных, а затем её передают другой марионетке²⁶⁶. Вместе с тем, все крупные исследователи политической роли вооружённых сил, места военных в обществе, в том числе С. Хантингтон²⁶⁷ и М. Яновиц²⁶⁸, сходились на мысли о том, что военные режимы отличаются нестабильностью, редко имеют продолжительную историю и обычно носят переходный характер.

Для отечественной политической и военной мысли импульсом к активизации анализа места и роли армии в политической жизни государства стали события сначала Первой русской революции 1905-1907 гг., а затем и революционный 1917 год.

Генерал и профессор А.М. Добровольский отмечает, что армия призвана служить самым жизненным интересам государственного организма, государство вверяет ей охрану своей независимости, целостности, своего правового порядка. Чтобы быть действительно могучей силой, на которую государство могло бы опереться в каждую минуту, армия должна быть силой, сплоченной единым духом — духом повиновения закону <...> Армия по самому существу своему не должна быть причастна политике; она не должна рассуждать, а лишь повиноваться²⁶⁹.

Он подчеркивал, что участие армии в политических собраниях и союзах представляется опасным именно в том отношении, что может развить в ней партийность и повести не только к её разъединению, но и внутреннему разложению. Военнослужащий, состоя членом того или другого политического союза или принимая участие в том или другом политическом собрании, исповедует, понятно, определенные политические убеждения; он публично их высказывает, он борется за них; дух партийности и политических страстей несомненно последует за таким лицом и в среду военной организации. При таких условиях в армии может возникнуть внутренний разлад; развитие в ней политического азарта может извратить её значение как института общегосударственного и сделать её опасной для

²⁶⁵ Это сплав военного и гражданского правления. Страной управляет коалиция военных и гражданских руководителей. Выборы существуют, но спектр кандидатов ограничивается партией или партиями, одобренными правящей группой. Такое правительство, возглавляемое генералом Зия Уль-Хаком, пришло к власти в Пакистане в 1978 г.

²⁶⁶ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 268.

²⁶⁷ См.: *Huntington S. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambridge, 1957.*

²⁶⁸ См.: *Janowitz M. Military institutions and coercion in the developing nations: an essay in comparative analysis. Chicago, 1977.*

²⁶⁹ Добровольский А.М. Армия и политика // Какая армия нужна России? Взгляд из истории. Российский военный сборник. Выпуск 9. М., 1995. С. 242.

государства, так как обращаясь в орудие политической борьбы партий, она может стать против закона и власти²⁷⁰.

А. Волконский, обращаясь к вопросу конституционного отношения к армии, пишет, что армия должна быть бесстрастным орудием существующего правительства. Не вовлекайте войско в политическую борьбу, возводя на него недоказанные обвинения и восторгаясь появлением (должно быть, мнимых) офицеров в толпе манифестантов. У армии может быть только одна политическая программа — присяга. Этого требует благо прежде всего народа. Стремление увлечь армию в партийные дебри есть преступление не против власти только, а против целого народа. Ибо все в государстве меняется, но народ пребывает; если войско сдвинуто с почвы бесстрастного выполнения приказа законной власти или если рядом с войском создалась милиция, то на долгие годы нарушено будет равновесие государственного корабля; в потоках народной крови будет тогда переходить вооруженная сила с одной стороны корабля на другую, раскачивая государственное начало. Толкать армию на это преступно, преступно перед всем русским народом <...>²⁷¹ По его мнению, армия бывает вне политики только пока она охраняет установленный законом государственный строй; армия ни за народ, ни против народа, она — за закон. Армия, которая пошла бы с народом против существующего строя, тем самым, очевидно, перестала бы быть вне политики <...>²⁷².

Глубокие суждения о взаимоотношениях армии и политики высказывает в своем труде «Об армии» А.М. Волгин: «Политика, политическая деятельность — это такая деятельность, которая имеет целью изменить законы и вообще порядки в государстве; каждая партия стремится изменить законы так, как она считает лучше. Одни партии хотят вернуть старое, другие хотят вводить новые порядки постепенно, наконец, третьи хотят сразу все перевернуть вверх дном. Так или иначе, но все партии хотят перемен и борются друг с другом, чтобы перемена произошла именно так, как такая-то партия хочет. Вот в этой борьбе армия и не должна участвовать. Менять законы не дело армии; ее дело одно — охранять те законы и тот государственный строй, который существует «сегодня» <...> Дело армии поддерживать не партию, а закон, законный порядок, законную власть. Почему войско должно стоять вне политики и вне партий — это всякому понятно. Покуда армия занята своим прямым делом и слушается только законной власти, до тех пор она, во-первых, составляет крепость страны против других государств, во-вторых, охраняет внутри государства порядок хотя бы и несовершенный и обеспечивает безопасность всей массы населения. Как только армия присоединяется к какой-либо партии, она превращается в величайшую опасность для государства: у армии в руках

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Волконский А. Что такое конституционное отношение к армии? // Какая армия нужна России? Взгляд из истории. Российский военный сборник. Выпуск 9. М., 1995. С. 244.

²⁷² Там же.

страшная сила, и она станет решать дело своей партии не словами, а этой силой — оружием <...> Ясно, что вмешательство армии в политику может навлечь на страну позор и ставит её на край гибели»²⁷³.

А.М. Волгин отмечает, что армию можно сравнить с балластом, который лежит на дне корабля. Пусть воеет буря, пусть волны раскачивают корабль, пусть на палубе без ума мечутся пассажиры, пусть даже между капитаном и офицерами идет спор, вперед ли, назад ли направить путь корабля, но куда балласт прочно лежит на своем месте, есть еще время спастись кораблю<...>²⁷⁴.

Интересными, с точки зрения характеристики взаимоотношений гражданских властей и военных, представляются суждения публициста и известного политического аналитика Русского Зарубежья В.Е. Татарина, который писал: «В демократических государствах армия стоит вне политики и в политику не вмешивается — чинам армии запрещается принимать участие в выборах, ходить на политические собрания, состоять в партиях и т.д. Такое специальное положение армии основывается на двух соображениях: 1) внесение политики в армию подрывает дисциплину и вносит разделение, что уменьшает боеспособность войска и 2) вмешательство армии в политику может повести к тому, что армия будет поддерживать интересы какого-либо одного лица, партии или класса и, обладая вооруженной силой, может навязать волю меньшинства всему народ...»²⁷⁵. Но применительно к роли армии в политике в России он выдвигал следующие положения:

1. При нормальных условиях армия в политику не вмешивается и стоит на стороне правительства, отвечающего широким национальным интересам, как в демократиях, так и в монархиях, так и в странах диктатуры.

2. Армия, на которую выпадает самая страшная часть национальных задач — отстаивание интересов страны с оружием в руках ценою крови, нуждается в условиях, наилучшим образом обеспечивающих выполнение этой задачи. Эти условия прежде всего заключаются в хорошей экономике: цветущем сельском хозяйстве, дающем продовольствие, хорошо развитой добывающей и обрабатывающей промышленности, здоровых финансах, безукоризненном транспорте и т.д. Без этих условий ведение войны невозможно, но хорошая экономика может существовать только при хорошей политике, заключающейся в том, что власть и ее методы действия отвечают интересам страны, что страна довольна властью и доверяет ей и готова принести самые тяжелые материальные и моральные жертвы. Войну вести возможно только при условии общенациональной солидарности и внутреннего мира.

3. Когда эти условия не соблюдаются, то армия перестает поддерживать правительство, становится к нему в оппозицию, начинает

²⁷³ См.: Волгин А.М. Об армии. СПб., 1907. С. 52–55. Цит. по: Какая армия нужна...

²⁷⁴ См.: Там же. С. 123–126.

²⁷⁵ Татарин В.Е. В демократических государствах армия... // Какая армия нужна России? Взгляд из истории. Российский военный сборник. Выпуск 9. М., 1995. С. 249.

влиять на правительство, стремясь направить его на путь общенациональной надпартийной политики и, в конце концов, берет власть в свои руки.

4. Современная армия является вооруженным народом, поэтому армия не может в течение сколько-нибудь долгого времени проводить антинародной политики и противопоставлять себя народу.

5. Вмешательство армии в политику, нежелательное и вредное в периоды нормальной жизни, становится неизбежным и оправданным в периоды политической и социальной неустойчивости, когда государственный строй не отвечает интересам нации, а борьба партий и классов, сопряженная с уклонами вправо и влево, этим интересам угрожает²⁷⁶.

Важное замечание относительно места и роли армии в жизни государства и общества с учетом трагического опыта революций и гражданской войны в России сделал генерал А.И. Деникин: «Армия — вне политики», — эта верная по существу формула исключает только активную политику, но не должна обезоруживать людей, поставленных во главе мятущегося «народа в шинелях», лишая их элементарных познаний для уразумения свершающегося»²⁷⁷.

Схожие суждения о политической роли вооруженных сил высказывали и гражданские теоретики – философы и политические мыслители того периода. Л.А. Тихомиров отмечает: «Никакая часть народа не падает так низко, как воин, ставший политиканом, потому что для такой трансформации он сразу должен совершить акт бесчестный: изменить служению всей нации и предать данное ею оружие на служение какой-нибудь партии. Вот почему мы и видим в истории, какие вредные толпы образуются из армий, начавших решать политические вопросы, начиная от разных преторианцев и янычаров, до испанских армий XIX века...»²⁷⁸.

Евразиец Н.С. Трубецкой, не будучи сторонником политизации армии, всё-таки предлагает воспринимать взаимосвязь вооруженных сил и внутренней политики как данность: «Во всяком случае, военные теоретики, размышляющие над «войной будущего», должны помнить, что военное дело неотделимо от общественного и государственного строя, покоящегося на определенном типе отбора правящего слоя»²⁷⁹. Философ отмечает, что требование «аполитичности армии» вполне естественно при демократическом режиме, при котором государство как таковое не исповедует никаких определенных и постоянных убеждений, а в каждый данный момент придерживается лишь платформы той партии, которая победила при последних выборах. При таких условиях политизация

²⁷⁶ Там же. С. 250.

²⁷⁷ Деникин А.И. Старая армия. Париж, 1929. С. 60.

²⁷⁸ Тихомиров Л.А. Армия и политика // Московские ведомости. 1912. № 20. 6 сентября.

²⁷⁹ Трубецкой Н.С. Идеократия и армия. URL.: ryadovoy.ru/geopolitika&war/geopolitika/ideokratiya&armiya (Trubetscoy).htm (дата обращения: 25.06.2012).

командного состава армии привела бы только к тому, что этот командный состав пришлось бы сменять при каждом новых выборах, или же к тому, что каждые выборы превращались бы в гражданскую войну. Ко всему этому присоединяется еще и то вышеупомянутое обстоятельство, что самый дух демократического государства по существу антимилитаристичен, поэтому политизация армии в демократическом государстве способна либо разложить армию, привив ей антимилитаристический дух, либо, наоборот, укрепив милитаристический дух армии, настроить её против существующего государственного порядка. Естественно поэтому, что при демократическом режиме армия должна быть аполитичной. Если же иногда политизация армии, т.е. втягивание армии в политику, имеет место и при демократическом режиме, то происходит это всегда лишь в порядке злоупотребления²⁸⁰.

Остроту проблеме политизации армии в революционный период добавило понимание разлагающего влияния партий на состояние русской армии²⁸¹.

Очевидно, что проблема роли армии в политике отечественными политическими и военными теоретиками и практиками рассматривалась через призму аполитичности. Но если царские генералы и военные теоретики стояли на позициях аполитичности вооруженных сил, то государственные деятели, политические и военные мыслители советского государства считали невозможным существование армии вне политики.

Л.Д. Троцкий в своём докладе «Создание Рабочей и Крестьянской Красной Армии» на V Съезде Советов (заседание 10 июля 1918 г.) критиковал генерала А.М. Брусилова за выдвижение тезиса об «армии вне политики»: «Недавно, например, один из виднейших старых генералов, Брусилов, поведал буржуазной печати по поводу воспоминаний Керенского, вышедших отдельной брошюрой, что распадение старой армии явилось процессом, вызванным революцией, как таковой, и что воссоздание боевых сил возможно лишь при изолировании армии от политики. Под именем «политики» в этом утверждении фигурируют, разумеется, интересы рабочих и крестьянских масс потому, что никогда в истории не было армии, - её и сейчас нигде нет, - которая стояла бы «вне политики». Война, - говорит знаменитый немецкий теоретик войны Клаузевиц, - есть продолжение политики, но только другими средствами, т.е. армия данной страны подчинена политике данной страны»²⁸².

Военный мыслитель А.А. Свечин подчеркивал безусловную политическую роль армии, называя её аполитичность нонсенсом. Учёный

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ См.: *Базанов С.Н.* К истории развала русской армии в 1917 г. // Армия и общество. 1900—1941 годы: статьи, документы. М., 1999; *Чертищев А.В.* Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской в годы Первой Мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): автореф... докт. ист. наук. М., 2007.

²⁸² *Троцкий Л.Д.* Создание Рабочей и Крестьянской Красной Армии // Советская Республика и капиталистический мир.

отмечал, что такое «трудно представить даже у наемников, связанных с государством только денежными интересами; даже декларированные солдаты ходом событий оказываются вынужденными стать представителями определенных интересов. Армия не может не являться отражением существующих в стране классовых группировок, и элементарное благоразумие требует, чтобы господствующий класс обрабатывал мышление армии в соответствии с требованиями своей политики... Определенная политика, преследуемая государством, повелевает придавать и вооруженным силам соответственную политическую физиономию. Даже сама служба Отечеству есть политика»²⁸³.

Советский военный и государственный деятель, военный теоретик Б.М. Шапошников, анализируя в своем известном труде «Мозг армии» место и роль генерального штаба во внутренней политике страны, отмечал, что «армия – отображение общества»²⁸⁴, и выдвигал следующие положения, определяющие место и роль армии во внутривластной жизни: 1) современная армия не живет вне внутренней политики; 2) армии — слепок с государства; 3) политическое настроение армии требует особой над собой работы, идентичной проводимой внутренней политике государства; 4) не армия воспитательница общества, а, наоборот — общество воспитывает армию²⁸⁵.

Не отрицают взаимосвязи армии и политики и критики советского строя того периода. Так, Н.В. Воронович утверждает: «Армия и власть неразрывно между собой связаны. Какова власть и какие цели она преследует, такова и структура армии, подчиненной этой власти»²⁸⁶.

Современные отечественные исследователи участия армии в политической жизни государства продолжают традицию рассмотрения проблемы участия армии в политике в категориях политизации/деполитизации, в большей степени оставаясь сторонниками политизации армии как неизбежного процесса.

При этом известный военный социолог В.В. Серебрянников предостерегает от однозначных трактовок участия армии во внутривластных процессах. Он пишет: «Невозможность деполитизированной армии и ее политичность обычно доказываются одними и теми же простыми аргументами: армия создается и совершенствуется политикой (государством), вводится в действие и управляется политическими решениями, служит средством достижения политических целей, а любые средства и способы, используемые политикой, становятся политическими и т.п. Часто просто отделяются сентенциями: словосочетание «деполитизированная армия» бессодержательно как

²⁸³ Свечин А.А. Стратегия. М.: Военный вестник, 1927. С. 110–122.

²⁸⁴ Шапошников Б.М. Мозг армии. М.: Воениздат, 1927–1929. С. 188.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Воронович Н.В. Армия и власть // Судьбы России: сборник статей. Нью-Йорк, 1957. URL: <http://socialist.memo.ru/books/emigrant/sadby/voronovich.htm> (дата обращения: 10.05.2012).

«круглый квадрат», «сухая вода» или «черная белизна». Аргументы, как видно, весьма недостаточные и даже уязвимые. Во-первых, они не дают ответа на вопрос: является ли армия внутренне (субстанционально), т.е. по своей структуре, содержанию, характеру деятельности, сознанию и т.п. политическим феноменом или ее политичность есть нечто привносимое извне, связанное с чем-то внешним. По-прежнему неясно, как именно формируется политическая природа армии. Во-вторых, устройство и содержание деятельности армии определяются (объективно) не только политикой, как полагают сторонники вышеприведенных аргументов, а и законами насилия, техническими факторами, развитием оружия и т.п.»²⁸⁷.

Российский историк И. Волкова, в свою очередь, подчеркивает, что в обыденном сознании вмешательство военных в гражданскую жизнь носит сугубо негативный оттенок. Термины «хунта» и «военная диктатура» оказываются тесно связанными с представлением о «торжестве реакции» и консервацией устаревших социальных и экономических отношений. На самом деле явление, именуемое «военной революцией», часто служило противоположным целям — модернизации экономики и общества. Серию новых военных революций в некоторых странах «второго эшелона» вызвал к жизни переход от традиционного к индустриальному обществу²⁸⁸.

Идея прогрессивной роли армии во внутренней политике получила своё развитие в том числе и в понимании социальной группы военных как одного из субъектов российской модернизации²⁸⁹.

Отечественный политолог И.А. Копылов рассуждает: «Может ли армия быть полностью аполитичной? Нет, конечно. В армию идут служить граждане страны или государства, которые имеют не только определенные права как военнослужащие, но и собственно гражданские права как члены данного общества. Осознавая свою роль в обществе, свои права и обязанности, выполняя волю государства, армия, таким образом, становится субъектом политики, являясь институтом государства»²⁹⁰.

В целом, отечественная и зарубежная политическая наука накопила значительный опыт теоретического осмысления проблемы участия армии во внутривнутриполитических процессах, который свидетельствует о неизбежности вовлечения в той или иной степени вооруженных сил в политическую жизнь государства. Данный опыт, с определенными оговорками, можно экстраполировать и на политическую роль других силовых структур — полиции и спецслужб. Таким образом, ни политическая практика, ни

²⁸⁷ Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И. Армия и политика // Социология в России XIX — XX веков. Выпуск 4. Военная социология. Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М: Международный университет бизнеса и управления, 2002. С. 474.

²⁸⁸ См.: Волкова И. Армия как двигатель прогресса // Отечественная записка. 2002. № 8.

²⁸⁹ См.: Кучеров А.В. Специфика политической субъектности и идентичность военнослужащих в условиях современной модернизации // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Социология. Политология. Вып. 4. С. 83-87.

²⁹⁰ Копылов И.А. Армия и политика в современном мире // Власть. 2011. № 2. С. 83.

политическая мысль не ставят под сомнение влияние силовых структур на внутривнутриполитические процессы, что подтверждает необходимость объективного анализа и измерения этого влияния через теоретическую матрицу политической ресурсности на основе актуальных эмпирических материалов в динамическом контексте.

Россошанский А.В. ,

кандидат политических наук, доцент
Национального исследовательского Саратовского
государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского

СМИ и противоречия современного мира

Анализ эволюции места и роли СМИ в современной России через призму информационного суверенитета в условиях глобализации и глокализации позволил выделить следующие тенденции их политической функциональности.

Несмотря на многообразие имеющихся концепций информационно-коммуникационного взаимодействия власти и общества в условиях глобализации, можно констатировать, что все они несут отпечаток дуалистичности роли СМИ в современном обществе.

С одной стороны, исследователи исходят из нормативистской парадигмы неизбежной гуманизации общественных отношений за счет повышения роли разнообразных гражданских институтов в решении всех важнейших социальных проблем. В рамках такой парадигмы независимые СМИ, вооруженные новейшими технологическими достижениями, выступают одним из ключевых и действенных общественных инструментов совершенствования и модернизации любой политической системы и самосовершенствования любого общества.

Исходя из такого понимания, определяется и совокупность политических функций СМИ: объективное информирование общества обо всех важнейших процессах; предоставление возможности артикуляции интересов разнообразным социальным группам; воспитание толерантных отношений в обществе; контроль за деятельностью правительства и других государственных органов; предоставление информации о деятельности ведущих политических партий и общественных организаций; обеспечение участия граждан в обсуждении и принятии решений по всем важнейшим вопросам; формирование конкурентной среды и плюрализма мировоззрений, идеологий, мнений, оценок; и т.д.

С другой стороны, анализ реальных информационно-коммуникационных процессов в условиях провозглашенного перехода к информационной эпохе, показывает, что имеет место увеличение масштабов и глубины манипуляционной составляющей политической функциональности СМИ. Особенно наглядным доказательством этому является повсеместное следование практике двойных стандартов со стороны

западных СМИ в освещении разнообразных международных событий и внутриполитических ситуаций в различных странах.

На основе проведенного анализа мы пришли к выводу, что современные тенденции в развитии цивилизации вывели исконную информационную составляющую политического суверенитета прошлых эпох на первый план, сделали ее слишком заметной и практически значимой чертой в отношениях властвования и подчинения. Для того, чтобы отразить эту новую тенденцию была обоснована целесообразность введения дополнительного понятия *«информационный суверенитет»*, под которым понимается способность и намерение субъекта политики производить, распределять и потреблять информацию в зависимости от собственных интересов участия в политике и использовать информацию, как ресурс политического влияния в тех масштабах и объемах, которые соответствуют его текущему и долгосрочному политическим интересам.

Таким образом, введение в политологический научный оборот понятия «информационный суверенитет» позволяет сформировать исследовательский ракурс, существенно дополняющий аналитические возможности тех ракурсов изучения проблем, механизмов и тенденций развития информационного поля политики, которые к настоящему моменту уже устоялись в политической науке.

Этот новый ракурс позволяет исследователю преодолевать некоторые принципиальные противоречия в суждениях о роли информации в процессах глобализации, глокализации и информатизации, возникающие вследствие того, что само представление исследователей о суверенитете часто ограничивается классическими рамками теории государственной политики и не учитывает обострение конкуренции за политический суверенитет между иными, часто противостоящими государству и даже сотрудничающими с ним, субъектами политики, между различными структурами внутри самих государства и общества.

В предлагаемом ракурсе отчетливее видятся причины, масштабы и перспективы превращения информации в современных социально-политических системах, пользуясь терминологией геополитики) в некую разновидность «мягкой силы». То есть, превращение ее в основу готовности политических субъектов признавать наиболее значимыми для реализации своих интересов те институты, формы, принципы, которые помогают им адаптироваться к возрастающим потокам различной информации, а не только те, значимость которых подтверждена историей.

Появляется возможность представить во всей полноте эту самую «мягкую силу», которая никого и ни к чему не обязывает, не принуждает, не создает катастрофических угроз, но шаг за шагом отклоняет вектор развития современной цивилизации все дальше от той стратегической линии, в рамках которой в минувшие столетия эта цивилизация сформировалась. Информация превращается в мягкую силу, а ее «суверенные» обладатели в уже не в четвертую, а в первую политическую власть в современном мире, в силу, способную менять президентов, создавать новые политические

режимы, и даже уничтожать государства созданием информационных поводов для военной агрессии.

Именно СМИ своим быстрым прогрессом в последние два столетия вывели информационную составляющую политического и правового суверенитета на первый план. Информационные технологии только легитимировали и технически обеспечили ее сегодняшнее устойчивое присутствие на первом плане и придали тому, что прежде выглядело как «тайна власти и политики» вид очевидных истин и даже банальностей. Это служит для западных и отечественных исследователей роли СМИ в современной политике основанием для суждений об их, СМИ, самостоятельной политической субъектности в политике и праве и об их возможности восполнить своими структурами и своей политической активностью неработающие институты гражданского общества.

Фактически, если говорить о российской действительности, на уровне политики и права сегодня ситуация выглядит так, что общественное начало политики представлено двумя институтами – политическими партиями и СМИ. Партии больше тяготеют к государственной политике, и тенденция эта только усиливается в последнее десятилетие. СМИ остаются единственным представителем общества в политике, которому может быть делегирован общественный суверенитет во взаимоотношениях с властью. При отсутствии развитых гражданских институтов они и для власти становятся естественным и почти единственным источником информации об общественной жизни и инструментом перевода «общественного суверенитета» в формат конкретных идей, запросов, ожиданий рядовых граждан.

Информационный суверенитет сегодня концентрируется в сфере политических коммуникаций, обеспечиваемых СМИ, настолько быстро и зримо, что вопрос о правовых и политических механизмах обеспечения СМИ достойного места в политике выглядит как бы уже не предварительным условием, а неким дополнением к уже сложившейся фактической ситуации.

Владение СМИ информацией продолжает восприниматься гражданами и элитами как владение основополагающей «тайной» политики. Это позволяет утверждать, что «информационный суверенитет» в принципе тяготеет к традиционному для последних двух веков консервативному пониманию политического суверенитета. Однако либеральная политическая практика постоянно и безуспешно привносит в него вопрос: а не следует ли к воле и интересам народа перестать относиться как к тайне и писать о политике в СМИ так, как оно есть на самом деле?

Проект привлекательный, но его реализация приведет к превращению СМИ в справочную службу и к появлению на их месте в политическом процессе новой «четвертой» власти в виде сетевых структур. Отчасти это происходит уже сегодня и, как представляется, именно вследствие стремления некоторых СМИ конвертировать свою информационную суверенность в реальные экономические и правовые преимущества.

Информационный суверенитет мотивирует и определяет понимание СМИ своей политической субъектности. Конфигурация запроса СМИ на

информационный суверенитет определяет структуру их отношений с другими политическими субъектами и всю структуру трудностей и проблем, с которыми сталкивается современная информационная политика и ее правовое регулирование. Исследование информационного суверенитета дает практическую возможность четко сформулировать идеологию информационной политики в современной России. Причем сформулировать ее, имея в виду, что основным в ее структуре должно быть не сопоставление интересов государства и общества (попытки сделать из СМИ инструмент согласования этих интересов не могли и не могут, по определению, иметь положительного результата). Это может быть именно идеология политического участия СМИ как самостоятельного субъекта, наделенного самостоятельным политическим ресурсом, которым они распоряжаются по собственному усмотрению.

Тем не менее, данная идеология информационной политики должна учитывать, что появление технологических возможностей для свободной коммуникации и плюрализма информационных потоков в интернет-сетях создают реальные предпосылки не только для прогрессивных изменений и демократического развития национальных государств и мировой общественно-политической системы в целом, но и для использования новейших достижений в обостряющейся конкурентной борьбе мировых держав за контроль над важнейшими ресурсами и рынками сбыта и рабочей силы.

В условиях имеющихся социокультурных, конфессиональных, цивилизационных расколов мировых общественных отношений, совершенствование информационных технологий и расширение их возможностей становится обоюдоострым оружием, доступным не только наиболее развитым странам, но и тем, которые не согласны с установлением навязываемого им нового мирового порядка. При этом расчет на превосходство в информационных технологиях не всегда согласуется с потенциальными возможностями этноконфессионального ресурса развивающихся стран, логика использования которого не всегда укладывается в концептуальные положения нового мирового общественного устройства. Данное обстоятельство особенно актуально для России, как в контексте существующих достаточно сложных информационно-коммуникационных взаимоотношений с другими странами, так и для совершенствования внутренней системы взаимодействия власти и сложноорганизованного российского общества.

Реальная политическая практика использования СМИ в современных условиях для достижения как внешнеполитических, так и внутриполитических целей позволяет говорить об их инструментальной функциональности, которая вступает в явное противоречие с обозначенным выше нормативно декларируемым набором функций. Фактически ключевой инструментальной политической функцией СМИ является целенаправленное формирование и использование общественного мнения различных

социальных групп с целью побуждения их к определенным действиям (или к бездействию).

Данную функцию никоим образом нельзя оценивать однозначно негативно. Самое прогрессивное реформирование политической системы не может стать успешным, если оно не обеспечит активной политической поддержки со стороны большинства населения и особенно молодежи, как субъекта, от позиции которого зависит стратегическая перспектива общественного развития. Для обеспечения такой поддержки и прогнозирования настоящих и будущих социальных процессов необходимо не только изучение интересов и жизненных планов, ценностных ориентаций и поведения молодого поколения, но и целенаправленное воздействие на него с учетом конкретных задач демократических преобразований общества. Этому должна быть подчинена вся система политической социализации молодежи, не последнюю роль в которой играют именно СМИ.

В этой связи особую важность для нас представляло изучение процесса воспроизводства общественного мнения молодого поколения и, в особенности, такой ее части, как студенческая молодежь. Исследование политических интересов этой социальной группы помогло нам ответить на вопрос о том, в какой мере молодежь является фактором развития, или фактором, тормозящим модернизационные процессы в обществе.

Современное студенчество – это треть всей российской молодежи, ее самая образованная часть, будущая политическая и деловая элита, на которую в дальнейшем ляжет груз ответственности за судьбы российского государства и общества, которая будет определять облик страны в целом. Соответственно, те политические ценности, которые в процессе политической социализации усваивает студенческая молодежь, и будут положены в основу будущего России. Проведенное исследование позволило констатировать, что политические интересы российской молодежи практически не структурированы, поколенческая идеология отсутствует, большинство молодых людей дистанцируются от любых форм политической жизни, оказываясь между субъектами политического манипулирования, что порождает противоречивое отношение к политическим структурам.

В целом политическое поведение российской молодежи характеризуется пассивностью, несамостоятельностью, неорганизованностью политических, особенно протестных форм участия. Это в первую очередь проявляется в низком уровне членства в молодежных организациях, как общественных, так и государственных, в явно недостаточной поддержке общественно–значимых акций гражданского общества и государственных молодежных программ и т.п. Одной из причин такого положения является отсутствие сильной молодежной политики, стимулирующей проявление политических инициатив, которое обуславливает слабость, разрозненность молодежного движения, отсутствие консолидирующей идеи и размытость интересов. С одной стороны, молодежь не имеет навыков самоорганизации, артикуляции и отстаивания собственных интересов. С другой стороны, сами

политические партии не занимаются деятельностью по агрегированию и защите интересов молодежи.

Ограниченные возможности информационного воздействия СМИ на общественное мнение и политические интересы молодежи и всего населения в целом связаны не только с абсолютным уменьшением объема потребления политической информации, но и с ухудшением качества этого потребления, вызванного тем, что значительная часть молодежи уже просто не доверяет традиционным СМИ – причем как отдельным периодическим изданиям, так и в целом масс-медиа в качестве единого политического института. Главным источником информации для них становится интернет.

В значительной степени это обусловлено тем, что молодежь достаточно четко осознает манипуляционную сущность политической функциональности официальных и оппозиционных СМИ в современной России. В соответствии с теорией массовых коммуникаций, манипулирование индивидом предполагает подмену интересов реципиента интересами коммуниканта. В результате индивид на определенное время начинает осознавать внушенные ему интересы как свои собственные. Однако такое кратковременное воздействие вызывает после выборов массовое разочарование в функциях артикулирования, агрегирования и защиты интересов различных социальных групп основными субъектами политики (прежде всего партиями).

Не способствует повышению доверия молодежи к политической системе и повсеместное использование имиджевых технологий в избирательных процессах. Анализ показал, что манипулирование имиджем является важным и эффективным средством борьбы за голоса избирателей для вхождения российских политиков во власть. Но одновременно данная результативность имиджевых технологий приводит к институциональной делегитимации данной власти. Причем главная причина деструктивных последствий применения имиджевых технологий заключена не столько в них самих (в развитых демократических странах они не вызывают таких последствий), сколько в реальной политической деятельности, не соответствующей интересам большинства населения. До тех пор пока будет действовать корыстная узкогрупповая мотивация политики на всех уровнях, будет сохраняться недоверие граждан к избирательным механизмам и другим политическим институтам, без которых невозможно стабильное и поступательное общественное развитие.

В целом, опыт многих стран с устоявшейся демократией свидетельствует, что эффективный институциональный дизайн и имиджевые технологии не должны становиться самоцелью. Главный ресурс институционального имиджа - это не наличие постоянно совершенствующегося манипуляционного арсенала, а действенность реального функционирования политических институтов. Если действенность начинает ослабевать, то никакие информационно-коммуникационные технологии не могут обеспечить стабильность политической системы.

Если власть не прикладывает необходимых усилий для достижения провозглашенных ею целей, не использует все имеющиеся в ее распоряжении ресурсы для решения важнейших общественных проблем, то положительный имидж политической системы и ее отдельных институтов будет утрачен, а соответственно ослаблена и их легитимность. Отсутствие веры в правильность, законность, эффективность и справедливость существующей политической системы представляет собой серьезную опасность, которая может привести к самым неожиданным и разрушительным последствиям. Избежать их можно только в случае повышения ответственности всех субъектов политики за способы и методы борьбы за власть и результаты ее использования.

Как представляется, политическую функциональность российских СМИ и её социальную результативность целесообразно оценивать на основе соотнесения их деятельности с тем вектором политического, социально-экономического и нравственного развития, который поддерживается большинством населения. Однако проблема заключается в том, что само выявление данного стратегического вектора происходит в условиях конкурентной борьбы различных политических сил и идеологий. Ведущие российские СМИ самым активным образом вовлечены в эту борьбу, поэтому в силу своей политической ангажированности не могут представлять собой объективный инструмент целенаправленного позитивного воздействия на массовое сознание. Более того, журналисты нередко используют доминирующие в массовом сознании населения политические ценности как основу для манипуляционного воздействия, целью которого является вовсе не социальный прогресс и повышение политической культуры населения, а стремление оказать поддержку на выборах конкретным политическим силам и конкретным лидерам.

Кроме того, необходимо учитывать, что определяющую роль в целеполагании деятельности различных СМИ играет характер их зависимости от властных структур и бизнес-элит. Коммерциализация СМИ, повышение роли рекламы в их деятельности, приводит к тому, что важнейшим показателем коммерческой результативности становится рейтинг конкретных передач и конкретных журналистов. Социальная результативность в этом случае становится зачастую декларацией, своего рода ширмой, за которой скрывается стремление к получению максимальной прибыли.

Манипуляционные способы информационно-коммуникационного обеспечения политических кампаний вызывают здоровую реакцию отторжения в обществе. Об этом пределе следует задуматься, прежде всего, поклонникам использования административного ресурса, как наиболее победоносного. События после последних выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г. и в марте 2012 г. показали, что использование технологий на основе принципа «обеспечение победы любой ценой» не только не укрепляет социальную базу формируемых властных структур, но подрывает

веру в сами институты демократии, ее ценности, и тем самым ослабляет легитимность российской политической системы.

Более того, рост социальной апатии и абсентеизма в российском обществе, при определенных условиях, способен легко перерасти в массовое протестное движение, направленность которого может привести к самым негативным результатам. Если не заработает «инстинкт самосохранения», то последствия таких «административных» избирательных технологий могут быть самые разрушительные. Особенно опасно их применение по отношению к молодежи, которая в силу своих возрастных особенностей особенно подвержена манипуляции и (как показывает мировой опыт) вполне может быть использована в качестве главной ударной силы для «белой» (как её уже классифицировали на Западе) революции в современной России.

Савинов А.В.

*бакалавр Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского*

Интернет-сервис твиттер как инструмент политики

Проблема сервисов, которые появляются, развиваются и функционируют в социокоммуникативном пространстве интернета, достаточно сложна. В этом пространстве границы между сервисами гораздо более размыты и подвижны чем в реальной коммуникации, что, в принципе, объясняется незавершенностью, а вернее перманентностью процесса формирования в нем сервисов, а также теми специфическими особенностями, которые отличают интернет-коммуникацию от реальной коммуникации: постоянное и достаточно стремительное развитие интернет-технологий вызывает бесчисленное количество преобразований в коммуникативном пространстве Интернета, вследствие чего интернет-сервисы появляются, формируются, видоизменяются, а иногда и исчезают намного быстрее, чем в реальной коммуникации «лицом-к-лицу» (англ.: face-to-face (FtF))²⁹¹. Такие сервисы выполняют множество функций на интернет площадке: социальные, образовательные, развлекательные, коммуникативные, политические и др. Одним из таких интернет преобразований является молодой интернет-сервис Твиттер.

Твиттер (от англ. *twit* – *щебетать, болтать*) – это не традиционный блог в чистом виде, как например Живой Журнал, не социальная сеть, как например ВКонтакте, а, скорее, объединение нескольких интернет-сервисов в рамках единой интернет платформы: службы мгновенных сообщений, блога, электронной почты и социальной сети. В июле 2012 г. твиттер преодолел

²⁹¹ «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер или что нового появилось в виртуальном жанроведении // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 3. С. 11-21.

отметку в полмиллиарда пользователей²⁹². В России твиттером пользуются уже больше 1 миллиона людей²⁹³. Этот сервис выполняет множество функций на интернет площадке:

Контактоустанавливающая функция (для установления новых социальных связей);

Консолидирующая функция (для создания виртуальных групп и сообществ).

Презентационная функция (для продвижения собственного имиджа, а также других персональных веб-ресурсов (блога, персонального дневника (ЖЖ), домашней страницы и прочее).

Функция социализации (для общения с другими пользователями данного ресурса, а также для создания социальных сетей и виртуальных сообществ).

Информационная функция (для получения актуальной новостной информации и для слежения за определенными коммуникативными действиями пользователей («быть в курсе» их дел, а также делиться собственными) новостями, мыслями, идеями).

Экономическая функция (зарабатывание определенного капитала на твит-блоге, проведение маркетинговых и PR-акций с использованием Твиттера).

Политическая функция (в последнее время наблюдается активное использование данного сервиса при проведении избирательных кампаний, а также для ведения виртуальной политики. Так, на Твиттере появилось даже специальное приложение Поливитс (англ.: Poliweets) – агрегатор твитов о кандидатах на выборах)²⁹⁴.

Образовательная функция (Твиттер является одним из наиболее популярных образовательных инструментов, основанных на интернет-технологиях веб 2.0)²⁹⁵.

Релаксационная функция (как компенсаторная практика для снятия любого физического напряжения, расслабления, переключения на другой вид деятельности и прочее).

Нас же интересует политическая функция твиттера, и в частности – влияние на происходящие в России протестные движения.

Сомнения в том, что этот микроблог становится политической площадкой в России, начали развеиваться после того, как в 2010 г. свой аккаунт в нем завел, на то время президент, Д.А. Медведев. На 1 ноября

²⁹² URL: <http://semicast.com/>.

²⁹³ URL: http://company.yandex.ru/researches/figures/ya_twitter_2011.xml.

²⁹⁴ Goroshko O. *Ig. Politics 2.0: Global Perspectives and Local Realities* // Язык, коммуникация и социальная среда: Сбор. научн. трудов / В. Б. Кашкин, ред. Вып. 8. Воронеж: Воронежск. гос. ун-т; Издательский дом Алейниковых, 2010. С. 64-104

²⁹⁵ Grosseck G., Holotescu C. Can we use Twitter for educational activities? Bucharest, April 17-18, 2008. URL: <http://ru.scribd.com/doc/2286799/Can-we-use-Twitter-for-educational-activities> (дата обращения: 01.11.2012).

число читателей его твиттера составляет 1 518 327 человек.²⁹⁶ Можно утверждать, что поступок Д.А. Медведева продиктован желанием сделать политику более открытой и популярной, ведь после этого, можно сказать неформального сигнала, политики разных уровней стали заводить свои аккаунты в прежде не популярном среди них интернет – сервисе. Вот самые популярные твиттер-аккаунты людей, связанных с политикой²⁹⁷:

Таблица 1. Самые популярные твиттер-аккаунты людей, связанных с политикой.

№	Аккаунт	Твитов	Фолловеров
1	@MedvedevRussia Дмитрий Медведев	634	1518001+1079
2	@ARTEM_KLYUSHIN Артем Ключин ²⁹⁸	11217+5	945556-491
3	@KremlinRussia Президент России	2223+1	636705+1201
4	@KalininAlexandr Калинин Александр ²⁹⁹	1977+13	679319-19
5	@zhirinovskiy Жириновский В.В.	1876+1	424463+961
6	@navalny Alexey Navalny	28739+21	298860+255
7	@md_prokhorov Михаил Прохоров	510	261814+135

Тематика их сообщений (твитов) разнообразна, но в основном они или отчитываются о событиях, в которых приняли участие, или «постят» свои мысли по тем или иным вопросам. Но стоит сразу оговориться, что в большинстве случаев за контент, которым наполняется лента твиттера (и другие интернет сервисы) отвечает специалист. Твиттер стал имидж-образующим инструментом, и его наполнение и оформление должно быть продолжением имиджа политика. Интернет является публичной площадкой, и любое необдуманное высказывание может послужить причиной скандала.

Благодаря основной функции твиттера – коммуникативной, политики получили бесплатное средство массовой информации, работающее как on-line и off-line. По сравнению с радио и телевидением, где эфирное время стоит очень дорого, бесплатный интернет сервис твиттер является более привлекательным средством общения с населением. Еще один плюс такого использования твиттера заключается в том, что твит обязательно дойдет до адресата, ведь человек может проверить свою ленту твиттер – сообщений off-line, в то время как радио и телевизионное сообщение передается только on-line.

²⁹⁶ URL: <https://twitter.com/MedvedevRussia/followers>.

²⁹⁷ Твирейт. Рейтинг русскоязычного твиттера. URL <http://twirate.ru/category/politic/> (дата обращения: 01.11.2012).

²⁹⁸ Работает в Комитете по безопасности и противодействию коррупции Государственной Думы ФС РФ, помощник депутата Государственной Думы ФС РФ И.Е. Костунова.

²⁹⁹ Член Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы. Член Консультативного совета по делам национальностей Московской области.

Также с помощью твиттера можно распространять информацию, или, если сказать точнее, ее умножать: благодаря кнопке «Retweet», которая автоматически выкидывает новость в ленту твиттер-пользователя, а ее перекидывают к себе его читатели. Тем самым очень легко и быстро достигается вирусный эффект, и поэтому политики так любят использовать твиттер в своих играх.

Особенно ярко эта функция проявляется во время избирательных компаний и знаменательных событий политической жизни.

Кому же адресована эта информация? Кто является читателями субъектов политики?

Во-первых это масс-медиа, которые отслеживают действия и высказывания политиков с целью создания информационного контента.

Во-вторых, это простые граждане, в основном молодежь, которая хочет быть в курсе последних событий и новостей.

В-третьих, это так называемый «креативный класс»³⁰⁰, самая влиятельная и успешная прослойка населения, контентообразующая часть страны. Это человек 20-35 лет, с высшим образованием, проживающий в большом городе, постоянно находящийся в курсе последних новостей и активно пользующийся избирательным правом. Именно эта, третья группа, представляет основной интерес для политиков. Поэтому очень часто для формирования правильного, нужного мнения у этого класса используется твиттер.

Но зачастую твиттер становится орудием, который используется против политиков и даже существующей политической системы. На площадке твиттера распространены так называемые имперсонаторы (англ. impersonator) – учётные записи, созданные как подделка под другого участника/пользователя. Порой ситуация становится такой запутанной, что трудно определить аккаунт настоящего политика от имперсонатора. Самыми известными такими примерами являются аккаунт «Перзидент Роисси» (@KermlinRussia), сделанный как копия аккаунта «Президент России» (@KremlinRussia), принадлежащий Владимиру Путину, и «Экс-премьер России» (@PremierRussia). Оба эти имперсонатора носят ярко выраженный оппозиционный характер и не стесняются в выражениях.

Также, большой популярностью пользуются твиттер-аккаунты оппозиционных власти политиков и политических субъектов, чьи сообщения носят обличительный и зачастую провокационный характер. К ним относятся Илья Яшин, Сергей Удальцов, Алексей Навальный, Дмитрий Гудков и мн. др. Не имея доступа к таким средствам массовой информации как федеральные каналы, они вынуждены выкладывать свой контент в сеть, в частности использовать коммуникативную, контактоустанавливающую, консолидирующую и информационную функцию твиттера.

³⁰⁰ Социальная группа населения, включённая в постиндустриальный сектор экономики (Ричард Флорида).

Кроме того, консолидирующую функцию микроблога-твиттер активно используют при организации протестных выступлений, митингов и акций. Схема проста – создается твиттер-аккаунт или хэш-тег (тема, которой будут посвящены сообщения пользователей), и с помощью указаний, которые постятся в этом аккаунте, происходит координация действий и доведение инструкций подписанным пользователям. Это позволяет оперативно и мобильно управлять большими массами людей и создавать провокации.

Подводя итоги, можно смело утверждать, что микроблог-твиттер стал важным инструментом в руках политтехнологов и политиков в борьбе за власть и внимание граждан. Порой при его использовании применяются грязные методы. Существует особая группа людей, которые зарабатывают на создании заведомо ложного, провокационного контента и выкладывания его в сеть интернет. Поэтому наша задача, задача простых пользователей твиттера заключается в следующем: не становиться проводниками провокаций и обмана, научиться фильтровать информацию, т.е. не принимать все за чистую монету, узнавать информацию из разных источников и сравнивать ее, тем самым повышая свою политическую культуру.

Сальников О.М.,

студент Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского.

Интернет и выборные кампании в современной России в 2011-2012 годов.

Как известно политическая активность как простых граждан, так и общественных групп, и власти возрастает в периоды до и после выборных кампаний в представительные и законодательные органы власти. Эта активность проявляется в различных формах. И новой формой проявления этой активности становится интернет, который год от года увеличивает свою сферу влияния. Борьба за голоса избирателей, за их поддержку начинает разворачиваться не только на улице и в привычных нам СМИ, но и в разных социальных его сетях. При этом, борьбу ведут не только системные силы оппозиции, но и несистемная оппозиция, которая активно использовала интернет как площадку для расширения своей политической борьбы. На наш взгляд интернет-пространство открывает огромные возможности в ней именно оппозиционным силам, поскольку в законах о выборах не предусмотрены нормы ведения агитации в сети интернет.³⁰¹ Если на

³⁰¹ Федеральный закон от 10.01.2003 N 19-ФЗ(ред. от 02.05.2012) «О выборах Президента Российской Федерации»

Федеральный закон от 18.05.2005 N 51-ФЗ(ред. 25.07.2011, с изм. от 20.10.2011) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»

телевидении или в печатных изданиях мы видим попытки ограничения и даже подавления оппозиционных сил со стороны властей, то в сети наиболее заметны были именно оппозиционеры как системные, так и несистемные. Однако, и сторонники действующей власти не остались в стороне от борьбы против оппозиции. Можно говорить о том, что новое поле борьбы стало одних из самых ожесточенных, не лишенных интриг и скандалов и откровенно грязных приемов, применяемых по обе стороны баррикад. Борющиеся за власть партии и их кандидаты проявляли большую активность на просторах сети, ими были созданы новые и активизированы уже существующие политические интернет ресурсы, при помощи которых граждане могли узнавать о деятельности партий и кандидатов, следить за основными новостями. Но самое главное, вносить свои предложения, а так же критиковать программы партий и кандидатов. Так был запущен сайт <http://www.putin2012.ru/>, на котором излагалась предвыборная программа В.В. Путина, а также была организована обратная связь между гражданами и кандидатом. На данном ресурсе, люди могли оставлять свои предложения и критические замечания. Аналогичным образом поступила и оппозиция, которой были также созданы аналогичные ресурсы.³⁰² Каждому из кандидатов было адресовано множество предложений, лучшие из которых, были отмечены самими кандидатами.

Необходимо отметить достаточно высокую активность и кандидатов президенты в социальных сетях, где были открыты их официальные странички, которые собрали тысячи подписчиков.³⁰³ Можно утверждать, что этим самым на политической арене был открыт новый фронт «боевых действий». Уже сейчас, на просторах сети, можно увидеть официальные страницы главных действующих лиц в нашей политике, их аккаунты в «твиттере», «жж», и других ресурсах. Это позволяет наладить постоянную связь с гражданами, мобильно получать их предложения и реагировать на них. На наш взгляд, в ближайшее время успешность любого политика в сети будет главным фактором его успешности и состоятельности как политика в целом.

Ещё одним проявлением становления интернет-демократия в России стали голосования, проводимые в интернете, в которых пользователи различных ресурсов выбирали свои партии и своих кандидатов из списка тех, что участвовали в выборах официальных. При этом результаты сильно рознились с теми, которые были получены с избирательных участков. Конечно, говорить о достоверности такого рода голосований нельзя,

³⁰² Владимир Путин 2012. URL: <http://www.putin2012.ru/> (дата обращения: 01.09.2012); официальный сайт КПРФ. URL:<http://kprf.ru/> (дата обращения: 02.09.2012); официальный сайт ЛДПР, электронное агентство ЛДПР, новости ЛДПР. URL: www.ldpr.ru (дата обращения: 08.09.2012).

³⁰³ ВКонтakte. Геннадий Зюганов. URL: http://vk.com/gennadiy_zyuganov (дата обращения: 10.09.2012); ВКонтakte. Григорий Явлинский. URL: <http://vk.com/yavlinsky.yabloko> (дата обращения: 10.09.2012); ВКонтakte. Владимир Жириновский. URL: <http://vk.com/zhirinovskiyv> (дата обращения: 10.09.2012)

поскольку в них могли принимать участие те, кто ещё не обладал активным выборным правом, и, безусловно, могло сказываться т.н. ботов.³⁰⁴ При этом необходимо отметить, что к вышеизложенным факторам следует отнести молодёжный фактор, молодёжь, как известно, является наименее активной электоральной группой в России. Тем не менее, результаты интернет-выборов были неутешительны для партии власти и её кандидата на пост главы государства. Так, проект «Выборы 2011-2012» от ресурса «Газета.ru» показал, что большинство участников опроса отдали свои голоса в пользу КПРФ и «Яблока», в то время как «Единая Россия» даже не преодолела 7% барьер.³⁰⁵ При этом количество участников проекта составило 12 тысяч человек. Но и на самом массовом голосовании в интернете, которое проходило в социальной сети vk.com, «Единая Россия» не набрала тех процентов, которые она набрала на голосовании реальном.³⁰⁶ И на других ресурсах, где проходило такое голосование, лидерство оставалось за КПР, но никак не за партией власти.³⁰⁷ Похожая ситуация наблюдалась и при выборах президента нашей страны, прошедших в марте 2012 года. По результатам самых массовых подобных голосований победу в первом туре не смогу одержать ни один из кандидатов.³⁰⁸ Проведение таких голосований в интернете стало новшеством данных кампаний, поскольку на предшествующих выборах такого проявления политики в интернете не наблюдалось. Это, несомненно, было вызвано рядом факторов: расширение интернет сообщества в нашей стране, его массовость и зрелость, а главное его готовность включения в политический процесс. Важно отметить, что активизация обсуждения политических процессов, проходящих в нашей стране, в интернете вовлекло в него новые лица и новые общественные группы, которые до этого момента либо не участвовали в нём, либо были лишены возможности это делать. Анализ документов и материалов, касающихся обозначенных выборов, показывает, что новые формы и методы

³⁰⁴ Бот – компьютерная программа, запрограммированная на выполнение определенного сценария.

³⁰⁵ По итогам голосования в интернете выяснилось, что пользователи голосуют за КПРФ и «Яблоко», «Единая Россия» балансирует на грани преодоления семипроцентного барьера URL: http://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2011/12/04_a_3856878.shtml (дата обращения: 29.09.20012).

³⁰⁶ ВКонтакте. За кого вы будете голосовать на выборах 4 декабря? URL: http://vk.com/wall5_1929 (дата обращения: 02.09.2012)

³⁰⁷ Эхо Москвы. За кого вы будете голосовать на предстоящих выборах? URL: <http://echo.msk.ru/polls/826565-echo/results.html> // (дата обращения: 02.09.2012); Читатели РИА «Восток Медиа» рассказали, за кого проголосуют 4 декабря. URL: <http://vostokmedia.com/n122123.html> (дата обращения 3.09.12)

³⁰⁸ Выборы президента 2012. Голосование по выборам Президента РФ. Проголосовать за президента, результаты виртуального голосования в президенты. URL: <http://izbirkom2012.ru/?ofc=data.php> (дата обращения: 04.09.2012).

Эхо Москвы. Если бы выборы Президента РФ состоялись в ближайшее воскресенье, Вы бы проголосовали за. URL:<http://echo.msk.ru/polls/859880-echo.html> (дата обращения: 05.09.2012).

предвыборной агитации способствовали росту интереса молодёжи к выборам, поскольку, и это особенно важно в условиях российских реалий, молодежь пока не самая активная электоральная группа в России. По нашему мнению, привлечение молодёжи в политику через сети интернета сможет сыграть немаловажную роль в политической жизни современной России. Используя данных выборов интернет голосования и официальных данных ЦИК об итогах выборов можно судить о их противоположности, которую обеспечивают следующие факторы:

1. Интернет – место обитания в большей степени молодёжи, чем людей старшего поколения, которое в отличие от первых стремится реализовать своё активное избирательное право.

2. Малое количество участников в таких голосованиях, самое крупное из которых собрало примерно 5млн. голосов³⁰⁹. А следовательно, узок круг избирателей, который может не отражать реальных предпочтений граждан нашей страны.

3. Их не полная объективность, поскольку не было обеспечено достаточной защиты ресурсов от искусственной накрутки голосов за определенную партию или кандидата. Однако, и на реальных выборах имели место массовые фальсификации, следовательно по этому пункту можно говорить о схожести выборов в сети и выборов в жизни. Хотя, фальсификации, зафиксированные на выборах, были реализованы в большей степени в пользу партии «Единая Россия» и её кандидаты на выборах президента, В.В. Путина.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что интернет занял своё особенное и важное место в российском политическом процессе, нет сомнения, что его влияние на политику в нашей стране будет лишь усиливаться.

Также, необходимо учитывать и влияние сети интернет на процессы прошедшие после выборов. Недовольство фальсификациями на выборах породило бурную реакцию в сети, которая вылилась на улице в форме многотысячных митингов, самых массовых за последние годы. Такое общественное возмущение власть не смогла проигнорировать, тем более, что наравне с лозунгом «За честные выборы», звучали также и антиправительственные лозунги. Реакцией правительства стала демократизация закона о политических партиях, а также была возвращена выборность губернаторов. В результате первого количество зарегистрированных политических партий возросло с 7 до 25.³¹⁰ Первым испытанием для новых партий стал единый день голосования 14 октября

³⁰⁹ ВКонтakte. За кого вы будете голосовать на выборах 4 декабря? URL: http://vk.com/wall5_1929 // (дата обращения: 02.09.2012).

³¹⁰ Министерство Юстиции Российской Федерации. Список политических партий, зарегистрированных Министерством юстиции Российской Федерации. URL: <http://www.minjust.ru/node/2285> (дата обращения: 28.09.12).

2012 года, в ходе которого прошли выборы законодательных собраний в 6 субъектах РФ.³¹¹

Суслов А.Ю.

*магистрант юридического факультета
Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского*

Централизованное исполнение бюджета как инструмент контроля государственных финансов в современной России

Кризис 1998 г. выявил серьезные недостатки функционирования системы государственных финансов в России. До кризиса кассовое исполнение бюджета осуществлялось через коммерческие банки, что приводило к массовым злоупотреблениям. В результате кризиса, практически парализовавшего работу коммерческих банков, такой порядок работы стал невозможным. Поэтому переход к централизованному (казначейскому) исполнению бюджета в какой-то мере можно назвать вынужденным. В тот период приходилось оперативно «подгонять» нормативное регулирование под сложившуюся ситуацию в российской экономике. Так, в короткие сроки был принят «Порядок исполнения в 1999 году росписи доходов, расходов и источников финансирования дефицита Федерального бюджета» от 17 мая 1999 г. № 37н. Порядок определял правила исполнения сметы (росписи) по доходам и расходам федерального бюджета, утверждаемой Министерством финансов Российской Федерации³¹².

Внедрение системы единого казначейского счета проводилось в два этапа. На первом (переходном) этапе завершился перевод всех бюджетных учреждений и организаций на лицевые счета, открытые в органах казначейства. Нельзя не отметить введение системы электронного документооборота на уровне управления Федерального казначейства и органов Федерального казначейства, обмен документами между учреждениями Банка России и управлением Федерального казначейства в субъектах Федерации, органами Федерального казначейства и налоговыми органами. Все эти мероприятия способствовали централизации операций по учету доходов и осуществлению расходов бюджетных средств. На завершающем этапе был открыт лицевой счет - единый казначейский счет - для учета средств федерального бюджета в валюте Российской Федерации. Учитывая проводимые мероприятия, были внесены изменения в нормативные документы, касающиеся взаимоотношений органов

³¹¹ Центральная Избирательная Комиссия Российской Федерации. Выборы депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. URL:http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/electday/vib_141012/deputat.html // (дата обращения: 28.09.2012).

³¹² Куджеев А.А. Казначейский контроль и некоторые вопросы повышения бюджетной дисциплины // Общество и право. 2010. № 1. С. 265.

Федерального казначейства, учреждений Банка России и кредитных организаций по обслуживанию счетов органов казначейства³¹³.

Сейчас Федеральное казначейство является основным органом организующим кассовое исполнение бюджета – собирающим доходы и санкционирующим расходы бюджетных учреждений. Основным нормативным документом, регулирующим деятельность Федерального казначейства является Положение «О Федеральном казначействе»³¹⁴. Федеральное казначейство (Казначейство России) является федеральным органом исполнительной власти (федеральной службой), осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации правоприменительные функции по обеспечению исполнения федерального бюджета, кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, предварительному и текущему контролю за ведением операций со средствами федерального бюджета главными распорядителями, распорядителями и получателями средств федерального бюджета. Федеральное казначейство находится в ведении Министерства финансов Российской Федерации.

Основные полномочия Федерального казначейства:

доведение до главных распорядителей, распорядителей и получателей средств федерального бюджета показатели сводной бюджетной росписи, лимитов бюджетных обязательств и объемов финансирования;

учет операций по кассовому исполнению федерального бюджета;

открытие в Центральном банке Российской Федерации и кредитных организациях счетов по учету средств федерального бюджета и иных средств в соответствии с законодательством Российской Федерации, установление режимов счетов федерального бюджета; открытие и ведение лицевых счетов главных распорядителей, распорядителей и получателей средств федерального бюджета;

учет показателей сводной бюджетной росписи федерального бюджета, лимитов бюджетных обязательств и их изменений; составление и представление в Министерство финансов Российской Федерации оперативной информации и отчетности об исполнении федерального бюджета, отчетности об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации;

распределение доходов от уплаты федеральных налогов и сборов между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации;

прогнозирование и кассовое планирование средств федерального бюджета;

управление операциями на едином счете федерального бюджета;

³¹³ Панкратова В.И. Единый казначейский счет бюджета по учету доходов и средств федерального бюджета // Финансовое право. 2010. № 12. С. 29.

³¹⁴ О Федеральном казначействе: постановление Правительства РФ от 01 декабря 2004 г. № 703 (ред. от 26.12.2011) // СПС Консультант Плюс.

кассовое обслуживание исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации;

проведение кассовых выплат из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации от имени и по поручению соответствующих органов, осуществляющих сбор доходов бюджетов, или получателей средств указанных бюджетов, лицевые счета которых в установленном порядке открыты в Федеральном казначействе;

предварительный и текущий контроль за ведением операций со средствами федерального бюджета главными распорядителями, распорядителями и получателями средств федерального бюджета;

подтверждение денежных обязательств федерального бюджета;

ведение реестра государственных контрактов, заключенных от имени Российской Федерации по итогам размещения заказов.

В России становление института Федерального казначейства происходило в несколько этапов. Указом Президента РФ от 8 декабря 1992 г. № 1556 «О Федеральном казначействе» (утратил силу с 1 января 2005 г.) в общем плане был определен статус органов федерального казначейства и указаны цели его создания, в первую очередь проведение государственной бюджетной политики, эффективное управление доходами и расходами федерального бюджета, контроль за поступлением и использованием государственных средств, приватизация, а также отражены основные направления его деятельности. Во исполнение данного Указа Постановлением Правительства РФ от 27 августа 1993 г. № 864 было утверждено Положение о Федеральном казначействе РФ (утратило силу с 1 января 2005 г.).

Ни в упомянутых актах, ни в ныне действующем Положении о Федеральном казначействе, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 703 (в ред. от 15 июня 2010 г.), детально раскрывающем функции казначейства как федерального органа исполнительной власти, которые сводятся в основном к исполнению бюджета, к учету федеральных средств, распределению регулирующих доходов и носят, соответственно, контрольный, административный характер, об участии казначейства в гражданско-правовых отношениях не упоминается.

Таким образом, круг гражданских правоотношений, в которых одной из сторон может выступать непосредственно казначейство, очень узок. По существу, он сводится к полномочиям, упомянутым в п. 5.24 Положения³¹⁵, согласно которому казначейство наделено правом размещения заказов и заключения государственных контрактов, а также иных гражданско-правовых договоров на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд Федерального казначейства, а также на проведение научно-

³¹⁵ О Федеральном казначействе: постановление Правительства РФ от 01 декабря 2004 г. № 703 (ред. от 26.12.2011) // СПС Консультант Плюс.

исследовательских работ для государственных нужд в установленной сфере деятельности.

Очевидно, что действующее законодательство по вопросам участия Федерального казначейства в гражданском обороте и определения его гражданско-правового статуса как представителя государства имеет явный пробел. Это объясняется тем, что законодатель не встал на путь признания за казначейством указанных функций. Фактически казначейство – это структурное подразделение Министерства финансов Российской Федерации, т.е. финансовый орган. Несмотря на это, привлечение к участию в делах по искам к государству на стороне ответчика Федерального казначейства на определенном этапе было достаточно распространенной практикой, что объяснимо отчасти разъяснениями, данными в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», позволяющими привлекать в качестве ответчика по искам к государству соответствующие финансовые органы³¹⁶.

Однако, серьезной проблемой в настоящее время является то, что нет четкого разграничения предметов ведения между органами, контролирующими исполнение местных бюджетов, как нет и эффективной модели финансового контроля на муниципальном уровне. Иллюстрацией к сказанному может служить Псковская область. Здесь действуют: Счетная палата Псковской области (внешний аудит областного и местных бюджетов - получателей межбюджетных трансфертов из областного бюджета), территориальные органы ФСФБН³¹⁷ (контроль за средствами, выделяемыми из федерального бюджета), территориальные органы федерального казначейства, финансовое управление Администрации г. Пскова, а также Счетная палата Псковской городской Думы. Такое количество контролирующих финансовых органов разной ведомственной подчиненности в дотационном регионе представляется просто недопустимым. Собственно контрольные органы муниципалитетов в части использования средств местного бюджета не подконтрольны ни областной Счетной палате, ни территориальным органам федеральных органов исполнительной власти и в конечном итоге не несут никакой ответственности перед населением в части исполнения местного бюджета, так как проверяют сами себя при полном отсутствии внешнего финансового контроля³¹⁸.

Действующее законодательство не содержит эффективного механизма реализации модели финансового контроля на муниципальном уровне. Отсутствие механизмов ответственности и процессуального порядка взаимодействия различных контролирующих органов, четких оснований проведения контрольных действий и их последствий приводит к

³¹⁶ Голубцов В.Г. Государство как частноправовой субъект: правовая природа и особенности // Журнал российского права. 2010. № 10. С. 75.

³¹⁷ Федеральная служба финансово-бюджетного надзора

³¹⁸ Тасалов Ф.А. Местные бюджеты и финансовый контроль // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 20. С. 34.

безответственности органов местного самоуправления, прежде всего перед населением, а затем и перед государством. Такая ситуация не может оставаться status quo и требует новых предложений по совершенствованию действующего законодательства³¹⁹.

Можно отметить, что хотя в прошедшие годы сложилась достаточно эффективная система финансового контроля за использованием бюджетных ассигнований по линии исполнительной власти через органы казначейства, так как они в постоянном режиме контролируют движение средств федерального бюджета, но при этом также следует отметить, что полномочия Федеральной службы финансово-бюджетного надзора и Федерального казначейства в отдельных случаях дублируют друг друга. Такое положение может сказаться на результативности внутреннего контроля, на слаженности и четкости функционирования системы финансового контроля, осуществляемой органами исполнительной власти.

Отсутствие на данный момент единой, законодательно закрепленной системы государственного финансового контроля в стране, где должны быть нормативно определены место и полномочия всех органов финансового контроля (по линии как законодательной, так и исполнительной властей), не способствует укреплению системы государственного контроля и повышению его авторитета. Несогласованность в действиях контролирующих органов, слабый обмен опытом работы и информацией о проведенных проверках и ревизиях напрямую сказываются на качестве контроля как на уровне Российской Федерации, так и на уровне конкретных территорий. В этих условиях положительную роль сыграло бы решение вопроса, который уже не раз поднимался Счетной палатой Российской Федерации, - создание при Президенте Российской Федерации Координационного совета руководителей органов государственного контроля.

На сегодняшний день весьма актуальным и проблематичным остается также вопрос структуры и иерархии контрольных органов в системе государственного финансового контроля. Данный аспект контроля в России до сих пор не упорядочен. Причиной тому отсутствие утвержденной единой концепции государственного финансового контроля и федерального закона о государственном финансовом контроле в Российской Федерации³²⁰.

Тарасова И.П.

*магистрант Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского»*

К вопросу о правовой культуре современного российского общества

Современная Россия выбрала путь прогрессивного развития общества. Осуществление процессов демократизации общества, эффективная

³¹⁹ Там же. С. 35.

³²⁰ Демидов М.В. Место и роль контрольно-счетных органов в системе государственного финансового контроля России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 1. С. 26.

реализация закрепленных в Конституции задач и целей, становление новой политико–правовой системы, гражданского общества и правового государства предполагают значительную работу по повышению уровня правосознания и правовой культуры населения нашей страны. Однако на пути достижения этих целей имеются объективные и субъективные трудности.

Последние годы отмечены глубокими переменами в экономике и политической системе Российского общества, которые нашли отражение в законодательстве страны. Однако установленные юридические нормы далеко не всегда реализуются в повседневной жизни людей. Часть из этих норм далека от повседневных потребностей масс, другая часть, при их востребованности, не выполняется в силу разных причин. Модернизация российского общества, предполагающая формирование правового государства, в числе многих неотложных задач требует создания высокой политической и правовой культуры демократического (гражданского) типа. Стабильность правовых реформ невозможна без высокого уровня правового сознания и правовой культуры населения.

Правовая культура – один из важнейших элементов правовой системы, непереносимое условие нормального функционирования государства. Это явление со сложной структурой, ибо являясь частью общей культуры общества, правовая культура ощущает на себе все те деформации и векторы перемен, которым подвержена в целом культура общества в период реформ и модернизаций.

Термин «культура» появился в древнеримскую эпоху. Этимологически он восходит к латинскому «colere», означавшему «возделывание, обработку», в более поздней форме которого – «cultus» – появляется новое значение – «почитание».

В дальнейшем слово «культура» все больше будет употребляться в значении просвещенности, образованности, воспитанности человека. С этими двумя исходными значениями данное слово вошло почти во все европейские языки, в том числе и русский.

В России термин «культура», впервые появился в «Карманном словаре иностранных слов» Н. Кириллова в 1846 г. и характеризовал «деятельность для пробуждения дремлющих в человеке сил»³²¹.

В это время культура начинает рассматриваться как важнейший аспект жизни общества, связанный со способом осуществления человеческой деятельности, характеризующий отличие человеческого бытия от животного существования; активизируется разработка этой проблематики.

На протяжении 70 лет в СССР господствовало убеждение, что культура – это надстройка над материальным базисом общества, детерминируемая в главных чертах способом производства. В соответствии с этим правовая культура трактовалась как некое «надстроечное» образование, как система

³²¹ *Иванников И.А.* Концепция правовой культуры // Правоведение. 1998. № 3. С. 12.

«овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права и их отражению в сознании и поведении людей»³²², или как система «объективированных результатов правовой деятельности общества... а также отражения правовых явлений в сознании людей (правовое сознание)»³²³.

Новое развитие вопросы правовой культуры получили в постсоветское время. Так, А.Б. Венгеров определяет правовую культуру как «более высокую и емкую форму правосознания»³²⁴.

Более развернутое определение правовой культуры дает В.М. Шафиров: «Правовая культура – вид общественной культуры. Правовая культура общества – качественное состояние права, профессиональной юридической деятельности (юридической практики), законности правопорядка, правового сознания и поведения личности»³²⁵.

Н.Н. Лебедева в своей работе «Понятие правовой культуры в теории права»³²⁶ приводит несколько подходов к исследованию правовой культуры: аксиологический и деятельностный. Особый интерес представляет семиотическая концепция культуры. Авторы этой концепции отмечают, что культура представляет собой знаковую систему, и определяли культуру как «непосредственную память коллектива, выражающуюся в определенной системе запретов и предписаний»³²⁷.

Следует согласиться, что под правовой культурой надо понимать обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта, а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека³²⁸.

Правовая культура, так же, как и политическая культура, является непременным элементом демократии. Их отсутствие приводит к пагубным последствиям для общества и государства, в том числе и для всего мирового правопорядка. Высокий уровень правовой культуры является необходимым условием (фактором) формирования правового государства. Особенно актуальной эта проблема является для отечественного права и государства, ибо недостаточно высокий уровень правовой культуры населения страны сегодня ощутим, как никогда ранее.

³²² Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974. С. 43.

³²³ Сальников В.П., Казаченко В.Ф. Правовое воспитание и правовая культура в системе органов МВД СССР // Правоведение. 1980. № 1. С. 54-58.

³²⁴ Венгеров А.Б. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов. М., 2000. С. 321.

³²⁵ Шафиров В.М. Правоведение. Учебник. М., 2010. С. 87.

³²⁶ Лебедева Н.Н. Понятие правовой культуры в теории права // Право и государство: теория и практика. 2006. № 2. С. 15.

³²⁷ Там же.

³²⁸ См.: Горбатова М.К., Домнина А.В. Профессиональное правосознание как элемент правовой культуры общества // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 10.

Высокий уровень правосознания включает в себя и знание права, и понимание значения права в жизни общества. К сожалению, необходимый уровень правосознания не отличает порой даже законодателей, политических лидеров, руководителей общественных организаций. И дело не только в незнании права, но и в пренебрежении им.

Низкий уровень правовой культуры в нашей стране обусловлен во многом историческими причинами, неразвитостью у населения юридических традиций. Откровенный правовой нигилизм, отрицание необходимости и ценности права имеют глубокие корни в нашем обществе еще с дореволюционного времени. Из поколения в поколение в России проявляется неуважение к закону и суду, терпимость к произволу. В условиях крепостного права в общественных отношениях царил произвол, усугубленный низкой культурой населения. После реформ 60-х гг. XIX в. правовая действительность изменилась, но эти изменения глубоко не проникли в общество. Уровень правовой культуры остался достаточно низким. Повышению уровня правовой культуры в стране способствовала судебная реформа 1864 г., с которой связано введение суда присяжных. Появляется плеяда блестящих юристов-адвокатов. До революции большинство деятелей, даже выдающихся, литературы, искусства, науки, нигилистически относились к праву. Для них имел огромное значение в первую очередь, нравственный аспект. Во время революции 1917 г. старая феодально-буржуазная правовая система была сломана, а новая не могла быть создана за короткое время. Нужен был длительный период становления новой правовой системы. Впоследствии в этом направлении велась большая работа, много позитивного было сделано советскими учеными, что позволило российской юридической науке занять одно из ведущих мест в мире.

С началом демократических реформ ситуация в стране резко изменилась. Политическая нестабильность и слабость власти, сложные рыночные отношения, отставание правовой реформы от реалий жизни, коррупция и бесконтрольность госаппарата, снижение авторитета и материального обеспечения правоохранительных органов привели к резкому росту преступности и к всеобщему правовому нигилизму.

Правовой нигилизм рассматривается не только как правовая категория, но и как социально-психологическое явление, возникающее в результате оценки права или отдельных его норм людьми, социальными группами или даже всем обществом.

В. Гойман отмечает, что «в юридической практике характеризуется различными аномалиями правового поведения или же вообще правовой пассивностью»³²⁹.

И только в последние годы стал происходить постепенный сдвиг в правосознании части населения к правовым представлениям, соответствующим ценностям гражданского общества с приоритетом

³²⁹ Гойман В. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. 1990. № 9. С. 4.

индивида и права. В то же время до сих пор большинство россиян характеризуется по-прежнему доминированием размытых представлений о праве, необходимости соблюдения правовых норм.

Российский правовед В.В. Лазарев отмечает, что «невозможно сделать каждого гражданина юристом, но возможно преодолеть юридическую безграмотность и правовой нигилизм как условие развития правовой культуры»³³⁰.

Общеизвестно, что современная политическая культура России строится на совершенно новом политическом содержании. Она стремится осмыслить иные, зачастую чуждые ей реальности нынешнего мира, как в международном, так и во внутривнутриполитическом плане развития страны. В этой связи политическое мышление характеризуется стремлением познать раннее неизведанное. Однако инновационные процессы воспринимаются обществом неоднозначно. Одни с энтузиазмом относятся к нововведениям, другие с настороженностью воспринимают их, третьи откровенно сопротивляются всему новому, опасаясь последствий. И это понятно. Политическая и правовая культура базируются на традиционных ценностях, обычаях, религии, которые формировались в сознании народов на протяжении многих столетий и их восприятие требует достаточно длительного времени.

Политическая культура оказывает несомненное влияние на правовую культуру. Российской правовой системе свойственна тесная связь права и государства. В России вместо личной свободы всегда признавалась идея служения государю (отечеству), вместо равенства – идея иерархии, вместо формального равенства и свободы – идея долга, служения, уважения к рангу.

Характерной особенностью правовой культуры в России можно считать и то, что в российском обществе на протяжении длительного времени господствовала идея подчинения права идеологии. Государственная власть поддерживала господствующую идеологию с помощью юридических средств, а последняя, в свою очередь, весьма активно влияла на право, на правоприменительную практику, что отрицательно сказывалось на совершенствовании правовых институтов, на механизме правового регулирования.

Государственность означает царствовать, царить, быть государем. Именно такое понимание «государства» и государственной власти доминировало в России на протяжении всего времени существования страны. Еще Н.А. Бердяев обратил внимание на такую характеристику политической культуры России, как «осознание» значения государственности, роли государства³³¹.

Все эти качества российской правовой системы требуют постоянного внимания и учета в правоприменительной практике. Без этого невозможно

³³⁰ Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М., 2000. С. 488.

³³¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.7.

цивилизованное решение вопросов эффективного правового регулирования общественных отношений, утверждения правопорядка и законности.

Формирование правовой культуры - это сложный и длительный процесс, затрагивающий все стороны общественной жизни. Сегодня - становится особенно очевидным, что успешное решение экономических, политических и социальных задач невозможно без повышения правовой культуры общества, воспитания у каждого гражданина глубокого уважения к закону, формирования готовности непосредственно и активно участвовать в претворении его положений в повседневную жизнь. В этой связи правовую культуру можно рассматривать как одну из важнейших предпосылок и необходимое условие формирования правового государства, реализации правовой реформы, усиления борьбы с преступностью.

Российское государство призвано уделять должное внимание повышению политической, правовой, нравственной культуры граждан, настойчиво добиваться, чтобы каждый человек умел с позиции общегосударственных интересов оценивать общественные явления, отстаивал идеалы и духовные ценности нашего общества, сознательно участвовал в управлении общественными и государственными делами. Высокий уровень политической, правовой и нравственной культуры – необходимая предпосылка полного и всестороннего осуществления на практике принципов демократии.

Толкалов А.С.,
соискатель кафедры политических наук
Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского

Социально-политический контекст формирования имиджа политических лидеров в России и Чехословакии в условиях демократического транзита

Проблема социально-политической среды представляется одной из наиболее актуальных в контексте исследования процесса формирования политического имиджа. Вкупе с личностными характеристиками носителя имиджа та социально-политическая реальность, в которой ему суждено существовать, во многом определяет его конфигурацию и набор имиджевых характеристик, входящих в его состав. Это объясняется, прежде всего, тем, что имидж не существует в «вакууме», а в процессе своего существования обречен на активное взаимодействие с окружающим миром. Для складывания наиболее плодотворных и позитивных отношений и необходимо в процессе формирования имиджа политического лидера принимать во внимание социально-политические особенности окружающей его реальности. В противном случае любая имиджевая конструкция рискует быть воспринятой как инородное тело и быть отторгнутой.

Особый интерес в рамках изучения данной проблемы представляет процесс формирования имиджа политического лидера в условиях демократического транзита. Зачастую взаимодействие между формируемым имиджем и окружающей действительностью выстраивается на основе сложившихся в обществе представлений об идеальном лидере, отраженных в политическом сознании граждан и в политической культуре общества.

Процесс же демократического транзита характеризуется не только сменой политического режима, но и разрушением сложившейся политической культуры и трансформацией политического сознания. В таких условиях прежние ценности и идеалы утрачивают свое значение, что делает бессмысленным опору на них, в том числе и в процессе формирования имиджа политических лидеров. Поэтому на первый план выходят другие методы привязки формируемого имиджа к целевой аудитории. На наш взгляд, наиболее употребляемой и обширной группой таких методов является конструирование имиджа политического лидера на основе социально-политической обстановки и протекающих в данный момент времени политических процессов.

Последние десятилетия XX века ознаменовались всплеском демократизационных процессов, протекающих по всему миру. В исследовательской литературе данное явление закрепилось под названием «третья волна демократизации», которое было введено в научный оборот С. Хантингтоном, автором теории волн демократизации. Данная теория предполагала анализ мировых политических процессов с целью выделения волн демократизации – групп переходов «от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период»³³².

Третья (и последняя) волна демократизации выделяется исследователями как наиболее масштабная по отношению к двум другим (1828-1926 гг., 1943-1962 гг.). Впервые в мировой истории за сравнительно небольшой срок демократизационные процессы охватили около тридцати государств: в 1974 г. – Португалию, Грецию, Испанию; в 1977 г. – Эквадор и Индию; в 1978 г. – Перу и Боливию; в 1981 г. – Гондурас; в 1982 г. – Аргентину и Сальвадор; в 1983 г. – Турцию; в 1984 г. – Уругвай и Гренаду; в 1985 г. – Бразилию; в 1987-1988 гг. – Южную Корею, Тайвань, Пакистан; в 1989 г. – Мексику и Чили. Таким образом, активные демократические преобразования происходили как в странах Старого, так и Нового света. Некоторые попытки демократизации наблюдались и в странах Африки и Среднего Востока: некоторые либеральные преобразования были проведены

³³² См.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 26.

в Тунисе, Сенегале, Алжире, Иордании и Египте; был разрушен режим апартеида в Южноафриканской республике³³³.

Краеугольным камнем демократических преобразований в рамках третьей волны демократизации являются процессы, происходящие в странах так называемого «социалистического лагеря», в частности, в СССР и в странах Центральной и Восточной Европы, входящих в состав Организации Варшавского Договора. В конце 1980-х годов в ряде европейских социалистических государств начали разворачиваться общественные движения, направленные на демократические преобразования, борьбу за права и свободы человека и гражданина и подкрепленные недовольством социалистическими правительствами. Пик подобной активности пришелся на 1989-1990 гг. В 1989 г. оформленные в виде политических партий движения «Солидарность» и «Гражданский форум» одержали победу на выборах в Польше и Чехословакии соответственно, а их лидеры стали президентами. Схожие процессы наблюдались в Венгрии, Прибалтике, Болгарии, Румынии, ГДР и в других государствах³³⁴.

Немаловажной проблемой в рамках данных процессов представляется формирование имиджей политических лидеров, возглавляющих демократические движения. Ранее уже высказывалась точка зрения о нецелесообразности выстраивания политического имиджа таких лидеров на основе существующей «коммунистической» политической культуры. Поэтому одним из вариантов решения данной проблемы может быть выстраивание имиджа на основе существующей социально-политической реальности и протекающих политических процессов. В рамках данного исследования предпринята попытка анализа особенностей социально-политической среды, предопределяющей облик имиджа политического лидера в условиях демократического транзита. Так как в сферу наших исследовательских интересов входит процесс формирования политического имиджа в России и Чешской республике, то данный анализ будет осуществляться на примере этих двух государств.

Прежде всего, следует обратить внимание на события и политические процессы, непосредственно предшествующие периоду активных демократических преобразований в СССР и Чехословакии.

В Советском Союзе импульсом к демократизации можно считать период «перестройки» в 1985-1991 гг. Стоит, однако, отметить, что на начальном этапе (1985-1989 гг.), который получил название от лозунга «Ускорение!», произнесенного М.С. Горбачевым 20 апреля 1985 г. на апрельском пленуме ЦК КПСС, поставленные цели решались сугубо в рамках существующей политической практики и преимущественно административными методами, что позволяет судить об отсутствии

³³³ См.: Баранов Н.А. Трансформации современной демократии. СПб., 2006. С. 130-132.

³³⁴ См.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 313.

демократизационного начала на указанном этапе³³⁵. Пожалуй, единственным значимым для данного исследования событием является введение в руководство СССР новой команды управленцев, в числе которых были Н.И. Рыжков, Б.Н. Ельцин, Е.К. Лигачев и другие личности, которые впоследствии сыграли большую роль в процессе демократического транзита.

Определенные попытки по демократизации советского государства имели место на втором этапе «перестройки» (январь 1987 – июнь 1989 гг.). Данный этап характеризуется проведением масштабных преобразований практически во всех сферах жизни общества. Среди наиболее крупных можно выделить провозглашение политики «Гласности», законодательное разрешение предпринимательской деятельности в форме кооперативов и внешнеполитического курса на формирование «Нового мышления», направленного на улучшение отношений с Западом³³⁶. Однако, следует отметить тот факт, что вышеуказанные преобразования так же, как и на первом этапе, не подразумевали изменения текущего политического режима, а предусматривали частичную либерализацию, масштабы которой явно шли вразрез с потребностями советского общества того периода.

Таким образом, процессы, протекающие в рамках «перестройки» в 1985-1989 гг. и предшествующие фазе активных преобразований по демократизации советского государства и общества, можно охарактеризовать как меры, проводимые «сверху» и явно свидетельствующие о том, что высшее руководство СССР не было согласно на какое бы то ни было изменение существующего политического режима, стараясь ограничиться точечными реформами в наиболее проблемных сферах жизни общества и государства. На наш взгляд, подобная негибкость во многом предопределила события 1990-1991 гг. Особое внимание следует обратить также на тот факт, что характер проведения преобразований «сверху» предопределил некоторые характеристики имиджа политического лидера, который впоследствии возглавил демократическое движение. Подобно источнику реформ, новый лидер также являлся представителем высшего советского руководства, то есть, выходцем «сверху».

В отличие от Советского Союза, в котором фаза активных демократических преобразований предварялась пятью годами «перестройки», в Чехословакии первые события, предшествующие «Бархатной революции» 1989 г. датируются 1988 годом. Этот год ознаменовался проведением ряда демонстраций, впервые после «Пражской весны» 1968 г.

25 марта 1988 г. в Братиславе прошла так называемая «Демонстрация со свечами» (*Svíčková demonstrace*), идея которой была предложена словацким хоккеистом и общественным деятелем Марианом Штястным и

³³⁵ См.: Безбородов А.Б., Елисеева Н.В., Шестаков В.А. Перестройка и крах СССР. 1985-1993. СПб., 2010. С. 26.

³³⁶ См.: Геллер М.Я. Горбачев: победа гласности, поражение перестройки // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т. 2. С. 114.

поддержана чехословацкой католической церковью во главе с кардиналом Франтишком Томашеком. В качестве организаторов демонстрации выступили чехословацкие диссиденты и религиозные активисты Ян Чарногурский и Франтишек Миклошко. В целом, демонстрация не носила ярко выраженного антикоммунистического характера: на ней не произносились антирежимные речи и не выдвигались оппозиционные лозунги. Собравшиеся демонстранты (около 14 тысяч человек) стояли с флагами и зажженными свечами и пели национальный гимн. Несмотря на это, полицией неоднократно были предприняты попытки (в том числе, и силовые) разгона демонстрации, которые, однако, не увенчались успехом: простояв, как и было заранее запланировано, тридцать минут, демонстранты разошлись³³⁷. Данная акция протеста является знаковой, так как, во-первых, она, являясь первым подобным мероприятием с 1968 г., обнажила значительные противоречия между обществом и государством, и, во-вторых, будучи организованной представителями католической церкви, объединила представителей различных конфессий и даже атеистов, что свидетельствует о высокой степени сплоченности общества в борьбе против коммунистического режима.

Демонстрация в Братиславе открыла собой череду антикоммунистических манифестаций, приуроченных к памятным датам истории чешского государства XX века. Так, 21 августа 1988 г. в Праге прошла демонстрация, посвященная двадцатилетию введения войск Организации Варшавского Договора на территорию Чехословакии; 28 октября того же года – манифестация в честь семидесятилетия образования Чехословакии; 10 декабря – празднование сорокалетия принятия Всеобщей декларации прав человека³³⁸. Последняя из вышеперечисленных акций была проведена с разрешения чехословацкого правительства, остальные же были разогнаны.

Пиком событий конца 1988 – начала 1989 гг. стала серия демонстраций, проведенных 15-20 января 1989 г. и посвященных двадцатилетию со дня смерти Яна Палаха – чешского студента, который в знак протеста против ввода войск Организации Варшавского Договора на территорию Чехословакии 16 января 1969 г. совершил на Вацлавской площади в Праге акт саможжения³³⁹. Проведенные в эти дни акции протеста, позже получившие название «Палахова неделя» были с особой жестокостью подавлены силами полиции и народной милиции, а некоторые лидеры оппозиционного движения, в том числе и будущий президент

³³⁷ См.: March, 25, 1988 // Candle demonstration – March, 25, 1988. URL: <http://www.svieckovamanifestacia.sk/english.php?page=march-25-1988> (Дата обращения: 24.11.2012 г.).

³³⁸ См.: *Suk Jiří. Labyrintem revoluce - Aktéři, zápletky a křižovatky jedné politické krize (Od listopadu 1989 do června 1990). Český Těšín, 2003. S. 22.*

³³⁹ См.: *Zvěřina Pavel. Jan Palach // TOTALITA.* URL: http://www.totalita.cz/vysvetlivky/o_palachj_poch.php (Дата обращения 25.11.2012 г.).

Чехословакии Вацлав Гавел, были арестованы³⁴⁰. Вследствие ареста организаторов протестных акций их проведение было приостановлено вплоть до начала «Бархатной революции» в ноябре 1989 г.

Таким образом, чехословацкое демократическое движение берет начало в массовых акциях протеста: демонстрациях, манифестациях и т.д., что позволяет сделать вывод о том, что оно не является инициативой политической элиты, а произрастает «снизу». Данный факт в значительной мере обуславливает выбор Вацлава Гавела в качестве своего лидера. Отсутствие связи Гавела с коммунистическим режимом, обширная диссидентская и правозащитная деятельность вкупе с неоднократными арестами придают его фигуре ореол оппозиционности, что в конечном итоге способствует формированию имиджа борца за демократию.

Следует также отметить, что высокая степень консолидированности чехословацкого общества и его явная настроенность против существующего политического режима делает возможным и необходимым параллельное формирование имиджа борца с коммунизмом, представляя идеальный имидж политического лидера как образ «Борец за демократию, борец против коммунизма».

Таким образом, период, непосредственно предшествующий фазе активных демократических преобразований в государстве, оказывает значительное влияние на формирование имиджа политического лидера, возглавляющего демократическое движение. В условиях, когда опора на политическую культуру и на сложившиеся в обществе политические традиции нецелесообразна или даже невозможна, социально-политическая среда и протекающие политические процессы могут послужить устойчивой основой при формировании эффективного политического имиджа. При подобном сценарии конструирования имидж, во-первых, основывается на наиболее актуальных в текущий момент времени ценностях и идеалах, а, во-вторых, складывается устойчивая ассоциация имиджа политического лидера с демократическим движением, представляя его как непосредственного участника происходящих событий.

При наличии определенных сходств в протекании демократического транзита в СССР и Чехословакии, политические процессы, предвосхищающие фазу активной демократизации в указанных государствах, обладают некоторыми важными особенностями, оказывающими непосредственное влияние на имидж возглавляющего ее политического лидера.

Особую роль в данном контексте играет источник демократического движения. Анализ событий 1985-1989 гг. в СССР и 1988-1989 гг. в Чехословакии показал, что лидеры советской демократии вышли из

³⁴⁰ См.: Svoboda Petr. 17. listopad 1989: Komunistický režim stál jen na svých mocenských pilířích, jeho důvěryhodnost byla minimální, říká historik Jiří Suk // FORUM. Časopis Univerzity Karlovy. URL: <http://www.cuni.cz/IFORUM-2431.html> (Дата обращения: 25.11.2012 г.).

верховного руководства страны, то есть она исходила «сверху». В то же время чехословацкое демократическое движение сформировалось в ходе многочисленных демонстраций и манифестаций, участниками которых являлись люди с активной гражданской позицией и диссиденты, из чего следует вывод о том, что чехословацкая демократия произрастала «снизу». Такое различие в источнике демократических преобразований обусловило непохожесть имиджей Бориса Николаевича Ельцина и Вацлава Гавела.

Другой особенностью, которая, по нашему мнению, оказала значительное влияние на характер имиджей лидеров советского и чехословацкого демократического движения, является характер этого движения. Преобразования, осуществляемые в СССР в 1985-1989 гг., были направлены, прежде всего, на устранение негативных характеристик режима, подвергавшихся наибольшей критике: дефицит, номенклатурность, очереди и т.д. Резко усугубившаяся в 1990-1991 гг. социально-экономическая ситуация в стране послужила одной из предпосылок всплеска протестных акций, что впоследствии повлекло за собой распад СССР и смену политического режима.

Демократическое движение в Чехословакии носило более политизированный характер. В отличие от Польши и Венгрии, чехословацкая экономика характеризовалась значительной стабильностью, резкого ухудшения уровня жизни населения не наблюдалось. Несмотря на это, за достаточно короткий период 1988-1989 гг. в Чехословакии прошло огромное количество протестных акций. Их характер и выдвигаемые на них лозунги явно свидетельствовали о том, что чехословацкое демократическое движение ставило во главу угла борьбу с коммунистическим политическим режимом в целом, а не с отдельными его проявлениями. Данная особенность также наложила отпечаток на имиджи чехословацкого и российского лидеров-демократов.

Толкунов Н.С.

*бакалавр Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского*

Взаимоотношения политической и интеллектуальной элит.

Проблема отношений власти и общества всегда волновала умы многих ученых. Данная проблема является достаточно противоречивой. И в наши дни она не так хорошо изучена, как хотелось бы. Правящая элита всегда пыталась подчинить себе общество. С XX века наблюдается мощнее психологическое воздействие на массы. В результате этого власть все больше укрепляла свои позиции, и либеральные мечты Дж. Локка о государстве, казались наивными. Но в послевоенный период стали развиваться идеи социального государства, и это оказало влияние на формирование гражданского общества. Появляется некий противовес в обществе, который

мог контролировать действия государства. Становится всё больше тех членов общества, которые могут понять, осмыслить и донести до власти все проблемы и страхи общества.

Эмиль Фаге в своей книге «Культ некомпетентности» отмечал, что опасность для демократии кроется в приходе во власть людей некомпетентных. И если действия власти угнетают народ, то он, в свою очередь, не должен с этим мириться. И история неоднократно подтверждала данные опасения. Со временем демократические государства выработали иммунитет против этой проблемы. Они создали гибкую политическую систему, которая может быстро приспособиться к внешним и внутренним условиям. Таким образом, всё это сводит негативные тенденции к минимуму³⁴¹.

Более явное влияние общества на власть стало наблюдаться в Европе. На Западе, мнение всего общества выражали интеллектуалы. Они решают очень важную проблему, а именно: проблематизацию социального мышления. А умение сформулировать проблему является предпосылкой её решения. Интеллектуалы являются профессиональной командой. Они постоянно генерируют идеи. Они могут находиться в разных фазах отношения с обществом (отстранение от него, заинтересованный или конструктивный критицизм). Традиционно, мыслители и интеллектуалы были посредниками между правительством и обществом. Такая роль превратила их, по сути, в третий общественный и политический класс, связующих правителей и управляемых. Их деятельность-выражение мнения общества в политических, экономических, научных, культурных сферах. В эпоху Нового времени стал наблюдаться постепенный кризис той государственности. Скорее всего, это было обусловлено охлаждением отношений между интеллектуалами как коллективным хранителем ценностей общества, с одной стороны и государством Нового времени-с другой. Новое молодое государство философы приняли за царство разума. В итоге же всех постигло огромное разочарование. Изначально социалисты-постмарксисты и интеллектуалы «постпросветители» предполагали совершенно другую модель государства. Но в действительности мир не стал подстраиваться под эту модель. И они во всем этом обвиняют мир: он свернул не на ту дорогу и не сумел реализовать свой потенциал³⁴².

Произошел крах традиционных средств контроля над обществом. Все это способствовало возникновению абсолютистского государства Нового времени. В государстве произошла централизация общественных сил, институционализированность в Новом государстве была разрушена. Таким образом, появилось абсолютистское государство, которое осуществляло умышленный, сознательный контроль, при помощи специально подготовленных экспертов. Отныне государство стало тотально следить за обществом. Для воспроизводства общественного строя всё чаще стал

³⁴¹ Фаге Э. Культ некомпетентности. М., 2005. С. 166-167

³⁴² Бауман З. Законодатели и интерпретаторы. М., 1999. С. 9-10

применяться метод двойного воздействия. Это особое устройство тюрьмы, когда камеры расположены по кругу, а в центре находится надзиратель. И чем больше применялся этот метод, тем сильнее уменьшалось значение легитимации³⁴³. Окончательно сформировавшемуся государству Нового времени успешно удавалось воспроизводство своего строя, и это не зависело от того, насколько глубоко общество привержено «господствующим ценностям».

Роль интеллектуалов в XX веке резко возросла. Они стали выполнять роль посредника между обществом и властью. Бауман отмечал, что к умершему богу присоединилось государство, отказавшееся задавать этические стандарты. «Авторитеты возникают ниоткуда, чтобы, улучив момент доверия, незаметно исчезнуть в никуда – спросить не с кого»³⁴⁴. Это уже была другая роль, она характеризовалась конфронтацией с элитой.

Таким образом, можно представить себе идеальный образ интеллектуала. Он анализирует текущую ситуацию в стране, находит наиболее важные проблемы, выдвигает тезисы. Всё это делается, чтобы повысить низкий уровень дискуссий в обществе и, вследствие этого, запустить механизм общественного влияния.

Как правило, Интеллектуалов в России всегда задвигали на второй план, в то время как предметом научных исследований, дискуссий и публикаций была интеллигенция. По непонятным причинам ими восхищались, их идеализировали. Интеллигенция считала себя носителем совести общества. Она противопоставляла себя государству.³⁴⁵ Некоторые ученые в интеллигенции выделяют отдельный круг интеллектуалов. В связи с этим, категория интеллигенции выглядит не однородно. На определенном этапе из среды интеллигенции выделяются интеллектуалы, определенные профессиональным составом: ученые, профессора вузов, журналисты, философы писатели. Их мнение в обществе авторитетно, и они могут разговаривать с властью на равных. В своё время, З. Бауман их всех называл «интерпретаторами». Это те, кто делает доступными идеи одного сообщества для понимания другим сообществом. Интеллектуалы всегда настроены на диалог между обществом и государством. Он старается не поддаваться эмоциям, а следовать рациональным суждениям.

Стоит отметить, что интеллигенция в России чаще всего терпела поражение. Так было в 1917 году, когда силы, пришедшие к власти благодаря интеллигенции, потом успешно оттеснили её от власти. Итак, российская интеллигенция исторически исчерпала себя. Сейчас мы переживаем момент, когда в стране востребованы интеллектуалы - генераторы идей, ученые и философы. Те, кто настроен на диалог между обществом и государством, те, кто говорит правду власти и кого власть слушает. Но это взаимодействие, по

³⁴³ Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 345

³⁴⁴ Бауман З. Указ. Соч. С. 12.

³⁴⁵ Современные российские элиты. [Электронный ресурс]. URL: http://www.polit.ru/article/2004/03/24/polit_studies/ (дата обращения 23 октября 2012)

сути, не функционирует, так как власть становится закрытым клубом. И задача власти состоит в навязывании своего мнения массе. Но диалог не может состояться по причине того, что нет соответствующих фигур. На Западе они присутствуют, а в России их осталось считанное количество. Как отмечал Мишель Фуко: они превратились в частных вместо «общих» интеллектуалов, либо присоединились к бюрократии и удобно обустроились там, обучившись правилам игры, в которой успех измеряется не качеством работы, а известностью и прежде всего - частотой появления на телеэкране³⁴⁶.

На Западе власть еще в середине прошлого века взяла курс на вовлечение интеллектуалов в политический процесс потому, что стало очевидным их влияние в обществе, их способность изменить ситуацию. Создавались различные комитеты, советы, экспертные организации, в которых наиболее полно использовались творческий и интеллектуальный потенциал и пассионарность этих людей. К примеру, добились успеха и интеллектуалы, ставшие идейной опорой студенческих волнений во Франции 1968 году. В России же наблюдалась архаичная или неэффективная организация науки по множеству позиций и направлений, отсутствовал стратегический подход к приоритетности научно-технических проблем и направлений. И уже в конце XX века значительно упал престиж интеллектуалов. Все это подводит интеллектуалов к опасной черте, за которой они уже не смогут считаться элитой. Поэтому, именно сейчас нуждаются в поддержке «пассивной интеллигенции», так как она способна повлиять на всё общество.

Но если посмотреть на эту проблему с другой стороны, то можно увидеть, что политическая система зависит не только от влияния на общество самой власти. А зависит она от того, насколько это позволяют ей граждане. Именно от общества зависит, какое влияние оно будет оказывать на власть. В отличие от Запада, в России наблюдается низкий уровень политической культуры. Это можно объяснить тем, что у России не было такого опыта демократического развития. Наш народ всегда был ведомым. А пока в России, с нашей точки зрения, наблюдается неуверенность в завтрашнем дне, а отсюда потребность в стабильности. В стране сложился авторитарный рефлекс³⁴⁷: 1) отрицание всего нового, всего позитивного, отстаивание непогрешимости старых, привычных моделей или собственных позиций; 2) раболепное преклонение перед лидером в надежде на безопасность, сохранение власти и доходов.

Получается, что будущее интеллектуалов в России будет зависеть от них самих. Возможно, как отмечал А. Тойнби, в России будет действовать модель «ухода и возврата»³⁴⁸: «уходя из общества, позже интеллектуал

³⁴⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 265

³⁴⁷ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. М., 1999. С. 25

³⁴⁸ Тойнби А. Постигание Истории. М., 1991. С.37

возвращается в то же самое окружение, но уже наделенный новыми способностями и творческими силами». Пока неизвестно, смогут ли интеллектуалы взять на себя ответственность в нашей стране.

На Западе же наблюдается диаметрально противоположная картина. Там очень высок уровень участия граждан в политической жизни страны. В отличие от России, на первое место ставится общество, а потом государство. Именно поэтому на Западе наблюдается высокая активность политических партий и социальных групп. Но не стоит забывать о том, что социальная активность в Европе на протяжении долго времени строится по другим доминантам. Тогда как в России, до недавнего времени, такое было трудно представить в силу естественных причин. Поскольку пока отсутствует система проведения диалога «общество — элита — государство».

Таким образом, мы попытались рассмотреть эволюцию учений об элитах, а также показать отличия во взаимодействии элиты и общества на примере Запада и России. Вышеуказанный вопрос имеет огромную значимость для России и российского общества. Кризис российского общества можно объяснить низкими деловыми качествами политической элиты. Только, когда в России установится реальная демократия, с реальной многопартийной системой и гражданским обществом, наша страна сможет выйти из кризиса. И только тогда мы сможем оценить рост управленческой культуры, востребованность грамотных и думающих специалистов, которые будут обладать всеми аналитическими качествами, для успешной управленческой работы.

Яковлев И. В.,

бакалавр Национального исследовательского
Саратовского государственного университета
имени Н.Г.Чернышевского.

Мотивация наблюдателей и членов УИК к участию в федеральных и региональных выборах в представительные органы власти.

Темой моего исследования является мотивация активных участников выборного процесса: наблюдателей, наблюдателей с правом совещательного голоса, наблюдателей с правом решающего голоса и членов участковой избирательной комиссии. Вследствие исследования мне необходимо выявить мотивации участников выборного процесса, политические предпочтения определенных социальных слоев и возрастных групп наблюдателей и членов УИК. В процессе исследования мною проведен социологический опрос на предмет мотивации участия в выборном процессе. Одна из задач практического направления - выработать и сформулировать теоретический комплекс необходимых средств мотивации, для подбора более эффективных представителей политических партий и кандидатов в депутаты. Специфика исследования ориентирована на большое количество политических сил участвующих в избирательном процессе.

Специфика представления о выборах в прессе и среди населения страны, показывает, что все больше преобладает в настроениях граждан нежелание участвовать в выборах и даже некоторая аполитичность³⁴⁹. В случае с избирателями политические интересы могут быть не столь велики, как в случае с наблюдателями или членами УИК. В нашей стране история складывается так, что процесс выбора побуждает к участию не столько из активной политической позиции, или интереса к механизма проведения выборов, сколько ради вознаграждения или по просьбе «3-их» лиц, опосредованно, но, тем не менее, заинтересованных в результатах выбора.

Социологический опрос проводился в саратовской области среди членов УИК и наблюдателей на избирательных участках гг. Саратова и Энгельса, через сеть интернет были опрошены наблюдатели от политических партий в гг Балаково, Ртищево и Базарном Карбулаке. Необходимо отметить, что сеть интернет заполнена материалами авторских статей на тему: "как я был наблюдателем", где, разоблачаются все нарушения прошедших выборов всех масштабов и уровней по всей стране, от Владивостока до Калининграда. Необходимо отметить, что все авторы подобного рода статей являлись представителями от партии "Яблоко", «КПРФ» и от так называемых себя коммунистами партий, и ряда независимых организаций. Примечательно, что большая часть материалов о нарушениях весьма солидно подтверждена видео материалами, записанными на избирательных участках, аудио записями и снимками, сделанными в непосредственной близости от места проведения голосования.³⁵⁰³⁵¹³⁵²

Важно отметить, что основная масса наблюдатели – это занятые в экономике граждане, налогоплательщики, в большинстве своем, если не все, участвовали в выборах исключительно по собственному желанию, и мало того, были профессионально подготовлены, так сказать подкованы теорией, способствовавшей проведению "честных выборов" на местах. Установлено, что именно предприниматели, работники информационной сферы, студенты, партийные активисты, наиболее активно высказываются о процессе и результатах выборов. Работники социальной сферы предпочитают не комментировать процесс и результаты выборов.

Однако, данные социологического опроса, проведенного мною, показывают, что доля работников социальной сферы среди наблюдателей и членов УИК достаточно велика – 48,6 %, а потому говорить о том, что выборы активно обсуждаются всем населением страны – невозможно.

³⁴⁹ Липман. Российская аполитичная середина.

<http://www.democracy.ru/article.php?id=1544> М. 04.06.2007

³⁵⁰ Фирсов А. Как я был наблюдателем на выборах 2012
<http://www.democracy.ru/article.php?id=3351>.08.03.12

³⁵¹ Данилов Денис. Как я был наблюдателем.
www.facebook.com/notes//257673114287910 5.12.2011

³⁵² Алексей Седов. Как я был наблюдателем на выборах. <http://alsedov.ru/vybory-4-dek/> 05.12.2011.

В связи с этим можно выделить несколько главных групп наблюдателей.

1. **Студенты.** По большей части студенты ВУЗов или студенты колледжей, техникумов, лицеев, особенно старшекурсники. Обусловлено это, в первую очередь, финансовой мотивацией участников, но без сомнения, взгляды на процесс выборов студентов ВУЗов и СУЗов разнятся, а соответственно имеют место быть и различные мотивации к участию в выборах.

2. **Работники социальной сферы, пенсионеры, работники сферы производства и государственные служащие** были также объединены в одну группу. Причиной тому послужила мотивация участия в выборах – зачастую участвовали в качестве наблюдателей по просьбе «3-их лиц», по просьбе руководителей, а иногда вовсе - строгая обязательность.

3. Самая немногочисленная, но, тем не менее, самая разношерстная группа - **работники сферы услуг частного сектора экономики.** Сюда входили журналисты, менеджеры, юристы и повара ресторанов, массажисты. В общем, работники умственного и физического труда частного сектора экономики и сферы услуг. Зачастую, именно эта группа участников выборов была свободна в выражении своих интересов и не ограничена с выбором того, чьи интересы они будут представлять на выборах. Результаты опроса сведены в таблицу

Таблица № 1.

Результаты опроса наблюдателей и членов УИК №1.

№ группы	Группа наблюдателей и членов УИК.	Количество опрошенных представителей данной группы	Количество опрошенных представителей данной группы %
1	Студенты	32	21,6
2	Работники социальной сферы, пенсионеры, работники сферы производства и государственные служащие	72	48,6
3	Работники сферы услуг частного сектора экономики	44	29,8
	Всего.	148	100

Рассматривая вопрос мотивации я обнаружил несколько крупных видов мотивации к участию в выборах.

1. Работа за вознаграждение. Актуальная мотивация для первой группы наблюдателей и членов УИК - оплата. Для 64 % опрошенных данной группы именно этот вид мотивации был самый распространенный при решении вопроса участия в выборах в качестве наблюдателя и члена УИК.

2. Работа по просьбе третьих лиц. Под третьими лицами понимается косвенно заинтересованные предприниматели, работодатели или

руководители. Зачастую, данная мотивация послужила основной для 50 % опрошенных второй группы наблюдателей и членов УИК.

3. Работа из интереса к процессу выборов или активная политическая позиция. Не редко представители третьей группы работают из побуждений удовлетворения своего гражданского чувства справедливости или из ярко выраженных политических предпочтений. Студенты или работники социальной сферы мало интересуются своей гражданской самореализацией через выборы, а уж тем более, мало интересуются выражением своей активной политической позиции. Порядка 54% респондентов из числа представителей 3-ей группы участвуют в выборах по этой причине. Но тут необходимо отметить, что доля таковых составляет менее трети в группах студентов и работников социальной сферы. Результаты опроса сведены в таблицу №2.

Таблица 2.

Результаты опроса наблюдателей и членов УИК.

Номер группы	Группа наблюдателей или членов УИК.	Работа за вознаграждение %	Работа по просьбе третьих лиц %	Работа из интереса к процессу выборов %
1	Студенты	64	4	32
2	Работники социальной сферы, пенсионеры, работники сферы производства и государственные служащие	17,6	50	32,4
3	Работники сферы услуг частного сектора экономики	22,7	22,7	54,6

Разделение на определенный вид мотивации совершенно условен, для каждого конкретного участника опроса именно эта мотивация была основной. Зачастую, у участников опроса было несколько мотивационных моментов.

Очень интересными были ответы, почему люди не ходили на выборы из далекого 2003 года:

« Помешали обстоятельства, не было возможности», - так чаще всего отвечают люди на вопрос о том, почему они не пошли голосовать. При этом, очевидно, такая позиция чаще всего является отговоркой, так как любой человек принимает решение о своей включенности в общественный процесс, соизмеряясь с имеющимися у него мировоззренческими установками и соответствующими социальными приоритетами.

Согласно исследованию АРПИ 2003 года, посвященному причинам отказа россиян от участия в выборах, 31% респондентов назвали «обстоятельства»; 15% сказали, что от их имени ничего не зависит; 14%

заявили, что не интересуются политикой; 13% - что у них не было времени прийти на избирательный участок; 9% - что нет партии, которая бы выражала их интересы; 6% - что политика – это грязное дело; у 8% оказались другие причины; 4% затруднились ответить.³⁵³»

Как мы знаем, в стране за последнее десятилетие мало что изменилось, но в процессе подготовки к выборам по мнению опрошенных секретарей и членов УИК, увеличилось ли количество наблюдателей за последнее время? Отмечали, что количество наблюдателей выросло значительно. В связи с этим, самыми «наблюдаемыми» были последние выборы в октябре 2012, проведенные в области.

По сведениям членов УИК было отмечено, что в день голосования на некоторых участках в Саратовскую областную Думу 5 созыва, даже мест не хватало для всех желающих понаблюдать за ходом голосования. Но при этом, стоит заметить, что не выросло количество проголосовавших. А Балаковские органы муниципального управления вообще констатируют факт, что количество проголосовавших в 1,5 раза меньше по сравнению с прошедшими выборами депутатов Государственной Думы и выборами Президента РФ.³⁵⁴

Таблица №3.

Явка на выборах в областную Думу Саратовской области.^{355 356}

Порядк овый номер думы	1	2	3	4	5
Явка на выборах	37,1	43,06	40,49	61,37	46,93

Тут важен ещё один факт – количество политических партий представленных на выборах в областную Думу гораздо больше, чем кандидатов в Президенты или Государственную Думу. Было представлено 13 политических партий!

Анализ показывает, что количество политических партий и было причиной столь великого количества наблюдателей. Но количество так и не перешло в качество. Единственные, кто не удовлетворен результатами выборов и активно об этом заявляют – это КПРФ. Остальные остались

³⁵³ Почему люди не ходят на выборы?
http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_40_aId_288934.html 25.12.2003

³⁵⁴ [/информация-о-выборах-депутатов-саратовской-областной-думы-в-созыва](http://www.bmr-portal.ru/content/22/10/2012-10:43)
 Балаковский муниципальный район официальный сайт органов местного самоуправления. ИНФОРМАЦИЯ О ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ V СОЗЫВА [http://www.bmr-portal.ru/content/22/10/2012 - 10:43](http://www.bmr-portal.ru/content/22/10/2012-10:43)

³⁵⁵ Выборы в Саратовскую областную Думу третьего созыва
 электоральная статистика, аналитический обзор, Саратов январь 2003 г.
http://old.srd.ru/documents/vibori/inf_v3.pdf

³⁵⁶ Сергей Петунин. Партия власти преодолела 70 % барьер
<http://www.kommersant.ru/doc/2045626> Коммерсантъ (Саратов), №194 (4976), 16.10.2012

незамеченными или довольными – не важно. В таком случае, важен тот факт, что только у КПРФ оказались работоспособные наблюдатели.

Материалы опросов, информацию о явке и соотношении множества факторов, в том числе освещение СМИ процесса выборов, дают основание сделать вывод, что наблюдатели, как и члены УИК зачастую не были заинтересованы в выполнении своей работы на «отлично», были плохо знакомы с законодательством, посредственно относились к своим обязанностям. Все это и вылилось в недовольство результатами выборов – стихийной волне, покрывшей информационное поле россиян в послевыборной лихорадке.

С группами наблюдателей и их мотивацией прослеживаются общие тенденции в психологическом восприятии политики и процесса выборов разными возрастными группами и социально разношерстными индивидами. А потому, наиболее перспективным направлением в подготовке наблюдателей должны быть регулярные семинары для будущих представителей партий, объединений, блоков и самовыдвиженцев. Подготовка должна носить постоянный характер, для этого вполне подойдут онлайн-конференции, дистанционные занятия или форма непосредственного контакта в виде семинаров о правилах проведения выборов.

Как показывают результаты опроса, наиболее интересными для партий будут работники сферы услуг частного сектора экономики (предприниматели, экономисты, юристы, работники IT-сферы и пр.) Тут часто сказывается квалификация данного персонала – уровень образования, специфика работы (в частности непосредственная связь с законодательством), дает о себе знать и идеологическая мотивация, гражданское самосознание, активная политическая позиция. Важным для политических партий будет и тот факт, что в третьей группе опрошенных только 22,7 респондентов назвали в качестве основной мотивации – денежное вознаграждение.

Поскольку административный ресурс является доступными для меньшинства политических сил говорить о повышении роли и значения второй группы респондентов не приходится. Не приходится говорить и о повышении роли студенчества в выборном процессе, потому как административный ресурс затрагивает и их сферу интересов. Но что может изменить ситуацию в этих группах?

С нашей точки зрения, положение может изменить, по крайней мере, в первой группе респондентов, достаточное финансирование и работа в социальных сетях. Пока социальные сети отвоевывают все новые и новые горизонты развития рекламы и интегрируются в повседневную жизнь каждого гражданина – необходимо этим пользоваться. Особенно в такие важные моменты, когда требуется подготовка первоклассных специалистов для наблюдения за процессом выборов.

Содержание

	6 конгресс политологов РФ	3
	I раздел. Доклады.	
Барашков Г.М.	Институты и функциональные особенности гражданского общества в современной России	5
Казаков А.А.	Манипуляционные механизмы политических медиа-текстов: вариант ранжирования	19
	II раздел. Статьи.	
Базаев К.В.	Телекратия как политико-культурный феномен информационного общества	27
Барашков Г.М.	Гражданские добродетели или необходимые условия функционирования гражданского общества	33
Борисова М.К.	Циклические концепции социально-исторического процесса в творчестве П.А.Сорокина: политологическая интерпретация	39
Жедь Б.А.	Некоторые теоретические подходы к функциональности политической конкуренции в условиях демократии: к историографии проблемы	46
Журавлёва Ю.В.	Анализ динамики Российской демократии на основе комплексных показателей	53
Заварина А.С.	Политические ценности российского общества (анализ социологических опросов ФОМ, ВЦИОМ, «Левада-Центр»)	59
Зевако Ю.В.	Государственная национальная политика Российской Федерации: принципы, институты, проблемы	68
Зимин В.А.	Идеологическая составляющая в политической культуре современной России	74
Куфтов Н.С.	Проблема образа армии в научном дискурсе современной России	84
Ливерко О.В.	Проблемы политической идентичности военнослужащих в отечественной научной литературе	91
Лихачёва К.О.	Коммуникативные возможности жанра политической сатиры	95
Луценко О.А.	Антикоррупционная политика Российской Федерации	99
Мишин К.Ю.	Основные этапы развития системы оценивания	104
Новичков П.С.	Цитирование и политико-идеологических текстах (заметки на полях)	109
Петров Д.Е.	Политическая роль силовых структур: мировой и отечественный опыт теоретического осмысления	112
Росошанский А.В.	СМИ и противоречия современного мира	126
Савинов А.В.	Интернет-сервис твиттер как инструмент политики	133

Сальников О.М.	Интернет и выборные кампании в современной России 2011-2012 годов	137
Суслов А.Ю.	Централизованное исполнение бюджета как инструмент контроля государственных финансов в современной России	141
Тарасова И.П.	К вопросу о правовой культуре современного российского общества	145
Толкалов А.С.	Социально-политический контекст формирования политических лидеров в России и Чехословакии в условиях демократического транзита	150150
Толкунов Н.С.	Взаимоотношения политической и интеллектуальной элиты	156
Яковлев И.В.	Мотивация наблюдателей и членов УИК к участию в федеральных и региональных выборах в представительные органы власти современной России.	160

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
КАФЕДРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Выпуск 18

--

Подписано в печать
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная
Усл. печ. л. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательский центр «Наука»
Типография АВП «Саратовский источник»
Лиц. ПД №7-0014 от 29 мая 2000г.